

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2026 | № 25 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Под редакцией М. А. Колерова
Редактор З. Д. Емельянова

На обложке фото М. Е. Бороздинского

**И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT. №25 / Под ред.
М. А. Колерова. М. : Модест Колеров, 2026. (www.ostkraft.ru.) —
208 с.**
ISBN 978-5-6054314-6-6

ISBN 978-5-6054314-6-6

© Авторы статей, 2025
© Модест Колеров, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ф. А. Гайды. А. С. Пушкин и М. П. Погодин: к вопросу об истоках фразы «Народ безмоловствует»</i>	5
<i>Дэвид Вулф. До станции Харбин. Либеральная альтернатива в Российской Манчжурии, 1898–1914</i>	15
<i>О. Р. Айрапетов. Падение Порт-Артура, 9 января 1905 года и начало революции</i>	68
<i>Александр Дюков. Обстоятельства ареста и освобождения В. И. Ульянова в австрийской Галиции в контексте оперативной деятельности австро-венгерской военной разведки, 1912–1914 гг.</i>	106
<i>М. А. Колеров. Угроза с Запада, «второй центр» и ГОЭЛРО: когда большевики на деле вдохновились планом Гриневецкого? Новые данные 1918 года</i>	152
<i>Ф. А. Гайды. Иосиф Джугашвили в главной роли: заметки об особенностях сталинского визирования</i>	161
<i>Екатерина Корнеева. Заблудшие, полезные utiлизированные: генерал Николае Рэдеску в материалах ЦРУ США о Румынии</i>	169
<i>М. А. Колеров. Территориальные претензии Советской Грузии (СССР Сталина) к Турции в декабре 1945 года. Документ</i>	178
<i>Михаил Геризон. Стрельба во все стороны Всеволода Кочетова: роман «Чего же ты хочешь?»</i>	192

Ф. А. Гайда

А. С. ПУШКИН И М. П. ПОГОДИН: к вопросу об истоках фразы «Народ безмолвствует»

Знаменитая пушкинская фраза, завершающая трагедию «Борис Годунов» — «Народ безмолвствует» — имеет большой драматический и исторический смысл, однако появилась она в произведении не сразу. Финал был изменен автором в 1830 г., накануне первой публикации и после выхода романа Ф. Б. Булгарина, о котором речь ниже.

Как толкование финала, так и вопрос об источниках происхождения самой фразы часто интересовал исследователей¹. Указывалось на то, что пассажи о народном безмолвии часто встречались в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, под влиянием которой и была написана трагедия. Однако историк прибегал к такой формулировке в самых разных случаях, далеко не всегда, как у Пушкина, предвещавших в будущем трагическую развязку². Описывая военный мятеж против Федора Годунова в 1605 г., Карамзин рисовал такую картину: «Наконец, 7 Маия, заговор открылся: ударили тревогу; Басманов сел на коня и громогласно объявил Димитрия Царем Московским. Тысячи восклик-

¹ Обзор мнений см.: Алексеев М. П. Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. А., 1984. С. 221–252; Пушкин А. С. Сочинения / Комментированное издание под ред. А. М. Бетеа: Вып. 2: Борис Годунов. М., 2008. С. 321–328.

² См., напр.: Карамзин Н. М. История государства Российского : в 3 кн. (12 т.). СПб., 1997. Кн. 1. С. 171; Кн. 2. С. 440; Кн. 3. С. 491, 508.

нули, и Рязанцы первые: «Да здравствует же отец наш, государь Димитрий Иоаннович!» Другие еще безмолвствовали в изумлении³. Затем здравицы в честь Дмитрия, согласно Карамзину, звучали и во время московского восстания против Годуновых⁴. Пушкин поместил этот эпизод к свою трагедию (предпоследняя сцена «Лобное место»). Сама сцена оглашения смерти царя и его матери у Карамзина описывалась так: «Москве объявили, что Феодор и Мария сами лишили себя жизни ядом; но трупы их, дерзостно выставленные на позор, имели несомнительные признаки удавления. Народ толпился у бедных гробов, где лежали две Венценосные жертвы, супруга и сын властолюбца, который обожали погубил их, дав им престол на ужас и смерть лютеейшую! <...> Многие смотрели только с любопытством, но многие и с умилением: жалели о Марии, которая, быв дочерью гнуснейшего из палачей Иоанновых и женою святоубийцы, жила единственно благодеяниями, и коей Борис не смел никогда открывать своих злых намерений; еще более жалели о Феодоре, который цвел добродетелию и надеждою: столько имел и столько обещал прекрасного для счастия России, если бы оно угодно было Провидению!»⁵. В целом, описание Карамзиным событий 1605 г. не предполагало какого-то особых безмолвия. Наоборот, финал с фразой «Да здравствует царь Димитрий Иоаннович!» был вполне логичен.

В. С. Листов и Н. А. Тархова полагали, что перемена финала произошла под влиянием вышедшего в 1829 г. последнего тома «Истории» Карамзина, где присутствовала фраза о царе Василии Шуйском: «Василий, как опытный наблюдатель тридцатилетнего гнусного тиранства, не хотел ужасом произвести безмолвия, которое бывает знаком тайной, всегда опасной ненависти к жестоким Властителям»⁶. Однако тут речь шла о правителе-тиране, а не о кровопролитии при взятии власти. М. П. Алексеев указывал на известную Пушкину речь О. де Мирабо в Учредительном собрании в 1789 г.: «Пусть мрачное молчание прежде всего встретит монарха в эту минуту скорби. Молчание народа — урок королям». Последняя фраза к тому времени уже превратилась во Франции в крылатое выражение⁷. Однако и в данном случае

³ Карамзин Н. М. Указ. соч. Кн. 3. С. 473.

⁴ Там же. С. 477.

⁵ Там же. С. 479.

⁶ Там же. С. 541.

⁷ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 245–249.

речь шла о легитимном правителе. Как известно, у самого Пушкина еще в оде «Вольность» (1817) присутствовала соответствующая тема молчания:

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит⁸.

Ближе всего по драматургии пушкинская сцена близка шекспировской сцене из трагедии «Ричард III», где описывалась шокирующая молчаливая реакция народа на убийство Ричардом своих невинных племянников-принцев (акт III, сцена VII)⁹. Пушкин был увлечен творчеством Шекспира, по меньшей мере, с 1824 г.: «После чтения Шекспира <...> я всегда чувствую кружение головы; — мне кажется, будто я глядел в ужасную мрачную пропасть»¹⁰. В набросках предисловия к «Борису Годунову» поэт писал, что его вдохновило «изучение Шекспира, Карамзина и древних наших летописей»¹¹.

Итак, трагедия «Борис Годунов» (первоначально: «Комедия о царе Борисе и Гришке Отрепьеве») была написана летом-осенью 1825 г. после прочтения X тома «Истории» Карамзина и впоследствии посвящена его памяти. Трагедия заканчивалась сценой, в которой народ кричал здравицу в честь Самозванца («Да здравствует царь Димитрий Иоаннович!»). Однако по замыслу поэта власть, установленная на крови, будь то власть Бориса или Лжедмитрия, не могла принести народу блага, а любые здравицы в честь таких правителей сразу обличались ненавистью: подобные восхваления ровным счетом

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. М., 1994–1997. Т. 2. С. 44.

⁹ Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1957–1960. Т. 1. С. 516–518; Gifford H. Shakespearean Elements in «Boris Godunov» // The Slavonic and East European Review. 1947. Vol. 26. № 66. P. 152–160; Пушкин А. С. Сочинения / Комментированное изд. под ред. А. М. Бетеа. С. 322–323.

¹⁰ Разговоры Пушкина. М., 1991. С. 87.

¹¹ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 11. С. 110.

ничего не стоили. В 1826 г. рукопись уже была достаточно широко известна обществу. С ней ознакомился император Николай I. Сохранились замечания, предположительно принадлежащие Ф. В. Булгарину и переданные начальником тайной полиции А. Х. Бенкендорфом царю: критик увидел в произведении мало оригинального, при этом считал возможным публикацию при условии исключения ряда мест — якобы слишком грубых и неприличных. Касательно сцены у Новодевичьего монастыря автор замечаний писал: «Здесь представлено, что народ с воплем и слезами просит Бориса принять царский венец (как сказано у Карамзина), а между тем изображено: что люди плачут сами не знают о чем, а другие вовсе не могут проливать слез и хотят луком натирать глаза! «О чём мы плачём?» — говорит один: «А как нам знать, то ведают бояре, не нам чета!» — отвечает другой. — Затрудняюсь в изложении моего мнения на счет сей сцены. Прилично ли так толковать народные чувства?». На замечаниях monarch поставил свою резолюцию: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с *нужным очищением* переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие *Вальтер Скотта*» [здесь и далее: курсив оригинала. — Ф. Г.]¹².

«Переделывать», несмотря на все свое уважение к В. Скотту, Пушкин не стал. Зато Булгарин вполне в духе царской резолюции написал исторический роман «Димитрий Самозванец», опубликованный в феврале 1830 г. В нем неоднократно звучала фраза «Да здравствует царь Димитрий Иоаннович!». Присутствовали и более очевидные признаки плагиата¹³. После выхода романа Булгарин переслал поэту экземпляр с сопроводительным письмом, в котором в виду распространявшихся слухов отрицал наличие заимствований¹⁴. Пушкин в письме другу кн. П. А. Вяземскому отреагировал так: «Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно — но рас-

¹² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 7. [Л.], 1935. С. 412–415; Винокур Г. О. Кто был цензором «Бориса Годунова»? // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 1. М.; Л., 1936. С. 203–214.

¹³ Булгарин Ф. Димитрий Самозванец: Ист. роман / Под общ. ред. и с примеч. С. Ю. Баранова. Вологда, 1994; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: в 4 т. Т. III. (1829–1832) / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. С. 108.

¹⁴ Ф. В. Булгарин — А. С. Пушкину. 18 февраля 1830 г. Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 14. С. 67.

путица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 вёрст длины в России нет... »¹⁵.

В марте появилась критическая рецензия А. А. Дельви-га на «Дмитрия Самозванца»¹⁶. Считая Пушкина ее инициатором или автором, Булгарин попытался ответить. Однако критическая статья Булгарина о седьмой главе «Евгения Онегина» вызвала возмущение даже со стороны императора, который написал Бенкендорфу: «Я забыл Вам сказать, что в сегодняшнем номере Пчелы находится опять несправедливейшая и пошлайшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение; поэтому предлагаю Вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; а если возможно запретите его журнал» [перевод с франц. яз.]. В ответ Бенкендорф послал царю «Дмитрия Самозванца» и отметил: «Я бы желал, чтоб авторы, нападающие на это сочинение, писали в том же духе, так как сочинения — это совесть писателей» [перевод с франц. яз.]. Однако император все же признал критиков Булгарина правыми¹⁷. Литературная дуэль Пушкина и Булгарина продолжалась и далее, однако в данном случае важно следующее: считать выход булгаринского романа главной причиной последующего изменения финала пушкинской трагедии невозможно.

Пушкин начал хлопотать о публикации трагедии в марте 1829 г.¹⁸ Однако дело шло неспешно: поэт покинул Петербург до ноября. Весной 1829 г. в Москве произошло знакомство с Н. Н. Гончаровой, а затем и первое сватовство. После условного отказа от ее матери Пушкин уехал на Кавказ¹⁹. В марте 1830 г. поэт вновь приехал в Москву и поселился в гостинице «Англия» (Глинищевский переулок, дом 6). Как уже было сказано, его занимал вовсе не Булгарин.

6 апреля праздновалась Пасха, которую Пушкин неизменно отмечал. Позднее А. Н. Раевский рассказывал М. П. Погодину: «Пушкин не пропускал никогда в Одессе заутреню на Светлое Воскресенье и звал всегда товарищей «услышать голос русского

¹⁵ Кн. П. А. Вяземскому. Вторая половина (не ранее 18) марта 1830 г. Москва // Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 14. С. 74.

¹⁶ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. III. С. 166.

¹⁷ Там же. С. 168–170, 175–177.

¹⁸ Там же. С. 24–25.

¹⁹ Там же. С. 28, 32, 37–38, 46, 48.

народа» (в ответ на христосованье священника «воистину воскресе»)»²⁰ (речь шла о Пасхе 1824 г.). «Голос русского народа» поэту был важен. И таким истинным голосом явно не могла быть здравица в честь Самозванца.

Пасха 1830 г. стала для Пушкина особой. В Москве он вторично посватался к Гончаровой и получил согласие на брак²¹. На Антипасху 13 апреля поэта посетил его друг и соратник М. П. Погодин (историк, на тот момент адъюнкт Московского университета), который прочел ему свою рецензию на «Димитрия Самозванца». К радости Погодина Пушкин принял рецензию очень хорошо²². 16 апреля поэт написал очередное письмо Бенкендорфу, в котором умолял о возможности опубликовать «Бориса Годунова» (требовалась деньги на будущую женитьбу). На черновике письма к Бенкендорфу был нарисован портрет невесты. На сей раз было получено разрешение²³.

6 мая состоялась помолвка, и в тот же день начато предисловие к «Годунову»²⁴. 10 мая Пушкина вновь посетил Погодин. В его дневнике сохранилась запись: «Долгой и очень занимательный разговор об Рус[ской] Истории». В этот день Погодин признался поэту, что под влиянием «Годунова» стал писать трагедию «Марфа, посадница Новгородская», после чего Пушкин потребовал от историка прочесть ее. Уже 13 мая Погодин читал Пушкину 1-е действие, изображавшее народное вече. На просьбу об откровенной оценке получил ответ: «Я не ждал. Боюсь хвалить вас. Ну, если вы разовьете характеры так же, дойдет до такой высоты, на какой стоят народ[ные] сцены. Чудо»²⁵.

Стоит попутно отметить народное происхождение самого Погодина: в 1806 г. в 6-летнем возрасте он вместе с отцом получил освобождение от крепостной зависимости. Итак, поэт обратил внимание именно на те сцены, в которых у Погодина изображался народ. В первом действии «Марфы» была, в частности, такая ремарка, связанная с получением неожиданного известия о гневе Ивана III и его походе на Новгород: «Внезапная тишина. Народ,

²⁰ Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 40.

²¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. III. С. 180.

²² Цявловский М. А. Пушкин по материалам Погодинского архива // Пушкин и его современники. СПб.; Л., 1903–1930. Т. 5. Вып. ХХIII–ХIV. С. 106.

²³ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. III. С. 183–184, 188.

²⁴ Там же. С. 194.

²⁵ Цявловский М. А. Указ. соч. С. 106.

изумленный угрозою, несколько минут соблюдает глубокое молчание и вслушивается в речи сановников»²⁶.

На следующий день Пушкин вновь встретился с Погодиным и слушал 2-е и 3-е действия, в котором вновь изображалось вече. Историк записал в дневник: «Пушкин заплакал [в 3-м действии]: «Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто перед вашими ...», — и целовал и жал мне руку. <...> Да не слишком ли он воображает сам слушая и, как алхимик, подкидывает своего золота в реторту»²⁷. В письме их общему другу С. П. Шевыреву Погодин признавался: «Пушкин случайно допытается до моей тайны <драма «Марфа Посадница»> и заставит меня прочесть: был в восторге, плакал, целовал, говорил, что его народные сцены ничто перед моими и проч. и проч. Если моя трагедия в половину имеет достоинства в сравнении с его мнением, то я доволен. Может быть слушая меня, он сам многое вообразил, бросал свое золото, как алхимик, не знаю ...»²⁸.

28 мая Пушкин слушал 4-е действие «Марфы Посадницы». Погодин в дневнике отметил: «Прочел Пуш[кину] 4 действие, и доволен по-прежнему. Презанимат[ельный] разговор о Рос[сийской] Истории, о Напол[еоне], о Алекс[андре I] (мир в Москве)»²⁹. Наполеон — Самозванец, как и Отрепьев — входил в Москву, Александр в ответ на предложенный мир безмолвствовал, как и весь русский народ. Предшествующие дни (25–27 мая) Пушкин провел в Полотняном Заводе — калужском имении деда своей невесты А. Н. Гончарова³⁰. В октябре 1812 г. он встречал там фельдмаршала М. И. Кутузова: Полотняный Завод стал финальной точкой отступления русских войск в Отечественной войне. Рассказами Гончарова поэт, видимо, и поделился с Погодиным.

26 мая Пушкин отмечал в Полотняном Заводе свой 31-й день рождения, который в тот год совпал с Духовым днем (Вяземский в письме жене особо отметил этот знаменательный факт)³¹. Праздник обычно широко отмечался и был, как известно, связан со схождением Святого Духа на апостолов, получивших дар говорить

²⁶ Погодин М. П. Марфа, Посадница Новгородская. М., 2015. С. 17.

²⁷ Цявловский М. А. Указ. соч. С. 107.

²⁸ Барсуков Н. П. Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву // Русский Архив. 1882. № 5. С. 148.

²⁹ Цявловский М. А. Указ. соч. С. 107.

³⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. III. С. 201.

³¹ Звенья. Т. VI. М. ; Л., 1936. С. 259.

на разных языках и начавших свою вселенскую проповедь (Деян. 2 : 1–41). Тема безмолвия и речения, ответственности за сказанное слово выступала вполне определенно.

4 июля Пушкин слушал 5-е действие погодинской драмы: «Очень доволен, но меньше восторга»³². В финальном действии шла речь о прибытии великого князя в Новгород. Марфа предсказывала Ивану гибель его рода в отместку за покорение Новгорода, но великий князь не страшился, поскольку заботился лишь об исполнении своего долга и величии России. Прочтя в ноябре 1830 г. полный текст «Марфы», Пушкин написал Погодину из Болдина: «Что за прелест сцена послов! Как вы поняли русскую дипломатику! А вече? А посадник? А князь Шуйский? а князья удельные? я вам говорю, что это все достоинства — ШЕКСПИРОВСКОГО!»³³.

Погодин так же, как и Пушкин, использовал карамзинский сюжет, в первую очередь повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» (1803). Карамзин изображал народное безмолвие в особо трагических моментах: перед угрозами Ивана, падением вечевого колокола, после поражения на Шелони, при кончине Марфы. Появление Ивана в Новгороде заставило безмолвствующий народ прервать молчание: «Тут князь московский явился на высоком крыльце Ярославова дому, безоружен и с главою открытою: он взирал на граждан с любовию и положил руку на сердце. <...> Легионы княжеские взывали: «Слава и долголетие Иоанну!» Народ еще безмолвствовал. Заиграли на трубах — и в единое мгновение высокий эшафот [предназначенный для казни именных новгородцев. — Ф. Г.] разрушился. На месте его возвеялось белое знамя Иоанново, и граждане наконец воскликнули: «Слава государю российскому!»»³⁴. В изображении Карамзина и Погодина Иван III был положительным героем — и последнее слово оставалось за ним. В черновике пушкинской рецензии на погодинскую «Марфу» (ноябрь 1830 г.) поэт отмечал, что главным героем в произведении является Иван III³⁵. Народ замолкал по его воле, а не в ответ, как перед Самозванцем в «Борисе Годунове».

Тема подлинного мнения народа явно продолжала занимать Пушкина в это время. В начале июля им было написано стихотво-

³² Цявловский М. А. Указ. соч. С. 108.

³³ М. П. Погодину. Последние числа ноября 1830 г. Болдино // Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 14. С. 129.

³⁴ Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М. ; Л., 1964. Т. 1. С. 728.

³⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 11. С. 181–182.

рение «Поэту», в котором также говорилось о легковесности здравиц:

Поэт! не дорожи любвию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм³⁶.

19 июля Пушкин вернулся в Петербург. В те же дни во Франции произошла Июльская революция, которая с конца июля (по юлианскому календарю) стала главной темой разговоров в русском обществе³⁷. Парижане не безмолвствовали. Однако отношение Пушкина к событиям оказалось весьма ироничным: как к водевилю³⁸. В те дни поэт спорил с Вяземским на бутылку шампанского: будет ли казнен главный министр Карла X Ж. О. Полиньяк? Драматургия сюжета требовала казни, но Пушкин проиграл пари³⁹. 10 августа он уехал обратно в Москву, к невесте. До этого им была оставлена у издателя П. А. Плетнева исправленная рукопись «Бориса Годунова», где уже был изменен финал: появилась фраза «Народ безмолвствует»⁴⁰.

К Рождеству тираж был отпечатан в типографии Департамента народного просвещения⁴¹. За полторы недели до этого приехавший из Болдина Пушкин узнал о Польском мятеже. 9 декабря он написал Е. М. Хитрово (дочери М. И. Кутузова): «Какой год! Какие события! Известие о Польском восстании меня совершенно перевернуло. Наши исконные враги, очевидно, будут в конце истреблены и... ничего из того, что сделал Александр не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а лишь на соображениях личного тщеславия, театрального эффекта и т. д.... Известны ли вам бичующие слова фельдмаршала, вашего батюшки? При его вступлении в Вильну поляки бросились к его ногам. Встаньте, сказал он им, помните, что вы русские. — Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребле-

³⁶ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 3. С. 223, 1209.

³⁷ Атлас жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. III. С. 222–223.

³⁸ Е. М. Хитрово. 21 августа 1830 г. // Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 14. С. 108, 415.

³⁹ Атлас жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. III. С. 223–224.

⁴⁰ Там же. С. 225.

⁴¹ Там же. С. 275.

ния — или по крайней мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича. — Всё это очень печалит меня. Россия нуждается в покое. Я только что проехал по ней. Великодушное посещение государя воодушевило Москву, но он не мог быть одновременно во всех 16-ти зараженных губерниях. Народ подавлен и раздражен» [перевод с франц. яз.]⁴². Вновь оживали мрачные картины Смуты.

Таким образом, мысль о перемене финала трагедии могла появиться у Пушкина во второй половине мая — июле 1830 г. Карамзин и Шекспир выступали, безусловно, основными литературными источниками вдохновения. Однако в изображении народа Пушкин признал силу литературного пера Погодина. Безмолвие народа означало неприятие той силы, которая, по мнению народа, действовала без права и совести. Таковы были пушкинский Самозванец и шекспировский Ричард III, таков был и Наполеон в Москве, о котором толковали Пушкин с Погодиным в Глинищевском переулке 28 мая 1830 г.

---

⁴² Е. М. Хитрово. 9 декабря 1830 г. // Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 102.

Дэвид Вулф

ДО СТАНЦИИ ХАРБИН.

Либеральная альтернатива в Русской Манчжурии,
1898–1914

Английский торговец, немецкий исследователь и американский путешественник сидели под деревом перед Английским клубом, любуясь очаровательным заливом Чифу. О чем они говорили? Конечно, о России. На Дальнем Востоке о России говорят все и повсюду, и самое яркое проявление ее присутствия — Манчжуро-Сибирская железная дорога.

Американский сенатор Альберт Беверидж, 1904

Инженер. Расстегнут ворот.

Фляга. Карабин.

— Здесь построим русский город,
Назовем — Харбин.

Арсений Несмелов, «Стихи о Харбине»

7 июня 1895 г. от причала в Хабаровске отошел пароход «Телеграф». Пробравшись сквозь лабиринт песчаных наносов в устье реки Уссури, он направился вверх по Амуру. Прощальный молебен проводился под проливным дождем, что по русскому поверью предвещает удачу. Три дня спустя, взяв на борт в поселке Михайло-Семеновский одиннадцать казаков, вооруженных берданками, пароход покинул чистые воды Амура и вошел в мутно-желтую Сунгари. Путешественников сопровождали все те же болота по берегам реки, сменяющие друг друга далекие холмы

на горизонте и запах жасмина и пионов, но теперь судно плыло по китайской территории. Помимо команды и охраны, на борту находилось пятеро человек, имевшие целью оценить перспективы русской торговли по берегам Сунгари и ее притоков. Двое из них — Дмитрий Богданов и Николай Иванович Тифонтай — были купцами, давно занимавшимися коммерцией в Хабаровске. Они надеялись пробудить от пятнадцатилетней спячки надежды торгового сословия на обильные ресурсы Манчжурии и ее обширный рынок. Многочисленные экспедиции 1860-х и 1870-х гг. сталкивались с противодействием враждебно настроенных манчжурских чиновников. После обострения русско-китайских отношений в 1879–1881 г. новых попыток вплоть до 1895 г. даже не предпринималось.

На этот раз у исследователей имелись серьезные причины надеяться на успех. В мае того же года С. М. Духовской, генерал-губернатор Приамурья, обратился к графу А. П. Кассини, русскому послу в Пекине, с просьбой заручиться содействием со стороны китайского Министерства иностранных дел (*Zongli Yamen*). По словам Духовского, строительство северного участка Уссурийской железной дороги и увеличение численности русских войск на Дальнем Востоке после мобилизации 1895 г. привели к росту спроса на китайские зерно, мясо и рабочую силу, который мог быть удовлетворен только путем развития торговых связей между низовьем Уссури и бассейном Сунгари. Несмотря на то (а может быть, из-за того), что апрельские увертиюры Кассини по поводу строительства русскими железной дороги в Манчжурии были немедленно отвергнуты китайцами, китайское внешнеполитическое ведомство одобрило предложение Духовского и поставило об этом в известность цзянцзюня (губернатора) провинции Гирин. Таким образом, первые дивиденды от заступничества за Китай на переговорах в Симоносеки были получены не в Петербурге, а на Дальнем Востоке.

В четырех верстах выше единственного судоходного устья Сунгари «Телеграф» остановился на пограничной заставе в Лахасу-су для проверки документов. К большой досаде экспедиции местный манчжурский чиновник заявил, что не получал в отношении нее никаких указаний; однако после недолгого ожидания, потраченного на осмотр деревни и покупку безделушек (миниатюрных зеркал, крохотных кусочков мыла и т. п.), отряд получил разрешение проследовать вверх по Сунгари.

Этот первый успех воодушевил находившихся на борту «Телеграфа». Похоже, что дипломатические проблемы остались позади. Однако коммерческая часть экспедиции по-прежнему обещала затруднения, самым серьезным из которых было то, что прибыльность плавания следовало обеспечивать, исходя из хабаровских цен, нередко считавшихся самыми завышенными во всей Российской империи. К счастью, Тифонтай (урожденный Ли Фэнтай) и по своему рождению, и по воспитанию был идеальным человеком для решения этой задачи. Хотя злые языки утверждали, что он был родом из бесчисленных шаньдунских кули, влекомых голодом и безземельем в Манчжурию и еще дальше на север, к началу 1890-х гг. Тифонтай уже обладал двадцатилетним опытом в приграничной торговле и крупным состоянием. В конце 1880-х гг. он подавал приамурскому генерал-губернатору барону А. Н. Корфу прошение о русском гражданстве, но не получил его из-за своей манчжурской косы. Похоже, что все остальные требования, официально принятые на Втором Хабаровском съезде — крещение в христианскую веру и женитьба на русской подданной — были им выполнены. Второе прошение, поданное преемнику Корфа, Духовскому, было удовлетворено. Тифонтай так и не пожелал расстаться с косой, однако преодолел возражения тех, кто не хотел видеть его русским подданным, завещав все состояние сыну, родившемуся, крещенному и выросшему в Хабаровске. В случае смерти сына наследство, за исключением средств, выделенных на проживание двум женам Тифонтая, должно было пойти на благотворительность и на строительство церквей в Хабаровске. «Приамурские ведомости», официальный орган канцелярии генерал-губернатора, объясняли положительный ответ на прошение Тифонтая полученной от него гарантией того, что его «наследники навсегда вольются в ряды русских». (Важную роль, конечно, играло и то, что его капитал в любом случае оставался в России.) Став российским подданным, Тифонтай получил возможность брать государственные подряды, а соответственно, не оставаться в стороне от тех денег, которым предстояло вскоре хлынуть в Манчжурию. К началу Русско-японской войны его чистые активы оценивались в 3 млн рублей. Однако в 1895 г. Тифонтай, впервые возвращавшийся в страну, недавно переставшую быть его отечеством, делал лишь первый шаг к тем богатствам, на которые рассчитывал в качестве русско-китайского посредника в Манчжурии.

Пароход медленно шел вверх по реке, давая топографу Кокшайскому достаточно времени для того, чтобы составить первую подробную русскую карту Сунгари со всеми ее протоками и препятствиями для судоходства. С помощью лота и ведра Кокшайский и капитан Генштаба М. В. Грулев также собирали данные о глубине реки и о состоянии ее ложа — несомненно, включенные Грулевым в материалы для его работы, принадлежащей к «военно-стратегическому» жанру. Время от времени «Телеграф» приставал к берегу с целью запастись топливом, и пассажиры могли размять ноги в зарослях китайского сорго (гаоляна), тянувшихся вдоль Сунгари, и поражаться окружающему безлюдью. Один из путешественников так описывал ощущение жути, охватывавшее его в этих местах:

«Сойдите на берег, постарайтесь разглядеть поближе эту благодатную степь, проникнуть в нее поглубже. Вам местами не удастся пройти и ста шагов, нога по колено проваливается в толстый слой прижатой зимним снегом прошлогодней соломы, упругая стена растительности, связанная выющимися травами, пред вами не раздается, вы должны прикладом ружья класть ее перед собою, чтобы взобраться на нее, вслед за вами она снова поднимается, и вот вы на дне зеленой воронки с сажень глубины и должны руководствоваться солнцем или компасом, чтобы не кружиться на одном месте. Различный шиповник рвет вам одежду, запрятанные в траве валежник и колоды заставляют вас спотыкаться, между тем вездесущие здесь оводы, шмели, мошки, комары, густым облаком обдают вас и не замедлят обратить вас в бегство. Вы чувствуете все бессилие, всю беспомощность единичного человека перед этой мощной небузданной природой».

Занимая промежуточное положение между северным, южным, европейским и азиатским ареалами, Манчжурия отличается огромным разнообразием растительного и животного мира, включающего представителей всех регионов Евразии.

Примерно в 260 верстах вверх по течению реки начались холмистые гряды, постепенно поднимающиеся в сторону далеких горных хребтов. Еще в нескольких верстах выше Сунгари разделялась большим островом на две судоходные протоки. Поскольку широкая протока вдоль левого берега была усеяна камнями, «Те-

леграфу» пришлось повернуть в узкую протоку, проходившую прямо под безмолвными пушками форта Баянту. В пятнадцати верстах дальше пароход встал на якорь в Саньсине — большом городе на правом берегу Сунгари чуть ниже ее слияния с Муданьцзяном.

По оценкам русских гостей, население Саньсина в 1895 г. составляло 15 тыс. человек, хотя принимавшие их китайские чиновники называли вдвое большую цифру. В любом случае, этот город с десятью крупными торговыми компаниями и 60 лавками — как китайскими, так и мусульманскими, — представлял наилучшие из до сих пор встретившихся возможности для закупок, тем более, что четырьмя днями ранее из Пекина пришло официальное разрешение, устранившее все подозрения в том, что торговля с русскими впоследствии станет поводом для каких-либо санкций. Тифонтай вступил в дело, раздав несколько важных взяток, и поселился у местного купца. В свою очередь, Богданов с помощью переводчика Добровида пригласил на борт фудутуна (помощника губернатора) и других местных сановников, которых угостили шампанским и фруктами. Когда «Телеграф» несколькими днями спустя двинулся дальше, экспедиция уже обеспечила 15% прибыли на инвестированный в это плавание капитал в размере 15 тыс. рублей.

Невзирая на сетования команды, недовольной тем, что от чая, приготовленного из воды Сунгари, на зубах скрипел песок, пароход неторопливо поднимался по реке. Кокшайский продолжал составлять карту, с помощью Добровида нанося на нее китайские названия местных городков и других ориентиров. Тем же летом Кокшайский и Добровидов приняли участие во второй экспедиции, которую возглавляли Н. Г. Матюнин из администрации приамурского генерал-губернатора и Н. А. Зиновьев, представитель Амурского пароходства. Помимо исполнения своих официальных обязанностей, Матюнин и Зиновьев также были членами Приамурского отдела Императорского русского географического общества. К 1896 г. Богданов, Добровидов, Грулев, Кокшайский, Матюнин и Зиновьев издали отчеты о своих путешествиях и исследованиях, в основном послужившие источником материалов по водоразделу Сунгари для Дмитрия Позднеева при составлении им «Описания Манчжурии» (1897). В течение последних двадцати лет существования Российской империи эта двухтомная компиляция, изданная Министерством финансов, оставалась клас-

нической работой по Северной Манчжурии для ученых всего мира, сделав плоды исследований 1895 г. доступными для следующего поколения специалистов.

Удалившись на 430 верст от Амура, «Телеграф» свернул направо, в реку Хулань, которая привела экспедицию к одноименному крупному городу. Именно в Хулане с его 50 крупными магазинами и окрестностями, обильными зерном, имело смысл начинать закупки продовольствия для Приамурья, что в конечном счете и являлось главной целью, поставленной официальным покровителем экспедиции генерал-губернатором Духовским. С разрешения фудутуна Тифонтай заключил с местным купцом контракт на поставку 3 тыс. пудов (54 тонны) зерна.

Вернувшись назад мимо военного поста в устье Хуланя, «Телеграф» продолжил путь вверх по Сунгари. Следуя всем изгибам реки, пароход постепенно продвигался на запад, к Бодунэ. На северном берегу расстилались пустынныеболота. На южном берегу виднелось с полдюжины разбросанных домишек, приютившихся рядом с песчаными отмелами и низкорослыми кустарниками. На карте Кокшайского это поселение носит название «Хаабин». Примерно в 200 метрах западнее, но все еще на берегу реки, стоял «винокурен [ный] завод». Оттуда тропа вела на юг мимо еще нескольких домов к скоплению сооружений, обозначенных как «Хаабин-шо-го», то есть «Хаабинский винокуренный завод». Примечание Кокшайского гласит: «От поселения Хаобин [sic], где находится винокуренный завод, дорога ведет в важный город Ашикхе, расположенный на одноименной реке, в 45 верстах от Сунгари». Так, в обличье незначительной рыбакской деревушки, точное название которой, а также истинное местонахождение соседнего винокуренного завода так и остались под вопросом, был «открыт» и вошел в русскую историю Харбин.

ХАРБИН ОБРЕТАЕТ СВОЮ РУССКУЮ СУЩНОСТЬ

В течение следующих пятнадцати лет это унылое местечко превратилось в крупный евразийский город. Благодаря проживавшим в нем 44 тысячам «индоевропейцев», в большинстве своем — российским подданным, — Харбин стал крупнейшим поселением иностранцев в Китае. С учетом 60 тыс. китайцев, постоянно

обитавших в зоне железной дороги, управлявшейся русскими властями, и в соседнем Фуцзянье Большой Харбин являлся третьим по величине «русским» городом к востоку от Урала (после Томска и Иркутска). Владивосток до Первой мировой войны немногого отставал от Харбина, но имел обратное соотношение русских и китайцев.

За упорядоченной прямоугольной планировкой прибрежного района Пристань скрывалась лихорадочная жизнь крупнейшего рынка в северной Манчжурии. Своими объемами торговли, достигавшими в 1909 г. 34,5 млн рублей, Большой Харбин оставлял далеко позади другие региональные торговые центры (Цицикар — 15 млн рублей, Гирин — 13 млн рублей и Мукден — также 13 млн рублей). К 1913 г. торговый оборот в Харбине вырос до 58 млн рублей. В том месте, мимо которого в 1895 г. прошли два судна, не обратив на него почти никакого внимания, в 1911 г. причалило 5 440 кораблей. Торговыми партнерами Харбина являлось 40 зарубежных и 100 отечественных пунктов. Соевые бобы, пшеница и мясо, предназначенные на экспорт, прибывали сюда в вагонах, судах и на подводах из все более густонаселенной сельской окраин, куда стекались миллионы обедневших и неимущих людей из Северного Китая, которых манили в Харбин возможности заработка и покупательная способность этого города.

Оживленная Китайская улица с ее банками, универмагами, отелями и театрами вела к виадуку Офицерской улицы, преодолевавшему разницу в высотах между верхней и нижней частями города, а также социальные различия между базаром и чиновничеством. На вершине кряжа, в Новом городе, властвовали и селились представители Российской империи, а с 1907 г. — и других держав. Еще в 1909 г. 95% всей здешней земли находилось во владении КВЖД. Благодаря крупным, неделимым участкам и строгим строительным правилам Новый город превратился в архитектурную мешанину из дорогих каменных и кирпичных зданий. Битва между неоклассицизмом и стилем модерн, кипевшая в городах предреволюционной России, здесь усугублялась причудливыми восточными изысками.

Также в Новом городе размещался железнодорожный вокзал с фасадом, который украшали два пилона, возможно, представлявшие собой стилизованную версию китайской «арки добродетели» (*pailou*). Именно здесь, на перронах и на привокзальной площади, билось сердце Харбина. Прибытие и отбытие поездов,

сопровождавшееся, словно музыкой, стуком колес по рельсам, подтверждало двойной статус Харбина как форпоста России на Дальнем Востоке и как «типичного» русского провинциального города.

О том, с какой энергией Харбин утверждал свою вторую роль, можно судить по приему, оказанному гранд-даме русского театра, Комиссаржевской, когда ее труппа прибыла в Манчжурию весной 1909 г. после выступлений в Иркутске. Все места на перроне и внутри вокзала верхушка железнодорожной администрации приберегла для себя и для своих партнеров из армейского командования, поэтому *le tout* Харбин был вынужден тесниться на при вокзальной площади. Комиссаржевская, встреченная отцами города, под аплодисменты вышла к ожидавшему ее экипажу, и здесь оказалось, что многотысячное скопище не позволяет ей выехать с площади. Увидев это затруднение, вперед вышла группа молодых людей, распрягla лошадей, подняла на плечи приму вместе с ее коляской и пронесла на руках сквозь восторженную толпу до дома, предоставленного властями в распоряжение гости. Несмотря на то, что «Чародейку» давали лишь следующим вечером, город уже охватили чары волшебства. Только полностью выложившись, Комиссаржевская могла бы достойно ответить на представление, устроенное городом в честь ее прибытия.

Осенью 1909 г. Харбину пришлось выполнять свои представительские функции. 24 октября сюда прибыл министр финансов В. Н. Коковцов с целью инспекции города и железной дороги, находившейся (по причинам, которые будут изложены ниже) у него в подчинении. Здесь он потратил день на совещание с должностными лицами КВЖД в ожидании встречи со старейшим японским политиком и бывшим генерал-губернатором Кореи Ито Хиробуми. Несмотря на отсутствие официальной программы их встречи, российский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевич подтвердил слухи о том, что месячная поездка Ито по Манчжурии предшествует его назначению наместником японских материковых владений, центром которых предполагалось сделать Дайрен. Такой шаг вполне мог потребовать установления новых взаимоотношений с русскими в Северной Манчжурии. Де-факто являясь столицей этого региона, Харбин представлял собой естественную арену для любых демаршей такого рода.

В семь часов вечера 25 октября Ито пересел в Чаньчуне с контролировавшейся японцами Южно-Манчжурской железной до-

роги на Китайско-Восточную дорогу, принадлежавшую русским. Наряду с личной свитой его сопровождали высокопоставленные представители КВЖД. Когда поезд Ито следующим днем в девять утра прибыл на Харбинский вокзал, на перроне выстроились те же «отцы города», которые приветствовали Комиссаржевскую — только на этот раз управляющий КВЖД Д. А. Хорват держался за спиной у Коковцова, русского посла в Китае И. Я. Коростовца и вице-председателя правления Общества КВЖД А. Н. Вентцеля. Фанатичных театралов сменил почетный караул и группа харбинских японцев, пришедших засвидетельствовать свое почтение знатному соотечественнику. Японский консул Каваками Тосицунэ, поспешно вернувшийся из поездки в русское Приамурье, чтобы встретить Ито, обратился к полиции КВЖД с просьбой пропустить японцев на перрон.

В 9:15, когда Ито инспектировал почетный караул, от группы японцев отделился хорошо одетый молодой человек и разрядил свой шестизарядный «браунинг» в высоких гостей. За громкой игрой военного оркестра выстрелы не рассыпал никто, кроме находившихся рядом. Три пули попали Ито в голову, грудь и живот. Он умер, едва его занесли обратно в купе и сделали инъекцию морфия. Каваками получил «серезную, но не опасную» рану. Танака, директор Южно-Манчжурской железной дороги, был ранен в ногу. Убийца, корейский радикал по имени Ан Чунгын, спокойно отдал свой пустой револьвер и воскликнул: «Да здравствует Корея!». После допроса, проведенного русской железнодорожной полицией, которая устроила демонстративное задержание трех сообщников террориста на станции Цайцзягоу (в 75 верстах к югу от Харбина), Ан Чунгын был передан японцам. Его повесили в Порт-Артуре 26 марта 1910 г.

Тело Ито в полдень отбыло на юг в сопровождении Коростовца, Хорвата и генерала Роппа, командира железнодорожного батальона КВЖД. На каждой станции, где останавливался поезд, его встречал почетный караул. Русские покинули поезд Ито на конечной станции КВЖД в Чаньчуне. 27 октября боевой корабль перевез останки Ито из Дайрена в Иокогаму. Помимо того, что убийство помешало дискуссии о будущем Манчжурии, смерть Ито имела и другие дипломатические последствия. Харбинский инцидент наряду с усилившимся осознанием того, что русские революционеры-эмигранты занимаются подстрекательством социалистического и анархистского движения в Японии, привел к заклю-

чению 1 июня 1911 г. русско-японского договора о взаимной экстрадиции политических преступников. Это было единственное соглашение такого рода, подписанное царским правительством с какой-либо иностранной державой.

Харбин, занимавший ключевое место во внутри- и внешнеполитических задачах предреволюционной России, связанных с Дальним Востоком, стал символическим воплощением всего того, чего ожидали от успешной экспансии, а также угроз, исходивших от «желтых орд». Например, в 1909 г., когда России, в связи с планом Нокса, предусматривавшим коммерческую нейтраллизацию манчжурских железных дорог, пришлось делать выбор между американским проектом и жестким японским противодействием, министр иностранных дел А. П. Извольский заявил на Особом совещании по дальневосточным делам: «Если мы отвергнем американское предложение, то вызовем, быть может, временно охлаждение США», однако, «Америка нам войны по этому поводу не объявит и флота в Харбин не пошлет, тогда как Япония в этом отношении гораздо опаснее». Изучив карту, можно убедиться в том, что японский флот смог бы добраться до Харбина, лишь предварительно взяв Николаевск-на-Амуре и Хабаровск, административную и военную столицу русского Дальнего Востока. Хотя захват этих городов фактически означал бы полную потерю российского тихоокеанского побережья, в сознании министра иностранных дел идея о катастрофическом положении в первую очередь ассоциировалась со словом «Харбин».

ПРОКЛАДКА МАРШРУТА КВЖД: ИНЖЕНЕРЫ И БЮРОКРАТЫ

Не каждый визит вызывал такой же шум, как прибытие Комиссаржевской и Ито, но по крайней мере дважды в день поезда с востока, запада и юга пополняли новыми мультикультурными компонентами тот плавильный котел, которым являлся Харбин. Поскольку в пределах города лежало более 100 верст магистральных линий, запасных веток и путей на территории мастерских, здесь трудно было найти место, где на глаза бы не попадались паровозы, и тем более где не были бы слышны их гудки. Однако, в октябре 1897 г. стальная лента между забайкальской станцией Кайдалово и Владивостоком существовала только в воображении Витте —

но уже обернулась серьезными осложнениями для изыскательского отряда под командованием князя С. Н. Хилкова, после трех тяжелых месяцев почти завершившего трассировку линии на своем участке будущей железной дороги — к востоку и западу от базового лагеря в Бодунэ.

В конце октября прибывший из Гирина Александр Иосифович Югович, главный инженер строившейся КВЖД, объявил Хилкову, что тот может считать свою работу в районе Бодунэ законченной и должен немедленно перебраться со своими людьми севернее, чтобы исследовать другой возможный маршрут, проходящий из Цицикара через Хуланьчэн в Ашехе. Это заявление фактически означало отказ от южного маршрута и полное пренебрежение результатами изыскательских работ, уже проделанных командой Хилкова. Кроме того, оно привело к нескольким месяцам тяжелого труда в такие сиротливые морозы, что у людей по ночам примерзали усы к шубам, которыми они накрывались внутри спальных мешков. Однако Югович не раз подвергал испытанию исполнительность и трудолюбие Хилкова и раньше, в 1892–1896 гг., когда оба они занимали аналогичные должности на строительстве Рязано-Уральской железной дороги.

Несомненно, уверенность в надежности своих подчиненных, которых главный инженер привез с собой со стройки Рязано-Уральской дороги, помогла ему принять первое важное политическое решение после прибытия во Владивосток 7 июля 1897 г. Несмотря на то, что Петербург настаивал на прокладке КВЖД по южному маршруту, Югович уже решил строить дорогу по северному маршруту. Для такого выбора имелись вполне веские формальные причины — лишние 150 верст путей (которые утрачивались из-за горной местности) и отсутствие пригодного прохода через хребет Чжангуанцайлин. Однако вовлеченность Юговича в политические и дипломатические аспекты данного вопроса позволяет пролить свет на дополнительные сложности южного маршрута, помимо чисто инженерных соображений. Такое решение главного инженера, определившее его роль в судьбе КВЖД и ставшее непосредственной причиной основания Харбина, заслуживает чуть более внимательного рассмотрения.

В связи с проблемой выбора трассы в центре внимания находился вопрос, поднятый всего через месяц после основания Общества КВЖД, когда 3 февраля 1897 г. на заседании правления компании С. И. Кербедз, вице-председатель Общества и, соответ-

ственno, самый высокопоставленный российский гражданин в составе правления, призвал начать немедленные переговоры с Пекином о строительстве ширококолейной ветки до порта на Желтом море. Югович, явно осознававший осложнения, которые принесет ему это предложение, высказался за более осторожный подход. Не было бы достаточно добиться от китайского правительства гаранций того, что «если когда-либо оно согласится на осуществление железнодорожной линии от Китайской Восточной ж. д. до одного из портов Желтого моря, то Общество будет пользоваться преимущественным правом на постройку сей линии?». Это предложение было поддержано правлением, однако Кербедз продолжал настаивать на постройке южной ветки и/или выборе южного маршрута.

После того, как предварительные поиски удобного прохода через хребет Чжангуанцайлин между Бодунэ и границей Уссурийского края окончились ничем, Кербедз решил обратиться к знаменитому железнодорожному изыскателю-самоучке Тихонову с просьбой оценить ситуацию. Такое приглашение стороннего «эксперта» едва ли могло понравиться инженерам КВЖД — сплоченному братству, включавшему исключительно выпускников Института инженеров путей сообщения и Николаевской инженерной академии. Особое возмущение вызывал гонорар Тихонова в 25 тыс. рублей, представлявший собой одну из самых больших статей в платежной ведомости.

Не обращая внимания на вмешательство Кербедза, Югович вместе со своим доверенным помощником С. В. Игнациусом просто продолжил готовиться к отбытию, превратив номер в петербургской гостинице «Европейская» в штаб строительства*. Эти «приготовления» главным образом состояли в получении всех полномочий, необходимых для завершения работ на месте. Правление пошло навстречу Юговичу, назначив его представителем Общества КВЖД «на строительстве в Сибири и Приамурье». Также Югович получил полный контроль над всеми заказами и поставками на Дальнем Востоке, включая Японию и Китай. Наконец, с целью облегчить набор необходимого персонала главный инженер был наделен правом выдавать пятилетние паспорта.

Несмотря на решение о том, что формальное разделение полномочий между правлением компании и управлением железной дороги было произведено лишь после ввода КВЖД в строй (пер-

воначально запланированного на 1902 г.), устав компании уже содержал предварительные указания на этот счет. Согласно параграфам 18 и 19, функции правления в период строительства железной дороги сводились к: 1) найму персонала, 2) финансированию строительства, 3) заказу материалов и оборудования из Европы и Америки, 4) доставке всего вышеперечисленного на место строительства, и 5) защите предприятия от посягательств и критики.

Хотя эти задачи в целом как будто бы допускали широкое вмешательство правления в работу главного инженера, чрезвычайные надзорные полномочия, предоставлявшиеся согласно пункту 27 Министерству финансов, в спорных случаях гарантировали арбитраж со стороны самого Витте или П. М. Романова, отвечавшего в его ведомстве за ситуацию с КВЖД. Например, назначение и Юговича, и Кербедза было произведено с одобрения Министерства финансов.

7 мая 1897 г. Югович и Игнациус отбыли в Марсель, откуда их путь лежал на восток. Их сопровождали г-жа Югович и только что назначенный главный врач КВЖД М. И. Полетика. Сделав недолгую остановку в Шанхае, чтобы уладить финансовые вопросы с Русско-Китайским банком (там находилось его главное отделение на Дальнем Востоке), Югович отправился в Пекин, куда прибыл одновременно с князем Э. Э. Ухтомским, председателем правления этого банка. Присутствуя на сказочном приеме, устроенном князю (который только что передал посредникам первый миллион в счет знаменитой взятки Ли Хунчану), Югович имел возможность получить представление о китайском церемониале. В качестве главного инженера он был представлен министру иностранных дел и удостоился аудиенции у императора, на которого произвел «превосходное впечатление».

Что более важно, едва ли не на глазах у Юговича потерпели крах все попытки князя Ухтомского получить разрешение на строительство южной ветки или хотя бы на прокладку КВЖД по южному маршруту. Собственно говоря, китайцы решительно воспрепятствовали обоим этим проектам. Даже Ли Хунчан, при всем его показном дружелюбии, заявил: «Мы пустили вас во двор, вы же хотите влезть к нам в самые комнаты, где у нас жены и малые дети». Возможно, Югович не без удовольствия наблюдал, как Ухтомский потребовал гарантий того, что право строить железную дорогу, соединяющую китайскую железнодорожную сеть с КВЖД,

не получит ни одна страна, кроме России — тем самым князь отступал на позиции, определенные 3 февраля на заседании правительства. 10 июня главный инженер покинул Пекин.

В конце июня, через четыре дня после того, как Югович прибыл во Владивосток, князь Хилков и его помощник А. И. Шидловский, получив от него окончательные инструкции, отправились со своим изыскательским отрядом в Хабаровск, где наняли пароход «Силач», который должен был доставить их в Бодунэ. Владельцем судна был тот самый Дмитрий Богданов, с чьих приключений начинается эта глава. Сам же Югович до конца лета проторчал на берегах владивостокской гавани Золотой Рог, безуспешно пытаясь добиться от флотского командования, чтобы оно убрало минные городки с причала, временно переданного в распоряжение КВЖД. Кроме того, он готовился к официальному открытию строительства, запланированному на 28 августа. Согласно пункту 3 договора между Русско-Китайским банком и китайским правительством, работы следовало начать в течение года после подписания договора, и этот срок был выдержан.

Церемония официального открытия работ состоялась в Саньчакоу поблизости от пограничной станции Полтавская. Угощение и размещение 80 русских и китайских сановников, присутствовавших на торжествах, обошлось Юговичу в 45 тыс. рублей. Строительство открыл атаман уссурийских казаков генерал Д. И. Суботич, насыпав первую тачку земли. Еще одним важным пунктом программы был дебют флага КВЖД, представлявшего собой пеструю мешанину из русских и китайских цветов и символов. В качестве начальника Уссурийской железной дороги церемонию также посетил полковник (впоследствии генерал-майор) Д. Л. Хорват, сменивший Юговича на его должности в 1903 г.

Через несколько дней после выполнения этих последних церемониальных обязанностей Югович в сопровождении Игнациуса отправился в пятимесячную поездку протяженностью в 3 тысячи верст по местам изыскательских работ. В сентябре инспекторы ознакомились с успехами партии, прокладывавшей маршрут по северным отрогам Чжангуанцайлина, и убедились в неудаче, постигшей Тихонова на более южном маршруте. Вероятно, эти наблюдения привели Юговича к определенным выводам, так как через несколько дней после прибытия в Бодунэ он приказал сворачивать изыскания в этом районе и остановил земляные работы в Саньчакоу под первым удобным предлогом, которым стал мо-

роз, удариивший 17 октября. Это была первая и последняя попытка строительства на южном маршруте. Но если действия Юговича не оставляли сомнений в том, что он уже окончательно определился с выбором трассы, то в его телеграмме Романову от 23 октября тем не менее идет речь о планах по сооружению моста через Сунгари в Бодунэ. Югович еще не был готов раскрывать свои карты перед Петербургом.

Покинув Бодунэ 15 ноября, Югович провел инспекцию западного участка железной дороги от Цицикара до границы Забайкалья. Он вернулся в Цицикар 2 января, а через четыре дня туда же прибыл князь Хилков, привезя известие о том, что завершены изыскательские работы на отрезке Цицикар-Хуланьчэн-Ашехе. Не ранее чем за полтора месяца до конца 1897 года партия Хилкова выбрала точку, в которой предстояло построить мост через Сунгари — самый длинный на КВЖД. Она имела координаты $45^{\circ}45' с. ш.$ и $126^{\circ}38' в. д.$ Еще не зная о грядущих крутых переменах, место, где предстояло вырасти Харбину, готовилось к своим последним зиме и весеннему половодью, не отмеченным в анналах истории. Между тем русские инженеры 6 января (25 декабря по старому стилю) отметили в Цицикаре рождество. В тот же день Юговича угощал цзянцзюнь Энь Цзы, беспокоившийся (уже понапрасну) о том, что железная дорога, пройдя южнее, лишил столицу его провинции значения и доходов.

На совещании в Нингуте 24 января Югович дал Тихонову последний шанс найти проход через хребет. Тихонов снова скрылся в горах. (На этот раз его сопровождало несколько человек из только что прибывшей охранной стражи КВЖД, которая ухитрилась без потерь пережить заход в такие порты, как Константинополь, Порт-Саид, Аден, Коломбо, Сингапур и Нагасаки, но по прибытии во Владивосток почти в полном составе сразу же была госпитализирована с различными венерическими заболеваниями.) Вскоре после этого Тихонов признал поражение и поставил свою подпись под телеграммой вправление о том, что южный маршрут отменяется по причинам географического характера. Поскольку к тому моменту русская эскадра уже стояла в Порт-Артуре, в силу чего шансы на строительство южной ветки заметно повысились и соответственно снизился интерес к тому, где пройдет главная трасса КВЖД, Петербург не выказал никакой заметной реакции на решение Юговича, одобрав его в рабочем порядке.

РОЖДЕНИЕ РУССКОГО ХАРБИНА

Главный инженер КВЖД многое пережил и узнал за первый год своего пребывания в этой должности. Его порой менее чем гармоничные отношения с министерствами, компаниями, адмиралами, генералами и китайскими чиновниками привели его к вывodu о том, что строительство КВЖД следует оградить от постороннего влияния. Единственный способ добиться этого состоял в том, чтобы перенести штаб строительства в манчжурскую глубинку. Казалось вполне логичным разместить его у переправы через Сунгари, куда в период навигации было удобно доставлять строительные материалы и припасы.

Югович в любом случае мог сослаться на несколько очевидных плюсов такого выбора: 1) прокладка пути из центра, а не только с обоих его концов, ускорит строительство; 2) работы пойдут быстрее из-за отсутствия развлечений (в первые годы существование на КВЖД описывалось как «полуробинзоновское»); 3) укрепится корпоративный дух, поскольку начальство будет подвергаться тем же лишениям, что и рабочая сила; и 4) администрации будет проще решать непредсказуемые проблемы в отношениях с китайскими чиновниками и местными жителями. В начале февраля, вскоре после своего возвращения во Владивосток, Югович приказал Шидловскому вернуться с небольшим отрядом на переправу через Сунгари, где всего за несколько месяцев до этого проводились изыскательские работы с его участием. Задача Шидловского состояла в подготовке жилья, конторских помещений и складов для тех, кто прибудет весной по воде.

20 марта 1898 г. отряд Шидловского, включавший 75 мужчин, женщину и ребенка, отправился из Владивостока в Никольск-Уссурийский. Через несколько дней, потраченных на закупку припасов, первопроходцы отбыли оттуда караваном из тридцати подвод, имея с собой 100 тысяч рублей в серебряных слитках. Мигновав заброшенные земляные работы в Саньчакоу, отряд успешно добрался до Нинггуты, проделав за шесть дней 250 верст. Здесь удача его оставила. Когда караван пересек Чжангуанцайлин, началась весенняя оттепель. В течение следующих двух недель отряд ежедневно преодолевал не более десяти-двадцати верст: подводы медленно продвигались по горным тропам, внезапно превратившимся в русла стремительных потоков. Наконец, отряд выбрался

на дорогу Гирин-Ашехе и быстро закончил путешествие, прибыв в Ашехе 22 апреля.

Объединившись с небольшим отрядом из состава изыскательской партии Хилкова, зимовавшей в Цицикаре, Шидловский и его маленькая команда направились дальше к Сунгари. Выйдя на обрыв в двух верстах от реки, русские остановились в ошеломлении. Перед ними расстипалось сверкающее на солнце водное пространство — затопленная болотистая низина, усеянная крошечными островками, на которых стояли отдельными группами по две-три китайские фанзы. На берегу Сунгари поднимался узкий кряж с небольшой крепостью (*yingran*), принадлежавшей китайской речной таможне, и еще несколькими фанзами.

Шидловский имел приказание найти место для поселения как можно ближе к реке, но сделать это явно было гораздо сложнее, чем казалось предыдущей зимой, когда болото замерзло и скрывалось под снегом. Кроме того, 1896 и 1897 годы, к несчастью, выдались чрезвычайно дождливыми. Найдя спуск на низину и покрытую водой дорогу к крепости, Шидловский изучил берег реки и вернулся в лагерь, одолеваемый беспокойством. Предупредить Владивосток уже не было времени. Строительное управление прибывало примерно через две недели, и его следовало где-то разместить.

Именно в этот момент один из китайских проводников указал на заброшенный винокуренный завод в Сянфане, примерно в восьми верстах от реки. Русским было бы сложно признать винокурню в этом заведении, однотипном со многими аналогичными предприятиями, которые описывает Джордж Ленсен:

«Заводы, на которых гнали «ханшин», были разбросаны по всей Манчжурии. Подобно резиденциям чиновников, они были окружены стенами примерно в семь футов высотой и пять-шесть футов толщиной, сложенными из необожженного кирпича с наполнителем из рубленой соломы, и представляли собой настоящие крепости. Стены были снабжены бойницами и башенками; сделанные из массивных бревен ворота обшивались железом».

Однако, крепость-винокурня в Сянфане не выдержала нападения местных бандитов — «рыжебородых» или «хунхузов» (*honghuzi*), и была разграблена, после чего производство здесь

прекратилось. Деревянные строения винокурни разваливались, но серые кирпичные сооружения, как выяснил Шидловский, находились в приличном состоянии. После небольшого ремонта их можно было приспособить под жилье. Кроме того, внутри внешних стен вполне хватало места для строительства новых зданий. Находившийся при отряде переводчик, Чупров, был послан в Ашехе и вскоре вернулся с двумя владельцами винокурни. После продолжительных переговоров строения и прилегающие земли были куплены за 8 тыс. ланов (приблизительно 320 килограммов серебра).

В помощь двадцати русским рабочим, прибывшим вместе с отрядом из Владивостока, для строительства конторы и жилых зданий были наняты китайские работники. На высоком берегу к западу и востоку от крепости выросли палатки и сараи, сделанные из циновок. За ними на высыхающих низинах начали расцветать маки. В последний раз местные жители надели специальные на перстки и приступили к сбору манчжурского опиума, благодаря своему качеству и легкости транспортировки весьма ценившегося по всему региону в качестве валюты. Сезонные рабочие могли быть уверены, что их заработок в виде наркотика будет лишь возрастать в цене по мере продвижения на юг, в сторону дома.

9 июня по Сунгари прибыл пароход «Благовещенск» с Игнациусом, Хилковым и первой группой строителей на борту. Миновав устье реки Ашехе, пассажиры начали высматривать Шидловского, который должен был находиться где-то на левом берегу. Еще через восемь верст впередсмотрящий заметил русский флаг, реявший над палаточным городком к востоку от крепости. Так было положено начало истории Харбина.

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Итак, когда же состоялось рождение Харбина? Возможно, в сентябре 1897 г., когда Югович решил, что прокладка трассы по южному маршруту невозможна. Или в тот день, когда изыскатели Хилкова определили положение переправы через Сунгари. А может быть, в феврале 1898 г., когда было принято решение перенести штаб строительства из Владивостока в другое место — ведь именно этот шаг способствовал последующему стремительному росту Харбина. Проблема в том, что мы не знаем точной да-

ты ни одного из этих событий. С точки зрения прав собственности покупка Шидловским винокуренного завода стала первой осозаемой вехой на пути к превращению китайского Харбина в русский Харбин. К сожалению, день, когда это случилось, нам тоже неизвестен, хотя по всей видимости, это произошло 25 или 26 апреля. В пользу этой даты говорит то, что руководители строительства прибыли 9 июня, поскольку город Харбин едва ли мог возникнуть раньше причины его появления на свет.

Подобно многим другим явлениям, эта проблема представлена в совершенно ином свете при взгляде из столицы. Например, в уставе КВЖД, принятом 16 декабря 1896 г., содержалось требование о том, чтобы железная дорога избегала «кладбищ и могил, а также городов и сел». Это положение, доведенное до сведения изыскательских партий приказом от 8 апреля 1897 г., служило гарантией того, что место пересечения железной дороги и Сунгари станет совершенно новым поселением, не выросшим из существовавшего ранее. И наконец, если исходить из официальной точки зрения, датой рождения Харбина можно считать день, когда местонахождение города было одобрено Министерством финансов. Изучая архивы Комитета Сибирской железной дороги, я обнаружил экземпляр карты-восьмидесятиверстки, составленной для «Описания Манчжурии» Позднеева. На ней стоит дата 30 декабря 1898 г. и отмечено положение Харбина. Исходя из этого документа, можно считать, что оно было если не одобрено, то по крайней мере признано столичными властями.

Каждая из этих дат в качестве дня рождения города будет в той или иной степени обоснованной, но если исходить из хронологии покупки тех земель, на которых вырос Харбин, то принципиальным моментом следует признать сделку, совершенную Шидловским. С этим согласился бы любой истинный харбинец, для которого город важнее железной дороги, а местные соображения приоритетны по отношению к столичным. Однако, как и выбор места для основания Харбина, это событие из жизни Манчжурии имело европейскую предысторию. 8 сентября 1896 г. Сюй Цзэнчен, китайский посланник в Германии и России, подписал в Берлине договор о строительстве Китайско-Восточной железной дороги с Л. Ю. Ротштейном и князем Ухтомским, представлявшими Русско-Китайский банк. Пункт 6 французского (считавшегося руководящим) текста договора гласил: «Компании будет передана земля, безусловно необходимая для строительства, использо-

вания и охраны линии, а также земля возле линии, необходимая для добычи песка, камня, известняка и т. д.». С тем, чтобы обеспечить своевременную передачу этих земель компаний, в договор был включен пункт 3, согласно которому русские обязывались завершить строительство в течение шести лет «с момента окончательного выбора трассы и передачи необходимых земель в распоряжение Компании». В целях подстраховки предусматривалось, что Ли Хунчан получит второй причитавшийся ему миллион рублей после того, как маршрут трассы будет одобрен китайским правительством.

Как отмечает историк Е. Х. Нилус, эти права были вдвойне существенными с русской точки зрения:

Во-первых, тем самым [в распоряжение КВЖД] передавались обширные земельные участки — либо *gratis* [китайские государственные земли], либо «*au prix courant*» [частные землевладения], представлявшие собой единственную значительную инвестицию Китая в предприятие. Во-вторых, превращаясь в манчжурского землевладельца, КВЖД оказывалась в шаге от того, чтобы стать манчжурским помещиком. Раздавая земли в аренду, КВЖД автоматически принимала на себя много новых обязательств по отношению к арендаторам. Этот процесс превращал КВЖД из железной дороги в многогранное колониальное предприятие. Как выразился вице-председатель [А. Н.] Вентцель, «Компанию Китайско-Восточной железной дороги не следует считать исключительно транспортным предприятием, поскольку сфера ее деятельности выходит далеко за рамки эксплуатации одной лишь железной дороги. Помимо этого, компании доверено управление обширной Концессионной зоной».

Всего через несколько месяцев после получения от китайского правительства прав на эти земли компания выдала Юговичу неограниченную доверенность на управление ими. Более того, в соответствующем письме, полученном им перед отбытием из Марселя, управление компании также наделяло его правом выносить судебные решения по уголовным и гражданским тяжбам, связанным со строительством или возбужденным на его территории. В результате усилий Юговича компания стала обладателем протянувшейся вдоль железной дороги длинной полосы земли шириной

в 33 сажени (220 футов). Это почти полностью соответствовало практике Сибирской магистрали, где ширина полосы отчуждения в соответствии с утвержденной в 1896 г. новой спецификацией принималась равной 35 саженям. На каждой станции полоса отчуждения немного расширялась. В Харбине размер этого расширения в большей степени соответствовал масштабам будущего города, нежели величине станции.

7 июля 1898 г., менее чем через месяц после прибытия «Благовещенска», фудутун Ашехе издал указ, устанавливавший размер компенсации, которую русские должны были выплачивать землевладельцам в Харбине и его окрестностях; в указе предусматривалась компенсация за дома, возделываемые земли и кладбища, а цены приводились в соответствие с суммами, выплачивавшимися при экспроприации земель во время строительства железной дороги Пекин-Ханькоу. Условия этого указа соблюдались при покупке 2 235 десятин земли, приобретенных в Харбине к июлю 1900 г. в придачу к тем 200 десятинам, что были первоначально куплены Шидловским и уже получили название «Старый Харбин». Две трети участка в его окончательном виде — неправильный многоугольник площадью приблизительно в четыре квадратные версты — находились на прибрежной низине, обраzuя будущий район Пристань. Оставшийся кусок, на вершине возвышенности, с которой Шидловский смотрел на разлив Сунгари, впоследствии стал ядром Нового города.

Во время осады города «боксерами» (ихэтуанями) в 1900 г. русские отступили на правый берег Сунгари, покинув участок в Старом Харбине. Из Нового города эвакуировали всех, кроме вооруженных защитников. Ихэтуани так и не сумели его взять. После того, как осада была снята, на приобретение земель в нуждах «обороны» было выделено еще 280 тыс. рублей. Кроме того, 70 тыс. рублей ассигновалось для сделок с местными землевладельцами. Какая часть этого фонда была реально использована, неясно, но к 1901 г. рвами уже была огорожена территория, площадью вдвое превосходившая первоначальную. Кусок на берегу реки, расширившийся на запад и вглубь суши, поглотил Старый Харбин. Однако, тенденция к объединению участков отчасти компенсировалась покупками, сделанными на левом (северном) берегу Сунгари.

В декабре 1900 г. Югович, Кербедз и еще один член правления, И. И. Ходоровский, на совещании в Харбине решили, что при-

обретать земли следует, исходя исключительно из насущных потребностей. Это решение позволило Юговичу подписать 28 мая 1902 г. соглашение с дипломатическим бюро (*jiaosheju*) в Гирине. Согласно пункту 6 этого соглашения, Харбин, будучи первой территорией, купленной русскими в Манчжурии, в то же время создавал прецедент ограничения своего собственного роста. Русские отказывались от дальнейшего расширения «Станции Харбин-Центральный» (*Haerbin zongchezhan*). Взамен Гиринское бюро навечно утверждало во владении КВЖД 4 тыс. десятин, недавно приобретенных у 31 местного землевладельца. Правобережный Харбин достиг своего максимального размера, имея площадь в 5 660 десятин. Хотя это соглашение не касалось частных владений, взятое русскими обязательство ограничиться уже купленным, возможно, помогло им заручиться содействием китайцев на первых аукционах КВЖД по передаче участков в долгосрочную аренду частным лицам и фирмам. С целью внушить уверенность в надежности земельных владений КВЖД в Китае объявления о публичных торгах оглашались через Гиринское бюро. Первые аукционы были проведены 9 июня 1902 г., ровно через четыре года после прибытия Игнациуса с отрядом строителей. В Харбине КВЖД превратилась из покупателя земли в арендодателя. Настало время пускать корни.

СТРОИТЕЛИ: РУССКИЕ ИНЖЕНЕРЫ И КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ

Неудивительно, что первыми в городе осели его строители — как русские, так и китайцы. Как мы видели, технический персонал в значительной степени отбирался лично, посредством профессиональных связей, налаживавшихся в ходе совместной работы на других стройках во время железнодорожного бума 1890-х гг. Как выразился один инженер, «Железнодорожное строительство в России во второй половине века породило особую категорию строительных специалистов, которые вели своеобразный образ жизни и обычно были связаны друг с другом и со своими во-ждями внутренней спайкой». Руководство КВЖД рассчитывало пополнить группу, набранную благодаря связям Юговича на Рязано-Уральской железной дороге, крупным контингентом специалистов с Уссурийской железной дороги, которая была практически

достроена к тому моменту, когда в 1897 году компания приступила к набору персонала. Но желающих находилось немного. Большинство высокопоставленных служащих Уссурийской дороги рассчитывало остаться на ней в качестве эксплуатационного персонала, а другие, получив премиальные, собирались отдохнуть. Не менее трудно оказалось переманить служащих из Министерства путей сообщения. Многие потенциальные рекруты, как на Дальнем Востоке, так и в европейской России, с осторожностью относились к щедрым предложениям КВЖД, опасаясь не столько переселения в неведомые земли, сколько утраты своего статуса в министерстве.

С тем, чтобы приглушить эти страхи, 28 января 1898 г. был издан императорский указ, согласно которому инженеры, служившие на КВЖД, сохраняли свои чины в Министерстве путей сообщения и вообще пользовались всеми «правами действительной государственной службы». Такие гарантii были чрезвычайно важны для тех, кто беспокоился о пенсиях и карьере. Более ранние указы наделяли аналогичными правами врачей и телеграфистов, принятых на службу в компанию. С тем, чтобы облегчить тяготы полуторамесячного плавания морем из Одессы во Владивосток, тем служащим, чье жалованье превышало 2 тыс. рублей в год, выдавались дополнительные подъемные в размере 500 рублей, достаточные для проезда в каюте первого класса. (В признание того факта, что шесть недель в межпалубном пространстве представляли собой совершенно ненужную пытку, с 1899 г. под *intelligenten Beamten*, то есть квалифицированными специалистами, стали понимать всех тех, чей оклад составлял не менее 1 500 рублей.) Другим приходилось довольствоваться 150 рублями подъемных. Из Владивостока новоприбывшие следовали на поезде до Хабаровска, где селились в переполненной гостинице КВЖД в ожидании, когда их отправят в Харбин на кораблях речной флотилии КВЖД.

Но для многих этих привилегий и гарантii и не требовалось. Им вполне хватало двойного оклада, обещания дальнейших надбавок и перспективы приключений в экзотической Манчжурии. Крупные авансы пропивались во время разгульных прощальных пирушек во Владивостоке. Как отмечал один наблюдатель, всюду кричали «энергично и весело»: «Идем на Манчжурку». Для немалого числа людей, включая ветерана железнодорожного строительства Е. П. Я., процесс найма происходил весьма неформально:

Нас приглашал тот или иной инженер, с которым мы были знакомы. Мы доверяли ему и шли за ним. По мере завершения секций строители во главе со своим инженером перебирались на новый участок строительства. Мы жили как перелетные птицы и мало интересовались правилами. Мы любили нашу работу. Конечно, где-то в правлении в Петербурге находились списки персонала и бюджеты, но мы получали жалованье от начальников отделов и больше ни о чем не спрашивали.

Примерно то же мы видим в случае Ф. И. Роганова, прибывшего на Дальний Восток в 1890 г. с целью построить на окраине Владивостока поселок для ссыльно-каторжных. Проработав шесть лет на Уссурийской линии, он скопил 3 тыс. рублей и решил попытать счастья в роли частного подрядчика. Через год кирпичный завод на Забайкальской железной дороге довел его до банкротства. Нуждаясь в деньгах, Роганов обратился к своему старому начальнику на Уссурийской линии, Н. Н. Бочарову, отныне служившему главным инженером Четвертого участка КВЖД (Хинган). Очевидно, в результате этой встречи Роганову было поручено построить и возглавить кирпичный завод КВЖД в Харбине. Дипломированных инженеров не хватало на протяжении всего периода строительства, поэтому должности вплоть до начальника дистанции нередко доверялись техникам, не получившим аналогичной теоретической подготовки, но зато имевшим опыт практической работы либо на Уссурийской, либо на Забайкальской дороге.

Ручной труд в основном оставался уделом китайских кули, которых в большом количестве завозили из Чифу и Тяньцзиня. Соответствующие прецедент и процедуры были созданы во время строительства Забайкальского и Уссурийского участков Транссиба, рабочая сила на которых состояла из китайцев на 21% и 40% соответственно (последняя цифра включает также корейцев). На КВЖД доля китайцев колебалась между 70% и 90%.

Проектировщики КВЖД предпочитали китайский труд вследствие его почти неограниченных резервов и дешевизны. И. Левитов, работавший надзирателем в харбинских мастерских КВЖД, сделал ряд сравнений на основе наблюдений за работой смешанного персонала, находившегося у него в подчинении. Согласно его вычислениям, русским было нужно 16 рублей на летний гардероб и 28,5 рублей на зимний, в то время как китайцам то и другое обходилось всего в два и в девять рублей. Аналогичный разрыв

наблюдался и в расходах на питание: если русские тратили на еду от десяти до тринадцати рублей в месяц, то китайцы могли прожить на ничтожную сумму в два рубля. В свете этих различий неудивительно, что китайцы были готовы работать за жалованье, составлявшее от 50 копеек до 1,2 рубля в день. Самые неквалифицированные русские, которым на жизнь требовалась намного большая сумма, не могли себе позволить работу по ставке менее чем в 1,2 рубля в день. Жилищные условия китайских рабочих, выявленные во время отдельного обследования, не привели Левитова в восторг, однако он отмечал, что даже контора Юговича в Харбине размещалась «в здании, чей внешний вид, отсутствие самых примитивных удобств и холод [в помещениях] скорее напомнили мне почтовую станцию где-нибудь в глухи, нежели контору администратора, руководящего строительством железной дороги протяженностью в 2500 верст».

И все же фактор расходов отступал на второй план перед стремлением поскорее завершить строительство, для чего, очевидно, требовалось много рабочих рук. Еще в январе 1897 г. Д. Д. Покотилов, главный представитель Витте и Русско-Китайского банка в Пекине, передал Д. М. Позднееву, секретарю Общей канцелярии Витте, информацию о ценах и условиях найма кули в Чифу и о том, сколько времени для этого требовалось. Шуйский, российский консул в Тяньцзине, сообщал, что наем рабочих осложняется дикими слухами о том, будто бы китайцев, поднявшихся на борт судна, тут же заставляют отрезать косы и выбелить лицо мелом, а затем отправляют в Индию воевать против англичан. Первая 15-тысячная партия рабочих прибыла в Харбин из Тяньцзиня и Чифу в конце 1898 г. В июне 1899 г. Югович докладывал о прибытии из Тяньцзиня партии в 31 тысячу человек, после чего общая численность китайской рабочей силы составила 49 тыс. человек. Годом позже, когда разразилось Боксерское восстание (или «Китайские беспорядки», как их называли русские), на КВЖД работало уже 75 тыс. китайцев. 57% этих кули находилось на Западном отделении дороги, что было связано со сложностью строительства в этом секторе, в то время как их почти полное отсутствие на Восточном отделении свидетельствовало о том, что линия от Харбина до Владивостоком была фактически проложена.

Почти все эти рабочие были наняты через китайских агентов, которые доставляли их на место, обеспечивали жильем и определяли, к какой работе те пригодны. Рабочих, получивших задаток,

привозили в порт и переправляли на немилосердно набитых кораблях в Инкоу, Порт-Артур, Дальний или Владивосток. В дальнейшем взаимодействие между инженерами КВЖД и рабочими осуществлялось через представителей последних. Агенты не гарантировали трудоспособность нанятых и не занимались посредничеством между ними и нанимателями. В целом, необходимое общение не выходило за рамки самой простой тематики, что, возможно, и дало повод американскому сенатору Альберту Бевериджу заявить, будто бы русские «набирались» китайских слов меньше чем за месяц. Вероятнее всего, Беверидж, не знавший ни русского, ни китайского, не распознавал смешанный русско-китайский диалект, бывший в ходу по обе стороны границы. Уссурийские инженеры уже были с ним знакомы, а другие быстро им овладевали.

Русские инженеры, пытавшиеся насаждать среди китайских рабочих новые методы работы и новую этику, тоже могли рассчитывать лишь на свои силы. Так, известен случай успешного внедрения сдельной работы при сооружении насыпи при одновременном решительном отказе от тачки. Китайцы предпочитали корзины, так как без груза они были значительно легче тачек и их было проще чинить с помощью ивовых ветвей, имевшихся в неограниченном количестве. Порой разногласия балансировали на грани между кошмаром и абсурдом. Например, когда на мусорной свалке неподалеку от Харбина были найдены кости, среди кули разошелся слух о том, будто локомотивы смазывают человеческим жиром. Работа остановилась, назревал бунт. В последней попытке предотвратить насилие начальство послало охотников добыть медведя. Доктор Полетика расчленил его тушу на глазах у множества китайцев и продемонстрировал, что его кости в точности подобны костям мнимой жертвы. После этого обстановка разрядилась. В бараках для харбинских рабочих, расположенных в самом центре города, который те строили, и рассчитанных на 1 000 обитателей, в реальности проживало намного больше людей. В составленном в 1899 г. описании Харбина он предстает «муравейником», наводненным соперничающими китайскими артелями.

В том же 1899 г. инженеры одного из участков под Цицикаром послали в Благовещенск за китайцами, имеющими опыт работы либо на Уссурийской, либо на Забайкальской железной дороге. Затем эти «образцовые» рабочие были равномерно распределены вдоль линии, играя роль примера, а также являясь учителями и пе-

реводчиками для рабочих из Тяньцзиня и Чифу. Работа на КВЖД, вероятно, спасла этим людям жизнь, потому что 17 июля того же года казаки загнали большую часть благовещенских китайцев в Амур, где те утонули. Во время Боксерского восстания, в конце концов подавленного русскими войсками, введенными в Манчжурию, русские инженеры нашли убежище в Харбине, выдержавшем недолгую осаду, между тем как нанятые китайцы выжидали, чем закончатся события. Русские, работавшие возле границы, укрылись на территории самой России.

После того, как осенью 1900 г. строительство возобновилось, ситуация с рабочей силой изменилась в нескольких отношениях. Во-первых, теперь кули прибывали из других мест. В течение следующих трех лет мы не встречаем никаких упоминаний о рабочих из Тяньцзиня. Несомненно, причиной тому в значительной степени служило сооружение гаваней в Порт-Артуре и Дальнем, удашевивших транспортировку людей из Чифу. Однако, возможно также, что русские предпочитали не набирать рабочую силу в районе, оккупированном союзными экспедиционными силами, чтобы избежать осложнений, которые могли бы расстроить «особые» (демонстративно дружественные) отношения между русскими и китайцами в Манчжурии. Так или иначе, итоги этих перемен были впечатляющими. В 1901 г. 814 кораблей из Чифу доставило 81 598 кули в Порт-Артур, 25 717 — в Дальний, и 23 983 — во Владивосток.

В декабре 1901 г. величина китайского населения Харбина оценивалась уже в 12 тыс. человек, вследствие чего примыкаший (ЧТО?) к городу со стороны реки Фуцзядянь, в котором насчитывалось 1 220 хозяев постоянных дворов (*ludian*) из общей численности постоянного населения в 4 тыс. человек, похоже, взял на себя роль пристанища для китайских рабочих, которым не хватало места в Харбине. Спрос со стороны возраставшего трудящегося населения и русской оккупационной армии привел к росту цен на продовольствие и другие товары, которому дополнительно способствовали проблемы с поставками и неважные виды на урожай. Резко возросла стоимость труда. Неквалифицированные рабочие, которым весной 1900 г. платили по 20 копеек в день, осенью получали уже по 60. Дневной заработок плотника, составлявший 30 копеек, увеличился до 75 копеек.

Опасаясь попасть в полную зависимость от китайского труда, правительство компаний приказалось Н. Н. Бочарову — инженеру, от-

вечавшему за Западное отделение, — отправиться в Забайкалье на поиск русских рабочих. Между тем китайцы послушно вернулись на работу, и строительство возобновилось. В первые месяцы 1901 г. на КВЖД прибыла партия русских рабочих численностью в 4 500 человек.

[Эти рабочие] не числились в лучших кругах. Как раз наоборот. Полиция, содействия которой мы запросили, попыталась сплавить в далекую Манчжурию самые беспокойные городские элементы. Это были отбросы таких городов, как Иркутск, Благовещенск, Чита и Верхнеудинск [сейчас — Улан-Удэ]. Начали происходить постоянные конфликты, неудовлетворенность, растущие требования (цитата конечно — но перевод страны: неудовлетворенность и растущие требования не происходят. Распутство, кстати, тоже), пьянство, драки и распутство. По правде говоря, справиться с ними казалось не легче, чем с Боксерами.

Комиссия правления, созданная весной 1901 г. для проверки жалоб со стороны рабочих, выяснила, что почти все жалобщики были уволены правомерно, будучи «неспособными к добросовестному труду».

Все же это ни в коем случае не относилось ко всем русским рабочим. В июне 1901 г., помимо «сброва», навязанного компаний, на КВЖД трудилось 4 100 русских «рабочих и ремесленников», занятых в сферах, требовавших особых навыков. Примером может служить «артель» кассиров, нанятых 3 апреля 1897 г. из числа членов более крупной московской артели. Тремя неделями спустя мы видим девятерых кассиров среди первых изыскательских партий, отбывших из Одессы на «Владимире». В 1900 г., во время Боксерского восстания, эта группа отличилась тем, что не растратила ни одной копейки из миллионов рублей КВЖД в наличности и сейфре, расходовавшихся на железной дороге.

Кроме того, специалисты возводили мост через Сунгари в Харбине. Имея чуть более 3 тысячи футов в длину, он оставался самым длинным мостом в Северо-Восточной Азии до завершения строительства Амурского моста в Хабаровске в 1916 г. Руководство всем проектом было поручено знаменитому эксперту по кессонным работам А. Н. Лентовскому. Он, в свою очередь, привез с собой 350 русских мастеров, имевших опыт

сооружения мостов. Также можно упомянуть строительство в 1899–1900 гг. Свято-Николаевского собора, возвышавшегося на центральной площади Харбина до 1966 г., когда его снесли хунвэйбины. Отделку собора производили артели русских плотников, сведущих в искусстве сибирской деревянной резьбы. Многих из них пришлось эвакуировать во время осады Харбина в ходе Боксерского восстания, после чего их заменили китайскими ремесленниками, и выяснилось, что те превосходят их своим мастерством.

ХАРБИН КАК ГОРОД КОМПАНИИ, 1898–1904

Наем персонала был всего лишь первой из проблем, вставших перед руководством строительства. Русских рабочих, прибывавших тысячами, и китайцев, прибывавших десятками тысяч, следовало как-то устраивать в «нецивилизованной и неисследованной» Манчжурии, где «неблагоприятные климатические и природные условия» царствовали бок о бок с «шайками бандитов».

В подобной ситуации [было] необходимо, чтобы сама компания озабочилась созданием всех необходимых условий для строительства, начиная с сооружения жилья и обеспечения поставок продовольствия для служащих и рабочих и заканчивая организацией охраны, телеграфной и почтовой связи, полиции, судебных органов, санитарно-медицинских частей и т. д.

Это были минимальные условия, необходимые для выживания. Создание стабильной общины русских в Манчжурии также было невозможно без удовлетворения «духовных» потребностей — таких, как религия и образование, — и наличия некоей объединяющей концепции — например, «империалистической идеологии» русско-китайского предприятия, в котором участвовали новоприбывшие.

К лету 1900 г. в Харбине жило уже около 5 тыс. русских. В начале июля, когда пожар Боксерского восстания привел к остановке строительства, 3 тыс. человек, главным образом женщины и дети, были переправлены по Сунгари в Хабаровск, где они нашли убежище. Остальные пережили нескоординированные и нерешительные попытки взять Харбин. Генерал-губернатор Цицикара

получил из Пекина приказ «захватить Харбин хитростью или силой». Неудача стоила ему жизни — он якобы совершил самоубийство, — а для Харбина стала спасением.

Русское население города продолжило расти. Число одних только наемных служащих достигло в начале 1901 г. 7 тыс., удвоившись на следующий год с ускорением темпов строительства. Согласно отчету Министерства финансов, в мае 1902 г. в ведомостях КВЖД насчитывалось 15 тыс. наемных работников, которых сопровождало 18 тыс. иждивенцев. В эту цифру не входит охрана КВЖД (25 тыс. человек) и семьи офицеров (5 тыс. человек). Хотя лишь небольшая доля этих войск находилась в Харбине, здесь проживало более трети железнодорожников. Жалованье от КВЖД получали, вероятно, три четверти русских семей из тех 20 тыс. человек, что обитали в Харбине в октябре 1902 г., когда город посетил Витте. До Русско-японской войны Харбин являлся городом компаний.

КВЖД заботилась о своих владениях. В первых числах мая 1898 г. Министерство финансов уведомило Комитет Сибирской железной дороги о своем намерении построить 385 кв. саженей (18 480 кв. футов) жилья в центральном пункте строительства. Примерно в 5 тысячах миль от Петербурга инженер Шидловский спешил перекрыть эту цифру. К маю 1899 г. министерство до-кладывало, что в «поселении Харбин» возведено 4 тыс. кв. саженей временного жилья. Судя по местоположению этого «поселения» — в девяти верстах от переправы через Сунгари — речь шла о винокурне в Сянфане (Старый Харбин).

В 1900 г. был одобрен первый план городской застройки, и в «Сунгари», как первоначально назывался Новый город, началось строительство постоянного жилья. В июле, к моменту начала Боксерского восстания, было готово около 1 500 кв. саженей жилой площади. На следующий год темпы строительства возросли, и в строй было введено 7 500 кв. саженей постоянного жилья в Сунгари и 10 тыс. кв. саженей временного жилья в «[Старом] Харбине». В 1902 г. эта строительная лихорадка завершилась появлением города на пустом месте: было достроено 60 тыс. кв. саженей жилья для персонала КВЖД, и на грязных пустырях между тремя крупнейшими стройками — зданием управления КВЖД, церковью (впоследствии — собором) Св. Николая и грандиозным железнодорожным вокзалом — выросла центральная часть Нового города.

На главном перекрестке Нового города, откуда расходились дороги в Старый Харбин, к администрации КВЖД, к станции (а оттуда — к Пристани) и к кладбищу, возвышалась церковь, украшенная резьбой в вологодском стиле. Однако в городе все же преобладал стиль модерн. Большинство важнейших общественных зданий в Новом городе носили черты этого модного стиля, только-только зародившегося на основе прикладных искусств в Лондоне, Париже и Вене. В Харбине, в отличие от европейских столиц, это новое направление не терялось среди архитектурного наследия прежних эпох.

«Современный облик» Харбина поражал всех гостей города с самого момента прибытия. Харбинский вокзал с его площадью в 10 тыс. кв. саженей своими размерами затмевал все другие вокзалы в Сибири. Второй существовавший на КВЖД вокзал первого класса — в Дальнем, — был впятеро меньше Харбинского. Фридрих фон Ноттбек, приехавший из Берлина, восхищался «светлым, зелено-фисташковым Новым вокзалом, построенным в современном стиле», а австриец Александр Шпейтс удивлялся его «размерам, чистоте и, прежде всего, современному [венскому] стилю Сецессиона», взятому на вооружение его создателями. Вообще, остальной Харбин после вокзала несколько разочаровал Шпейтса.

Второй важнейшей потребностью после крыши над головой являлось привычная еда. Первоначально администрация КВЖД кормила своих служащих беспошлинно ввозившимися импортными продуктами, закупкой которых занимался комитет по снабжению продовольствием, и тем, что поставляли по субподрядам частные лица. Однако грань между двумя этими источниками снабжения размывалась по причине того, что жены служащих, ездившие из Харбина в Хабаровск и обратно, с целью пополнить семейный бюджет занимались полуподпольной торговлей и бартерным обменом. В конце 1900 г., вследствие возросшего спроса на русский хлеб со стороны гражданских лиц и солдат, КВЖД выделила 380 тыс. рублей на строительство мукомольного завода на набережной Сунгари. Он был завершен в следующем году, а в 1902 г. за ним последовал второй корпус. В июне представитель Русско-Китайского банка Д. Д. Покотилов имел возможность докладывать о том, что производство муки достигло 800 пудов (14 тонн) в день, и что «первые эксперименты по производству муки из местного зерна [дали] такие хорошие результаты, что, по сло-

вам тех, кто разбирается в этих вопросах, эта отрасль русской промышленности в Манчжурии [имеет] блестящее будущее». Поставки рогатого скота из Монголии назывались «неограниченными», и 14 мая 1902 г. в Харбине открылась первая бойня. Стоимость жизни в Харбине по-прежнему считалась весьма низкой по сравнению с русским Дальним Востоком, хотя те дни, когда пустую бутылку можно было обменять на двух кур и сотню яиц, отошли в область преданий.

К 1901 г. многие сферы, прежде патерналистски опекавшиеся КВЖД, уже перешли в ведение рынка. Мукомольные заводы были проданы частным предпринимателям не в ущерб для железной дороги. Комитет по снабжению продовольствием отнюне занимался лишь тем, что пытался не допустить чрезмерно быстрого роста цен. Хотя точные оценки на этот счет отсутствуют, расходы жителей Харбина достигли десятков миллионов рублей и, как отмечала одна иркутская газета, «славные будни [уже были] за горами». В 1902 г. Министерство финансов сетовало на наплыв «всевозможной публики всех сословий и профессий», призывая к созданию местной полиции, которая наводила бы порядок «в целом городе, выросшем рядом с административном центре... в Харбине».

В 1901–1902 гг. особенно быстро рос район Пристань, избавленный от регулярных наводнений благодаря строительству дамбы вдоль Сунгари, обошедшейся в 350 тыс. рублей. В течение 1903 г. было застроено пространство между Пристанью и Новым городом, а инженеры КВЖД возвели виадук через расселину между кряжем и низиной. Городские власти, в очередной раз признавая наличие у Харбина двух центров, отдали распоряжение о дорожном строительстве в Пристани, «городском рынке», где уже возникло поселение численностью в 10 тысяч человек». Каменоломни, кирпичный завод, лесопилка и склад братьев Нобель, поставлявший материалы для строительства железной дороги, теперь обслуживали частные нужды.

Хотя администрация КВЖД обратила внимание на разрастание Пристани, никто не пытался ставить знак равенства между «административным центром» и «городским рынком». Различия в ценах на первом аукционе по выдаче в аренду земли, переданной КВЖД на весь 80-летний срок действия концессии, несомненно, отражали определенную оценку как текущего статуса, так и видов на будущее. Земля в Новом городе была разделена на четыре кате-

гории, причем минимальная ставка за участки высшей категории равнялась десяти рублям за квадратную сажень, а минимальная — двум рублям. В Старом Харбине, не сулившем особых перспектив, минимальная ставка составляла один рубль, а для того, чтобы приобрести самые лучшие участки в том районе, претендентам было достаточно заплатить всего на рубль больше. Однако положение обязывает, и землевладельцы в Новом городе были вынуждены соблюдать более жесткие строительные правила. Если от владельцев участков высшей категории в Пристани требовалось за два года вложить шесть рублей в застройку квадратной сажени, то в Новом городе нужно было вкладывать пятнадцать. Кроме того, владельцы участков двух высших категорий в Новом городе должны были еще до начала строительства представить подробные планы на одобрение в администрацию КВЖД. Единственными приемлемыми строительными материалами являлись кирпич и камень. Строительный кодекс Пристани содержал лишь одно требование: «никаких крыш из горючих материалов».

Тяжелый труд в стремительно растущем пограничном городе сочетался с суровыми нравами. По словам одного недоброжелательного комментатора, «манчжуры» не только ставили себя «по ту сторону добра и зла», но и переделали традиционную русскую пословицу применительно к своему слухаю: «Сто рублей — не деньги, 50 верст — не расстояние, китаец — не человек». Дух старой китайской винокурни, ставшей первым штабом строителей, быстро распространился по всему Харбину. Поначалу руководство КВЖД запрещало ввоз алкогольных напитков из России, но это привело лишь к их контрабанде в различных обличьях и к торговле дешевой, но плохо очищенной китайской продукцией, известной под общим названием «ханшин». Рабочие и казаки, привыкшие к высоким ценам, явившимся следствием государственной монополии на водку, поражались ценам порядка пяти копеек за бутылку и «напивались до сумасшествия, до белой горячки, потом умирали». В попытке решить эту проблему администрация КВЖД пригласила из Благовещенска некоего Попова, который открыл в Харбине заведение, где «мерзкий ханшин» очищался от остаточных ядовитых примесей, а затем перепродавался по 15 копеек за бутылку. К 1902 г. П. С. Смирнов прибрал к своим рукам ввоз настоящей русской водки. По сведениям Генри Миллера, американского консула в Нючжуане, в декабре 1903 г. в Харбине ра-

ботало восемь крупных винокуренных заводов, обеспечивающих ежедневное потребление в объеме 1 000 русских ведер водки (2 707 галлонов).

Пьянство было не единственным пороком Харбина. Тот же недоброжелатель отмечал, что если Монако стало всемирным игорным домом, то Харбин и Порт-Артур превратились во всемирные публичные дома. Как и можно было ожидать от города на фронтире цивилизации, женщины составляли в нем небольшую долю населения — согласно официальной переписи, еще в мае 1903 г. их насчитывалось лишь около 13% от общего числа жителей. Однако известно, что китайские проститутки появились здесь еще в 1899 г., а переписчики, вероятно, не имели возможности пересчитать проживавших в городе китаянок. Также нет никакого способа выяснить, какая доля русских женщин (по моим оценкам, составлявших до 36% русского населения Харбина) практиковала эту древнейшую профессию. В любом случае, для многих мужчин, приходивших в восторг от дешевизны алкоголя, не меньшим соблазном являлась аналогичная доступность плотских утех. До 1900 г. медицинскому персоналу КВЖД удавалось сдерживать распространение венерических заболеваний. Но одновременно с ростом Харбина и строительством КВЖД, ускорившимся после подавления Боксерского восстания, в городе стремительно распространялись сифилис и гонорея. Эта тенденция хорошо заметна в таблице 1, содержащей данные за 1897–1902 гг. Хотя невозможно сказать, какая часть этих цифр относится либо к одновременному заражению обеими болезнями, либо к повторному лечению одних и тех же лиц, мы можем уверенно предположить, что в любой конкретный момент значительная доля харбинского населения являлась переносчиком и распространителем этих неприятных последствий межкультурных половых сношений.

Врачи КВЖД, которых в 1901 г. числилось двадцать семь человек, изучили эту безусловно серьезную проблему и выяснили, что почти все китаянки в Манчжурии заражены гонореей. Все попытки обучить харбинских проституток основам гигиены провалились — как сообщается, девушки отказывались мыться из-за суеверного убеждения в том, что чистый человек навсегда лишается счастья. Надежды на улучшение ситуации после открытия японского борделя с медицинскими осмотрами, проводившимися два раза в неделю, развеялись, когда выяснилось, что услуги этого за-

Таблица 1. Число зафиксированных случаев венерических заболеваний в Харбине, 1897–1902

Год	Сифилис		Гонорея		Всего
	Госпитализированные	Амбулаторные	Госпитализированные	Амбулаторные	
1897	4	12	4	52	72
1898	50	228	60	498	836
1899	171	195	239	994	1 599
1900	249	419	194	773	1 635
1901	453	1 635	409	2 895	5 392
1902	795	2 027	885	3 463	7 170

Источник: Полетика. С. 53–54.

ведения стоят почти столько же, как и во Владивостоке. Рабочие и военнослужащие продолжали посещать китайские «притоны». В непривычных условиях манчжурской глухи обычным делом были всевозможные болезни: за пять лет строительства железной дороги насчитывалось 38 776 случаев госпитализации, причем четверо из каждого пяти пациентов были русскими.

КВЖД была заинтересована не только в охране физического здоровья своих служащих, но и в их духовном благополучии. В бюджете на 1898 г. значилась церковь вместимостью в 500 человек. Она была освящена 13 октября 1899 г. Поскольку ее прихожанами в первую очередь должны были стать члены Охранной стражи, то настоятелем был назначен священник из рядов армейского и флотского духовенства. Администрация КВЖД полагала, что рабочие тоже имеют религиозные потребности, так как первоначально планировалось строительство церквей на восьми станциях, где имелись депо и/или мастерские. После того, как Охранная стража в начале 1901 г. была преобразована в Пограничную стражу, Военное министерство отказалось обеспечивать духовное пастырство для подчиненных Министерства финансов, и на КВЖД прибыли новые священники из Пекинской духовной миссии. Имея двухсотлетний опыт обслуживания нужд русской православной общины в Китае, миссия идеально подходила для решения

этой задачи. По мере роста численности рабочих и охраны число священников на КВЖД увеличилось с одного до десяти, включая четырех в Харбине.

Несмотря на свое название, Пекинская духовная миссия не занималась распространением христианства. Вообще, похоже, никто никогда не пытался обращать манчжурских китайцев в православие. Однако КВЖД не собиралась терпеть другие христианские секты. 18 февраля 1901 г. католический апостольский викарий Северной Манчжурии монсеньор Алуйе писал французскому консулу в Чифу о том, что русские власти в Харбине запретили миссионерам как распространять их веру, так и оказывать населению медицинскую помощь. Дипломатические демарши в Петербурге, направленные на ослабление этого запрета, окончились ничем. И врачи, и инженеры КВЖД считали, что скучные медицинские познания, применяемые служителями Божьими в качестве приманки для паствы, не только представляют собой бесстыдный вызов Науке, но и воздвигают дополнительный барьер между китайцами и современной медициной. Особенно презрительно к европейским миссионерам относились адепты русской культурной миссии в Азии. Например, князь Ухтомский в своей книге о Боксерском восстании выдвигал обвинения в адрес «игравших в политику миссионеров-фанатиков» — защитников «мнимо-христианских, по настоящему же прямо коммерческих интересов».

В 1899–1900 гг. на КВЖД прибыло достаточно много семей служащих для того, чтобы возникла нужда в открытии начальных школ, рассчитанных в целом на 80 учеников. В бюджете КВЖД на 1901 г. предусматривались расходы на церкви и школы в сумме 62 тыс. рублей. В 1902 г. своя школа имелась уже в каждом районе Харбина. В начале 1900 г. Витте одобрил запрос Юговича об основании прогимназии, называвшейся важным орудием подготовки надежных, преданных служащих в условиях манчжурского бескультурья. Этот проект, замороженный во время Боксерского восстания, в 1902 г. перерос в план создания мужской и женской гимназий, обеспечивавших подготовку учащихся к поступлению в российские университеты. На следующий год, в рамках своих планов по укреплению русского экономического присутствия в Манчжурии, Витте преобразовал общеобразовательные гимназии в коммерческое училище с музеем товароведения и химической лабораторией. В честь отбытия Юговича из Манчжурии

и признания усилий, приложенных главным инженером при на- саждении образования, были установлены стипендии его имени. Соответствующий адрес, поднесенный Юговичу, гласил: «Да будет имя Ваше уже со школьной скамьи известно будущим деятелям края, как пример доблестного служения родине и беззаветной преданности долгу».

Несмотря на упоминание «родины» и соответствующие патриотические коннотации, акцент на слове «край» означал проведение четкой грани между Россией и русской Манчжурией. Такая двусмысленность не позволяла патриотизму перерастти в шовинизм. Подобно самой железной дороге и ее церквям, учебные заведения КВЖД занимались пропагандой «просвещенной» китайской политики. Педагогический комитет называл одной из своих задач в рамках «русского дела в Манчжурии... внушать ученикам соответствующие представления о китайцах путем учета в правилах учебного заведения необходимости в корректных отношениях с ними». Являясь в большинстве отношений либеральным учреждением, отказавшимся от телесных наказаний и поощрявшим совместное обучение, Коммерческое училище отличалось нетерпимостью к расовой нетерпимости. В первый же год его работы, в 1905–1906 учебном году, четкой демонстрацией такой установки стало получившее широкую известность временное исключение ученика, дразнившего китайцев и бросавшегося в них камнями. Расставить в этом деле все точки над *и* было необходимо в связи с подготовкой к тому, чтобы на следующий год открыть двери училища для первых китайских учащихся.

Также КВЖД старалась повысить качество повседневной жизни в «далеком пограничье» путем создания башни, пожарных команд, школы дополнительной технической подготовки для служащих, гостиницы, театра и парков. 23 июля 1903 г. (по старому стилю) вышел в свет первый номер «Харбинского вестника», издававшегося трижды в неделю под эгидой коммерческого отдела КВЖД. Как предполагало спонсорство с его стороны, главная цель газеты состояла в том, чтобы «поддерживать развитие коммерческих связей между Россией и Китаем». Достижение этой цели зависело от решения нескольких вспомогательных задач, включая изучение дальневосточной экономики в целом и «взаимоотношений КВЖД с торговлей и промышленными задачами территории, которую она пересекает», в частности.

Помимо этого, с целью удовлетворить «духовные нужды» местного русского населения, в газете планировалось помещать информацию, связанную с российскими «культурными задачами на Дальнем Востоке». Значение корректных и гуманных личных взаимоотношений для насаждения в Манчжурии русский имперской идеологии подчеркивалось публикацией в следующем номере (от 25 июня) приказов Юговича о вежливом обращении агентов КВЖД со всеми китайцами и об учреждении на всех крупных станциях китайской полиции для ознакомления китайской публики с правилами поведения на железной дороге. Русские были намерены продемонстрировать Манчжурии и всему миру, что они ведут себя в Китае не так, как прочие европейцы. Тем самым они в то же время проводили грань между собой и остальной Россией.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AT — Archives de l'Armée de Terre
- FO — British Foreign Office files, Public Record Office
- HLJ — Heilongjiangsheng dangangan
- MAE — Ministère des Affaires Etrangères
- NGB — Министерство иностранных дел Японии, Nihon gaiko bunsho
- АВПР — Архив внешней политики России
- ВА — Вестник Азии
- ГА ИО — Государственный архив Иркутской области
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГПБ — Государственная публичная библиотека, Рукописный отдел
- ИВИ — Известия Восточного института
- Нилус (рк) — Рукописи Е. Х. Нилуса, Институт Гувера
- ПГМ — Приморский государственный музей
- РГАНИ ЦХСД — Российский государственный архив новейшей истории
- РГАСПИ РЦХИДНИ — Российский государственный архив политической истории.
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- Стат. оп. — Г. Харбин и его пригороды по однодневной переписи 24 февраля 1913 г. Т. 1. Статистическое описание.
- ЦГАДВ — Центральный государственный архив Дальнего Востока

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Неизданные работы

Бесценными для меня оказались два собрания рукописей из Института Гувера при Стэнфордском университете.

Первое из них состоит из произведений Е. Х. Нилуса, представляющих собой наброски глав для второго тома его «Исторического обзора». Наиболее полезными из их числа были:

- Деятельность церковного отдела Управления КВЖД.
- Китайская Восточная Железная Дорога: ее положение и нужда.
- Краткий очерк исторического развития местного контроля КВЖД.
- Краткий очерк организации и деятельности коммерческой части и тарифной политики КВЖД.
- The Lands and Land Administration of the C. E. R. Co., and the Incident of August 1, 1923.
- Очерк деятельности Правления КВЖД.
- Очерки быта и правового положения служащих КВЖД.
- Прессы.
- Русские консульства в Манчжурии.
- Учебный отдел КВЖД.
- Управление дороги как центральный орган технического и административного надзора.

Вторым является Собрание Хорвата, из которого я пользовался одной работой: «Memoirs» Д. А. Хорвата.

Прочие архивы и наиболее важные из числа использованных мной дел включают:

- Archives de l'Armée de Terre (Vincennes), Paris: Attachés militaires 7N1517, 7N1520, 7N1521, 7N1543.
- Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург): Рукописный отдел. Ф. 590 (А. М. и Д. М. Позднеевы); Ф. 608 (И. В. Помяловский).
- Государственный архив Иркутской области (Иркутск): Ф. 245 (Иркутский апелляционный суд); Ф. 600 (Иркутская прокуратура).
- Государственный архив Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва): Ф. 102 (Полицейский департамент); Ф. 211 (Харбинский социал-демократический архив); Ф. 533 (Общество политкаторжан); Ф. 818 (Г. А. Плансон).

- Heilongjiangsheng danganguan, Harbin: quanzonghao 21, Heilongjiang Yamen; q. 78 (Земельный отдел КВЖД); q. 83 (Еврейская община).
- Архив Игуд Иоцей Син, Тель-Авив.
- Ministère des Affaires Étrangères, Paris: Chine — Politique étrangère — Relations avec la Russie, vols. 166–71.
- Приморский государственный музей имени В. К. Арсеньева (Владивосток):
- «Автобиография проф. Рудакова А. В., им самим составленная» (22 июня 1941)
- Public Record Office, London. Foreign Office files.
- Российский (бывший Центральный) государственный исторический архив (С.-Петербург): Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности); Ф. 323 (Китайско-Восточная железная дорога); Ф. 560 (Министерство финансов); Ф. 565 (Государственное казначейство); Ф. 632 (Русско-Китайский банк); Ф. 1068 (Н. Н. Тычино); Ф. 1237 (Предварительное совещание для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке); Ф. 1273 (Комитет Сибирской железной дороги); Ф. 1343 (Департамент геральдики).
- Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва): Ф. 2 (Ленин); Ф. 17 (ЦК КПСС).
- Центральное хранилище современной документации (Москва): Ф. 4 (Секретariat).
- Центральный государственный архив Советской армии (Москва): Ф. 33879 (Дальневосточная армия).
- Центральный государственный архив Дальнего Востока (Томск): Ф. 542 (Жандармское управление КВЖД); Ф. 577 (Городское управление Харбина).

II. Изданые работы

Amburger, Erik. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.

Asakawa, Kanichi. The Russo-Japanese Conflict. Boston, 1904.

Bakich, Olga. Origins of the Russian Community on the Chinese Eastern Railway // Canadian Slavonic Papers, 25.1 (March 1985).

Baring, Maurice. With Russians in Manchuria. London, 1905.

Bartold, V. V. La Découverte de l'Asie: Histoire de l'Orientalisme en Europe et en Russie. Paris, 1947.

Bater, James. St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal, 1976.

Berton, Pierre. The Impossible Railway: The Building of the Canadian Pacific. New York, 1972.

- Beveridge, Albert.* The Russian Advance. New York, 1904.
- Brooke, Guy.* An Eye-witness in Manchuria. London, 1905.
- Brunnert, H. S., and V. V. Hagelstrom.* Present Day Political Organization of China. Beijing, 1910.
- Bushnell, John.* Mutiny Amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington, Ind., 1985.
- Chao, Kang.* The Economic Development of Manchuria: The Rise of a Frontier Economy. Ann Arbor, Mich., 1982.
- Chow, Rey.* Between Colonizers: Hong Kong's Postcolonial Self-Writing in the 1990s // *Diaspora* 2.2 (Winter 1992).
- Clausen, Soren, and Stig Thøgersen.* The Making of a Chinese City: History and Historiography in Harbin. Armonk, N. Y., 1995.
- Corrsin, Stephen.* Warsaw Before the First World War: Poles and Jews in the Third City of the Russian Empire, 1880–1914. Boulder, Colo., 1989.
- Darwent, C. E.* Shanghai: A Handbook for Travellers and Residents. Shanghai, 1920.
- Davis, Clarence, and Kenneth Wilburn, eds.* Railway Imperialism. New York, 1991.
- Dempsey, Hugh, ed.* The CPR West. Vancouver, 1984.
- Dicker, Herman.* Wanderers and Settlers in the Far East. New York, 1962.
- Dirlik, Arif, ed.* What Is in a Rim?: Critical Perspectives on the Pacific Region Idea. Boulder, Colo., 1993.
- Duara, Prasenjit.* Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China. Chicago, 1995.
- Eagle, John.* The Canadian Pacific Railway and the Development of Western Canada, 1896–1914. Montreal, 1989.
- Elleman, Bruce.* The Soviet Union's Secret Diplomacy Concerning the Chinese Eastern Railway // *Journal of Asian Studies*, 53.2 (May 1994).
- Elvin, Mark.* The Mixed Court of the International Settlement at Shanghai (Until 1911) // *Papers on China*, 17 (1963).
- Esherick, Joseph.* The Origins of the Boxer Uprising. Berkeley, Calif., 1987.
- Fieldhouse, David.* Imperialism: An Historiographical Revision // *Economic History Review*, 14 (1961).
- Ford, Harold.* Russian Far Eastern Diplomacy, Count Witte and the Penetration of China, 1895–1904. Ph. D. diss., University of Chicago, 1950.
- Forsyth, James.* A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. — Cambridge, Eng., 1992.

- Frankel, Jonathan.* Prophecy and Politics. Cambridge, Eng., 1981.
- Fuller, William.* Civil-Military Conflict in Late Imperial Russia, 1881–1914. Princeton, N. J., 1985.
- Gallagher, John, and Ronald Robinson.* The Imperialism of Free Trade // Economic History Review, 6 (1953).
- Gelicen, V. V.* Zhongdong tielu huludui canjia 1900-nian manzhou shijian jilue. Harbin, n. d. (Китайский перевод книги: Голицын В. В. Очерк участия охранной стражи Китайской Восточной железной дороги в событиях 1900 года в Манчжурии. Харбин, 1910).
- Geyer, Dietrich.* Russian Imperialism. Leamington Spa, Eng., 1987.
- Glatfelter, R. Edward.* Russia, the Soviet Union and the Chinese Eastern Railway // Clarence Davis and Kenneth Wilburn, eds. Railway Imperialism. New York, 1991.
- Gunji Yoshio.* Toshtetsudo unchin seisakushi. Dairen, 1943.
- Hackett, Roger.* Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan. Cambridge, Mass., 1971.
- . Haerbin nangangde youlai. Nangang wenshi, 1 (1989).
- Haerbin shizhi: diliujuan. Harbin, 1993.
- Hamm, Michael.* Kiev: A Portrait, 1800–1917. Princeton, N. J., 1993.
- Hara Teruyuki.* The Korea Movement in the Russian Maritime Province, 1905–1922 // Dae-sook Suh, ed. Koreans in the Soviet Union. Honolulu, 1987.
- Harcave, Sidney,* tr. and ed. The Memoirs of Count Witte. Armonk, N. Y., 1990.
- Hauner, Milan.* What Is Asia to Us? Boston, 1990.
- Heilongjiang baikequanshu. Beijing, 1990.
- Heilongjiang baokan. Harbin, 1985.
- Heilongjiang shengzhi: baoyezhi. Harbin, 1993.
- Heilongjiang yutu' yu Haerbin diming // Xuexi yu tansuo, 4 (1990).
- Herlihy, Patricia.* Odessa: A History, 1794–1914. Cambridge, Mass., 1986.
- Hosoya Chihiro.* Shiberia shuppei no shiteki kenkyu. Tokyo, 1955.
- Iriye, Akira.* After Imperialism: The Search for a New Order in the Far East. Cambridge, Mass., 1965.
- Ito Takeo.* Life Along the South Manchurian Railway: The Memoirs of Ito Takeo. Armonk, N. Y., 1988.
- Ji Fenghui.* Haerbin xungen. Harbin, 1996.
- Jin Shuangping.* Nangangqu zaoqi bufen jianzhu fengge suotan // Nangang wenshi, 1 (1989).

- Jin Zonglin. Zhang Tingge qiren qishi // Haerbin wenshi ziliao, 2 (1983). C. 17–25.*
- Judge, Joan. Print and Politics: “Shibao” and the Culture of Reform in Late Qing China. Stanford, Calif., 1996.*
- Karlinsky, Simon. Memoirs of Harbin // Slavic Review, 48.2 (Summer 1989).*
- Khisamutdinov, Amir. The Russian Far East: Historical Essays. Honolulu, 1993.*
- Kitamanshu keizai chosashiryo. — Место издания не указано, 1910.*
- . Kitchen Imperialism: Soybeans and the Making of Northeast Asia. Unpublished manuscript.
- Klibanov, A. I. History of Religious Sectarianism in Russia, 1860’s — 1917. Oxford, 1982.*
- Kong Fanzhen. Haerbin funu xiejinhui chengli shimo // Haerbin wenshi ziliao, 2 (1983).*
- Koshizawa Akira. Harubin no toshikeikaku. Tokyo, 1989.*
- Kotkin, Stephen, and David Wolff, eds. Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, N. Y., 1995.*
- Kuropatkin, A. N. The Russian Army and the Japanese War. — New York, 1909.*
- Lahusen, Thomas. A Place Called Harbin: Reflections on a Centennial // China Quarterly, June 1998. P. 181–90.*
- Landgraf, Dieter. Amur. Ussuri. Sachalin, 1847–1917. Neuried, 1989.*
- Lattimore, Owen. The Gold Tribe: ‘Fishkin Tatars’ of the Lower Sungari // Memoirs of the American Anthropological Association, 1932.*
- Lee, Chong-sik. Revolutionary Struggle in Manchuria: Chinese Communism and Soviet Interest, 1922–1945. Berkeley, Calif., 1983.*
- Lensen, George. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. Tokyo, 1968.*
- Leong, Sow-theng. Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1926. Honolulu, 1976.*
- Leroy-Beaulieu, Anatole. La Renovation de l’Asie. Paris, 1900.*
- Levine, Steven. Anvil of Victory: The Communist Revolution in Manchuria, 1945–1948. New York, 1987.*
- Lewitz, Peter. To the Columbia Gateway: The Oregon Railway and the Northern Pacific, 1879–1884. Pullman, Wash., 1987.*
- Lieven, D. C. B. Russia and the Origins of the First World War. New York, 1983.*
- Li Shuxiao. Haerbin lishi biannian, 1896–1949. Harbin, 1986.*
- Livezeanu, Irina. Defining Russia at the Margins // Russian Review, 54.4 (Oct. 1995). P. 495–99.*

- Louis, William*, ed. *Imperialism: The Robinson and Gallagher Controversy*. New York, 1976.
- Macey, David*. *Government and Peasant in Russia, 1861–1906*. Dekalb, Ill., 1987.
- MacMurray, John*. *Treaties and Agreements With and Concerning China, 1894–1919*. Vol. 1. New York, 1921.
- Malozemoff, Andrew*. *Russian Far Eastern Policy, 1881–1904*. Berkeley, Calif., 1958.
- Mancall, Mark*. *China at the Center: 300 Years of Foreign Policy*. New York, 1984.
- . *Manchuria, Cradle of Conflict*. New York, 1932.
- Marks, Stephen*. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. London, 1991.
- . «*Matey*» Imperialists? Hong Kong, 1982.
- McDonald, David*. *United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914*. Cambridge, Mass., 1992.
- Michelson, Sig*. *The North Pacific Railroad and the Selling of the West*. Sioux Falls, S. D., 1993.
- Miller, Henry B*. *Russian Development of Manchuria* // *National Geographic*, 15.3 (1904).
- Morley, James*. *The Japanese Thrust into Siberia, 1918*. New York, 1957.
- Murphey, Rhoads*. *Shanghai: Key to Modern China*. Cambridge, Mass., 1953.
- Myers, Ramon, and Mark Peattie*, eds. *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945*. Princeton, N. J., 1984.
- Myers, Ramon, Mark Peattie, and Peter Duus*, eds. *The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937*. Princeton, N. J., 1989.
- Nathan, Carl*. *Plague Prevention and Politics in Manchuria, 1910–1931*. Cambridge, Mass., 1967.
- Nicholas II*. *The Secret Letters of the Last Tsar*. New York, 1938.
- Nihon gaiko bunsho*. Tokyo, [1903–1904].
- Nish, Ian*. *The Origins of the Russo-Japanese War*. London, 1985.
- Nottbeck, Friedrich von*. *Erlebnisse und Erinnerungen aus dem russisch-japanischen Kriege*. Berlin, 1906.
- Orlovsky, Daniel*. *The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802–1881*. Cambridge, Mass., 1981.
- Ossendowski, Ferdynand*. *From President to Prison*. New York, 1926.
- Paine, Sarah*. *A History of the Sino-Soviet Border, 1858–1924*. Ph. D. diss., Columbia University, 1993.

- Panskaia, Ludmila.* Introduction to Palladii's Chinese Literature of the Muslims. 1979.
- Pereleshin, Valerii.* Russian Poetry and Literary Life in Harbin and Shanghai, 1930–50: The Memoirs of Valerij Pereleshin. Amsterdam, 1987.
- Pinkus, Benjamin.* The Jews of the Soviet Union. Cambridge, Eng., 1988.
- Polacy na dalekim wschodzie. — Harbin, 1928.
- Polvinen, Tuomo.* Imperial Borderland: Bobrikov and the Attempted Russification of Finland, 1898–1904. Durham, N. C., 1995.
- Poppe, Nicholas.* Reminiscences. Ed. Henry Schwarz. Bellingham, Wash., 1983.
- Price, Ernest.* The Russo-Japanese Treaties of 1907–1916 Concerning Manchuria and Mongolia. Baltimore, Md., 1933.
- Purcell, Victor.* The Boxer Uprising, a Background Study. New York, 1963.
- Qiao Gu.* Lamatai beihui mujiji // Nangang wenshi, 1 (1989).
- Quested, Rosemary, and N. Tsuji.* A Fresh Look at the Sino-Russian Conflict of 1900 in Manchuria // Journal of the Institute of Chinese Studies of the Chinese University of Hong Kong, 9.2 (1978).
- Quested, Rosemary.* Local Sino-Russian Political Relations in Manchuria, 1895–1900 // Journal of Oriental Studies, 10.2 (July 1972).
- Raeff, Marc.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. New York, 1990.
- . Railwaymen and Revolution: Russia, 1905. Berkeley, Calif., 1987.
- Reichman, Henry.* The 1905 Revolution on the Siberian Railroad // Russian Review, 47 (1988).
- Repington, Charles.* The War in the Far East, 1904–1905. New York, 1905.
- Reynolds, Douglas.* China, 1898–1912: The Xinheng Revolution and Japan. Cambridge, Mass., 1993.
- Riasanovsky, Nicholas.* Asia Through Russian Eyes // Wayne Vucinich (ed.) Russia and Asia. Stanford, Calif., 1972.
- Rogger, Hans.* Jewish Policies and Right-wing Politics in Imperial Russia. London, 1986.
- Romanov, B. A.* Russia in Manchuria. Ann Arbor, Mich., 1952. (Первоначально издано как: Романов Б. А. Россия в Манчжурии (1892–1906). Л., 1928).
- Rosen, Baron.* Forty Years of Diplomacy. London, 1922.
- Rozman, Gilbert.* A Mirror for Socialism. Princeton, N. J., 1985.

- . Russia Finds Its Limits: Crossing Borders into Manchuria // Stephen Kotkin and *David Wolff* (eds.) ---. Rediscovering Russia in Asia. Armonk, N. Y., 1995.
- . Russia in the Age of Modernisation and Revolution, 1881–1917. London, 1983.
- . Russian City in China: Harbin before 1917 // Canadian Slavonic Papers, 28.2 (June 1986).
- (ed.) Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton, N. J., 1981.
- Sahlins, Peter.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley, Calif., 1989.
- Sanbo honbu. Keizaijo yori mitaru Haerbin. Место издания не указано, 1925.
- Seki Hiroharu.* Gendai higashi ajia kokusai kankyo no tanjo. Tokyo, 1969.
- . Shiberia shuppei. Tokyo, 1989.
- Shi Fang.* Chaoxian minzu yingxiong AnZhongren // Haerbin Yanjiu, 6 (1986).
- Shillony, Ben-Ami.* The Jews and the Japanese. Rutland, Vt., 1991.
- Siegelbaum, Lewis.* Another ‘Yellow Peril’: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction Before 1917 // Modern Asian Studies, 12.2 (April 1978).
- Simpson, John Hope.* The Refugee Problem: Report of a Survey. London, 1939.
- Si Yuanyi.* Fangyi gongzuode xianquzhe — Wu Liande boshi // Haerbin wenshi ziliao, 3 (1984).
- Slezkine, Yuri.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, N. Y., 1994.
- Slutskii, Yehuda.* Haitonut hayehudit-rusit bamea haesrim (1900–1918). Tel Aviv, 1978.
- Sokolsky, George.* The Story of the Chinese Eastern Railway. Shanghai, 1929.
- . Some Reflections on Russian Liberalism // Russian Review, 18 (1959).
- Spaits, Alexander.* Mit Kosaken durch die Mandschurei. Vienna, 1906.
- Spendelow, Howard.* Russia’s South Manchurian Adventure: The Liaodong Leasehold and China’s Resistance to Imperialism, 1898–1905. Ph. D. diss., Harvard University, 1979.
- Spruyt, Hendrik.* The Sovereign State and Its Competitors. Princeton, N. J., 1994.
- Starr, S. F.* Tsarist Government: The Imperial Dimension // J. Azrael (ed.) Soviet Nationality Policies and Practices. New York, 1978.

Stephan, John. Far Eastern Conspiracies? Russian Separatism on the Pacific // Australian Slavonic and East European Studies, 4.1–2 (1990).

Stone, Norman, and Michael Glenny. The Other Russia. London, 1990.
Sulzberger, C. L. The Last of the Giants. New York, 1970.

Sun, Kungtu (assisted by Ralph W. Huenemann). The Economic Development of Manchuria in the First Half of the Twentieth Century. Cambridge, Mass., 1969.

Tang, Peter. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911–1931. Durham, N. C., 1959.

Tettau, Freiherr von. Achtzehn Monate mit Russlands Heeren in der Mandschurei, vols. 1–2. Berlin, 1907.

Thaden, Edward. Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, N. J., 1984.

--- (ed.) The City in Late Imperial Russia. Bloomington, Ind., 1986.

---. The Russian Far East: A History. Stanford, Calif., 1994.

---. The Russian Fascists. New York, 1978.

---. The Russo-Chinese Bank. Birmingham, Eng., 1977.

---. The Russo-Chinese War. Tallahassee, Fla., 1967.

---. The Urge to Mobilize. Urbana, Ill., 1982.

Thurston, Robert. Liberal City, Conservative State. New York, 1987.

Tilly, Charles. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Cambridge, Mass., 1990.

Timberlake, Charles. Introduction: The Concept of Liberalism in Russia // Timberlake. Essays on Russian Liberalism. — Columbia, Mo., 1972.

---. Training Young China Hands: Toa Dobun Shoin and Its Precursors, 1886–1945 // Ramon Myers, Mark Peattie, and Peter Duus (eds.) The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937. Princeton, N. J., 1989.

Treadgold, Donald. The Great Siberian Migration. — Princeton, N. J., 1957.

Tsuru Kesatoshi. Tenshukyoto An Jukon. Tokyo, 1996.

Tupper, Harmon. To the Great Ocean. Boston, 1965.

United States, State Department. Consular Reports. Washington, D. C.

Urufu, D. Shiberia to Manshu o meguru Roshia to Chugoku // Shuen kara no rekishi. Tokyo, 1994.

Valliant, Robert. Japan and the Trans-Siberian Railroad, 1885–1905. Ph. D. diss., University of Hawaii, 1974.

Von Laue, Theodore. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York, 1963.

—, War Department. *Reports of Military Observers Attached to the Armies in Manchuria During the Russo-Japanese War.* Washington, D. C., 1906.

Weale, B. L. Putnam. Manchu and Muscovite. London, 1907.

Weeks, Theodore. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, Ill., 1996.

Weinberg, Robert. The Revolution of 1905 in Odessa: Blood on the Steps. Bloomington, Ind., 1993.

Weressaiew, W. Meine Erlebnisse im russisch-japanischen Krieg. Stuttgart, 1909.

Westwood, J. N. A History of Russian Railways. London, 1964.

Whelan, Heide. Alexander III and the State Council. New Brunswick, N. J., 1982.

Whigham, Henry. Manchuria and Korea. London, 1904.

Widmer, Eric. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking During the Eighteenth Century. Cambridge, Mass., 1976.

Wolff, David. Between War and Revolution: Railway Brigades in Siberia, 1905–1907 // Russian Review, 55.4 (1996).

Wu Jinglin. An Zhongren cisha Iteng Bowen (Ito Hirobumi) // Nangang wenshi, 1 (1989).

Wu Xuejian. Wosuo zhidaode Wu Baixiang // Haerbin wenshi ziliao, 1 (1982).

Yaney, George. The Systematization of Russian Government. Urbana, Ill., 1973.

Young, John. The Research Activities of the South Manchurian Railway, 1907–45. New York, 1966.

Zhang Fushan. Shae he Sulian zhu Haerbin zonglingshiguan // Haerbin wenshi ziliao, 6 (1985).

Zhang Xiaohong. Eguo he Sulian zhu Haerbin zonglingshiguan shimo // Nangang wenshi, 1 (1989).

Zhao Dejiu. Jiefangqian haerbin zuowei beiman jingji zhongxinde yixie lishi ziliao // Haerbin yanjiu, 5 (1985).

Zhao Tian. Fujadiande lailongqumai // Haerbin wenshi ziliao, 5 (1984).

Zheng Changchun. Haerbin huochezhande bianqian // Nangang wenshi, 1 (1989).

Zhu Xianping. Lun diyici shijie dazhanqian dongbei beibude waiguo ziben // Haerbin yanjiu, 5 (1986).

Автономов Н. П. Исторический обзор харбинских коммерческих училищ за 15 лет. Харбин, 1921.

- Азиатская Россия : в 3 т. СПб., 1914.
- Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982.
- Альбом сооружения КВЖД, 1897–1903. СПб., 1903.
- Ананьев Б. В., Ганелин П. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Л., 1963.
- Андреев Г. И. 1905 год на КВЖД // Известия сибирского отделения АН СССР. № 6/2. 1976.
- Бакич О. Архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. San Pablo, Calif., 1996.
- Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. San Francisco, 1958–1959.
- Бартольд В. В. Сочинения. М., 1977.
- Богданов Д. Дневник Дмитрия Богданова по поездке по Сунгари на пароходе «Телеграф» в 1895 году. Год и место издания не указаны.
- Борзунов В. Ф. Рабочая сила на строительстве сибирской магистрали // Исторические записки. № 70. 1961.
- Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.
- Вересаев В. В. Записки врача. На японской войне. М., 1986.
- Веселовзоров В. Н. Как был заложен Харбин // Известия общества изучения Манчжурского края. № 1. 1922.
- Ветошкин М. К. 1905 г. в Манчжурии // Сибирские огни. № 1. 1929.
- Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин, 1923.
- Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Берлин, 1922.
- Г. Харбин и его пригороды по однодневной переписи 24 февраля 1913 г. Т. 1: Статистическое описание. Т. 2: Итоговые таблицы. Харбин, 1913.
- Гинц М. А. Русская семья дома и в Манчжурии. Sydney, 1986.
- Глинский Б. Б. (ред.) Пролог русско-японской войны: материалы из архива Графа С. Ю. Витте. Пг., 1916.
- Головачев П. М. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.
- Грулев М. В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930.
- Давидов Д. А. Колонизация Манчжурии и С.-В. Монголии. Владивосток, 1911.
- Демчинский Б. Россия в Манчжурии. СПб., 1904.

- Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. № 2. 1922.
- Добровольский Л. И. Запрещенная книга в России, 1825–1904. М., 1962.
- Духовской С. М. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора Генерала-Лейтенанта Духовского, 1896–1897. СПб., 1898.
- Жуковский-Жук И. Провокатор Ричард Франк // Пути революции. № 1. 1927.
- . Зарисовки старого Харбина // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 1990.
- Инструкция начальникам участков для производства изысканий и составления проекта Китайской восточной железной дороги. СПб., 1897.
- Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII — начале XX в. 1640–1917: Историко-демографический очерк. М., 1985.
- Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- Кауфман А. И. Поселок Харбин // Бюллетень Игуд Иоцей Син. № 250. 1981.
- Китай. Япония. История и филология. М., 1961.
- Китайская Восточная Железная Дорога: Исторический очерк, 1896–1905. СПб., 1914.
- Кокшайский. Глазомерная съемка реки Сунгари. [Место издания не указано], 1896.
- Коняев А. Т. Борьба большевиков Сибири за революционную эвакуацию солдат Манчжурской армии в 1905 г. // Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы (1903–1917 гг.). Томск, 1976.
- . К событиям в Китае. СПб., 1900.
- Левитов И. Желтая Россия. СПб., 1901.
- Лембергская В. (ред.) Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный архив. № 11–12. 1925.
- Лешко О. Скидельские // Бюллетень Игуд Иоцей Син. Январь 1992.
- Литвак К. Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России // История СССР. № 1. 1990.
- Максаков В. (ред.) Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг. М., 1932.
- «Манчжурец». Русская казна на Китайской дороге. СПб., 1910.
- Маринов В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной, 1905–1914. М., 1974.
- Мартынов Е. И. Выдача китайцам чертежей железнодорожных мостов. М., 1913.

- Мелихов Г. Манчжурия: далекая и близкая. М., 1991.
- Меркулов С. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912.
- Немирович-Даниченко В. И. На войну. М., 1904.
- Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайской восточной железной дороги, 1896–1923 гг. Харбин, 1923.
- Общество КВЖД. Смета доходов и расходов на 1903 год. СПб., 1903.
- Общество КВЖД. Смета доходов и расходов на 1904 год. СПб., 1904.
- Общий обзор к отчету по отчуждению земель существующей линии КВЖД дороги, 1897–1918 гг. (1930–1931).
- Отчет биржевого комитета. Харбин, 1911.
- Отчет о деятельности Общества за 1907 г. // Русское географическое общество. Владивостокское отделение. № 12. 1908.
- Отчет Харбинского биржевого комитета за 1911 год. Харбин, 1913.
- Отчет Харбинского биржевого комитета за 1913 год. Харбин, 1914.
- Отчет Харбинского общественного управления. Харбин, 1908.
- Панкратова А. М. (ред.) Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы, ноябрь–декабрь 1905 года. Т. 2. М., 1955.
- Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // Красный архив. № 52. 1932.
- . Перед грозным будущим. СПб., 1904.
- Позднеев Д. Описание Манчжурии. СПб., 1897.
- . Поземельный вопрос в Гиринской провинции в связи с ее заселением // Известия Восточного института. № 3. 1902.
- Покотилов Д. Д. Некоторые дополнительные данные по вопросу об отчуждении земель под железной дорогой в Китае. СПб., 1897.
- Полетика М. И. Общий медицинский отчет по постройке ВКЖД. СПб., 1904.
- Полецук В. Е. Революционное движение в Манчжурской армии в 1905 году // Исторические записки. № 49. 1954.
- Приамурье: факты, цифры, наблюдения. М., 1909.
- Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 2. СПб., 1897.
- Рудаков А. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901.
- Рыбаковский Л. А. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.

- Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903.
- Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской. М., 1931.
- Сивяков П. Чжи-фу // Известия Восточного института. № 3/4. 1902.
- Сикорский Ф. Ю. Русский суд в Манчжурии // Журнал министерства юстиции. Март 1915.
- Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- Сквирский Ф. Б. Солдатские слободки в Желтороссии: царский план военной колонизации Манчжурии // Вестник Манчжурии. Апрель 1930.
- . Смертность населения г. Харбина в 1909 г. в связи с рождаемостью // Известия харбинского общественного управления. № 7. 1913.
- Соколова А. Воспоминания о погроме в Манчжурии по линии КВЖД в 1898 // Исторический вестник. 1906. № 10; № 11; № 12.
- Солдатов В. В. К переписи населения города Харбина. Харбин, 1912.
- Спицын А. Рабочий вопрос на каменно-угольных копях Мукденской провинции // Известия Восточного института. № 9. 1903.
- Справочная книжка по Восточному Институту в г. Владивостоке на 1909 год. Владивосток, 1909.
- Справочная книжка по личному составу служащих КВЖД на 1-е января 1915 года. Харбин, 1915.
- Справочная книжка Харбина. Харбин, 1904.
- Стож М. Е. Спутник по Сибири и Дальнему Востоку. Место издания не указано, 1916.
- Таскина Е. Неизвестный Харбин. М., 1994.
- Ткаченко Г. Советские трудящиеся на КВЖД, 1924–1935. М., 1988.
- Ухтомский Э. Э. Из китайских писем. СПб., 1901.
- Федоркина Е. А. Дальневосточные меценаты Восточного института // Дальневосточная панорама. № 1. 1991.
- Фоменко С. М. Путеводитель по портам Дальнего Востока, 1909–10. Харбин, б/д.
- Харбинская старина. Харбин, 1938.
- Цепляев Л. Н., Шипилов Б. П. Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов западной Сибири в эпоху капитализма // Из истории Сибири. № 17. 1975.
- Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. М., 1991.
- Чаров И. Харбин. Альбом. Харбин, 1930.

Чернолуцкая Е. Н. Российская эмиграция в Манчжурии: военно-политическая деятельность, 1920–1945 : сборник документов. Южно-Сахалинск, 1994.

Чумные эпидемии на Дальнем Востоке. Харбин, 1912.

Шкуркин П. В. Переводчик или ориенталист? // Вестник Азии. № 9. 1911.

Шпринцин А. Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. № 6. 1968.

Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток: Три года в Уссурийском крае. СПб., 1897.

Штейнфельд Н. П. Роль и значение города Харбина в экономической жизни Русской Манчжурии // Быт и культура Востока. № 3. 1910.

Шумяцкий Б. З. В сибирском подполье : очерки, 1903–1908. М., 1926.

Юбилейный сборник Харбинского биржевого комитета, 1907–1932. Харбин, 1934.

Перевод с английского Николая Эдельмана

О. Р. Айрапетов

ПАДЕНИЕ ПОРТ-АРТУРА,

9 января 1905 года и начало революции

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...¹

Падение Порт-Артура сыграло исключительно важную роль в углублении внутриполитического кризиса Российской империи. Вместе с внешним могуществом Империи под вопрос было поставлено и самое ее существование. Один из корреспондентов главы МВД писал ему: «Порт-Артур пал под ударами японцев. Душа и сердце истинно русского человека дрогнули и облились кровью».² Абсолютно прав был Ленин, утверждая в январе 1905 г.: «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»³. И. В. Сталин в это время также не скрывал своей радости, считая, что наступило время сведения счетов с монархией: «Редеют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, по зорно Порт-Артур, — и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия»⁴. Народная Россия, по словам

¹ Блок А. А. Возмездие // Собрание сочинений : в 8 т. М. ; Л., 1960. Т. 3: стихотворения и поэмы. 1907–1921. С. 331.

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1729. Свято-покл-Мирский П. Д. Оп. 1. Ед. хр. 811. Письмо Ф. Р. Ипатьева П. Д. Святополк-Мирскому о падении Порт-Артура. Л. 1.

³ Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М., 1967. Т. 9. Июль 1904 — март 1905. С. 158.

⁴ Сталин И. В. Рабочие Кавказа, пора отомстить! // Собрание сочинений. М., 1954. Т. 1. 1901–1907. С. 74.

Струве, была «разбужена от векового политического сна дальневосточной грозой»⁵. В начале 1905 г. он предсказывал приход решающего момента и объединения всего общества против самодержавия⁶. «Самодержавие ослаблено, — писал Ленин. — В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции»⁷.

Даже в подцензурной прессе стали возможны весьма резкие заявления: «Японские победы не составляют случайности, и военное счастье не перейдет на нашу сторону, пока общие условия русской жизни не изменятся к лучшему. Это сознание с необычайной ясностью овладело умами лучшей части нашего общества, побуждая желать скорейшего прекращения войны во имя истинного патриотизма, вопреки фальшивым воинственным возгласам людей, привыкших извлекать выгоды из бедствий народа и государства»⁸. Настроения в стране были весьма далеки от радужных. В Петербурге назревали грозные события. Известие о падении крепости на берегах Тихого океана вызвало негодование рабочих Петербурга⁹.

Общество вообще было весьма взволнованным, но еще 31 декабря (13 января) Гапон не знал, чем закончится начинаяющееся движение рабочих¹⁰. Узнав о падении Порт-Артура, он собрал руководство своей организации и сообщил рабочим, что, по его мнению, настало время подать петицию царю. Это предложение было поддержано, а очередное предложение руководству Путиловского завода вернуть уволенных рабочих было встречено очередным отказом. Стачка стала неизбежной¹¹. С 3 (16) января 1905 г. на Путиловском началась забастовка. Рабочие были уже готовы к выступлению, они попросту ждали призыва бросить рабо-

⁵ Струве П. Б. Политика внутренняя и политика внешняя // Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 79.

⁶ Комитет Министров и Комитет реформ // Освобождение. Париж. 20 января (7 января) 1905 г. №63. С. 220.

⁷ Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Полное собрание сочинений. Собрание пятое. М., 1967. Т. 9. Июль 1904 — март 1905. С. 159.

⁸ Иностранные обозрение // Вестник Европы (далее ВЕ). 1905. № 2. С. 839.

⁹ Записки Георгия Гапона ... С. 56.

¹⁰ Маевский Е. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 1. Международное положение России перед революцией. С. 43.

¹¹ Записки Георгия Гапона (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918. С. 57.

ту. Услышав его, люди сразу же покидали цеха¹². Забастовка быстро разрасталась. Только на Путиловском работу прекратили до 13 тыс. человек, первые дни забастовка протекала мирно, нарушений порядка не было. Масштаб протеста был весьма велик, требования забастовщиков попали в печать¹³.

За десятилетие с 1895 по 1904 гг. основными причинами забастовок на фабриках и заводах были проблемы заработной платы (1 071 случай), рабочего времени (385 случаев), порядка на рабочих местах (131 случай) и случайные (178)¹⁴. Было ясно, что поводом для забастовки стали злоупотребления. «Благодаря отсутствию контроля над мастерами, — заявлял автор «Нашей жизни», — на заводе развивается атмосфера кумовства, подкупа и низкопоклонства»¹⁵. Мастера устанавливали расценки и определяли объем выработки норм. Они были почти всевластными хозяевами в цехах. Теперь случайная причина, поддержанная проблемами заработной платы и рабочего времени, привела к небывало массовому выступлению. Очевидно, что причина массовости движения была все же глубже, чем проблема злоупотребления мастерами своей властью.

С другой стороны, именно в силу массовости движение рабочих неизбежно перерастало в политическое. Забастовка стала распространяться на другие заводы и фабрики. В течение трех дней в столице забастовало около 140 тыс. чел.¹⁶ «Выборные по воле народа Путиловского завода» — 37 чел. — единогласно избрали Гапона своим представителем на переговорах с администрацией¹⁷. После этого он уже не мог остановить забастовку, а только возглавлять движение. Первоначально требования забастовщиков

¹² Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб., 1906. № 1. С. 206.

¹³ К забастовкам рабочих // Наша жизнь. 7 (20) января 1905 г. № 60. С. 3.

¹⁴ Варзар В. Е. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за 1905 год. Министерство Торговли и Промышленности. Отдел Промышленности. СПб., 1908. С. 48; 51.

¹⁵ К забастовкам рабочих // Наша жизнь. 7 (20) января 1905 г. № 60. С. 4.

¹⁶ Маевский Е. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. А. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 1. Международное положение России перед революцией. Массовое движение. С. 43.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 748. Георгий Гапон. Оп. 1. Ед. хр. 2. Акт, подписанный выборными рабочими Путиловского завода, о поручении Гапону Г. возглавить депутатию рабочих завода при переговорах с администрацией. Л. 1.

носили все же чисто экономический характер — поднять поденные расценки (женщинам до 70 коп., мужчинам до 1 руб. в день), улучшить вентиляцию цехов, отменить обязательные сверхурочные работы и т. п. Даже вопрос о 8-часовом рабочем дне рабочие были готовы отложить на будущее. Градоначальник столицы ген.-л. ген.-ад. И. А. Фуллон позвонил Гапону и сообщил ему, что Витте добился согласия владельцев завода на возвращение одного рабочего и, возможно, еще двух. Оставался один. Генерал просил прекратить забастовку, но было уже поздно¹⁸.

До определённого периода властям удавалось еще контролировать информационный фон разворачивающихся в столице событий. Наиболее читаемыми газетами в Санкт-Петербурге и России в течение 1904 года были «Биржевые Ведомости» (15 048 145 экз.), «Петербургский листок» (12 048 470 экз.), «Новое Время» (6 329 505 экз.), «Петербургская газета» (4 437 101 экз.), «Русь» (2 448 033 экз.). Либеральная «Наша жизнь» начала выходить только в октябре и занимала слабые позиции в среднем по годовой продаже — 22-е место 9 947 экз. Официальные «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства» занимали 11-е место (142 529 экз.), «Правительственный вестник» — 13-е место (80 378 экз.), «Русский инвалид» — 16-е место (44 378 экз.)¹⁹. Но эти газеты молчали о событиях в столице (во-всяком случае, в её рабочих районах и до того, как они переросли до уровня кризиса). Причина могла быть лишь одна — уровень власти, ответственный за принятие решения, таких решений не принимал, приказа сверху о том, как следует относиться к происходящему, не поступало. О том, что происходит, писали другие ежедневники.

Лояльнейшее правительству «Новое Время» 6 (19) января опубликовало обзор состояния рабочего вопроса в России, в котором говорилось: «Ближайшее наблюдение нашей промышленной жизни показывает, что в ней совершается глубокий процесс, требующий самого серьезного к нему отношения. Стачки, беспорядки и волнения среди рабочих уже давно утратили характер случайных, обратившихся в хроническое проявление недовольства. Ничтожные по-видимому поводы вызывают все чаще и ча-

¹⁸ Записки Георгия Гапона ... С. 58–59.

¹⁹ Инспекторский надзор за заведениями и произведениями печати в С.-Петербурге // Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1904 год. СПб., 1905. С. 58.

ще серьезные осложнения, нередко с кровавым исходом. Многие промышленные центры время от времени объявляются как бы на военном положении и нуждаются в охране штыками. Ближайшее ознакомление с причинами этих явлений показывает, что движение среди рабочих принимает нередко политический характер. Вместе с тем обнаруживается, что политическая окраска рабочего движения далеко не случайна: причины ее кроются в самом существе дела и в отношении правительства к рабочему движению. Уже давно стало несомненным, что репрессивные меры приводили лишь к отрицательным результатам и оказались вполне бессильными направить рабочее движение в спокойное русло. Очевидно, рабочая среда нуждается в успокоении, которое может быть достигнуто лишь серьезной и решительной реформой. Эта последняя должна касаться как экономического, так и правового положения рабочих, требующего коренного изменения»²⁰.

Дальнейшие события показали, что император не собирался прислушиваться к голосу разума, который неоднократно звучал в эти январские дни. В его обычном расписании не было перемен. Литургии, прием докладов (чаще других Военного министра и министра Двора), праздничные завтраки следовали один за другим. Пожалуй, из этой череды поначалу выделялась лишь елка с детьми 2 (15) января²¹. 6 (19) в 09:45 императорская чета направилась из Царского Села в Петербург, в 10:30 они уже были в Зимнем дворце. На праздничный прием туда же приехала и вдовствующая императрица. Николай II принимал представителей гвардии и частей столичного округа, после чего — придворных чинов и т. д. В 11:00 из Малахитовой гостиной императорская чета проплывала через залы дворца в Большую церковь к литургии²². Тут произошло не запланированное событие. На Крещенском параде и водосвятии по случайности батарея выстрелила боевым шрапнельным снарядом по Зимнему дворцу. В четырех окнах были разбиты стекла, пули повредили угол дворца²³.

²⁰ Арбитр. Рабочий вопрос в России. Общие соображения // Новое Время. 6 (19) января 1905 г. №10 365. С. 3.

²¹ Российский Государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 516. Камер-фурьерские журналы (коллекция). Оп. 2. Ед. хр. 188. Камер-фурьерский журнал за январь 1905 года. Л. 1–5 об.

²² Там же. Л. 12–13.

²³ Внутренние известия. Санкт-Петербург // Правительственный вестник. 8 (21) января 1905 г. № 5. С. 1.

«Церемония продолжилась, никто не двинулся с места, — вспоминал В. Ф. Джунковский. — Государь сохранил полное спокойствие, даже не изменился в лице»²⁴. Был ранен городовой, более никто не пострадал, но все же никто не мог с уверенностью сказать, не было ли случившееся результатом злого умысла²⁵. Была немедленно образована следственная комиссия под председательством начальника артиллерии Гвардейского корпуса ген.-л. Н. М. Хитрова²⁶. Выяснилось, что после учений 4 (17) января из одного из орудий забыли извлечь заряд учебной картечи. Это орудие и вошло в состав 6-орудийной батареи, приветствовавшей императора на водосвятии²⁷. Новость о случившемся в столице быстро достигла Мукадена — среди офицеров она почти не вызвала возмущения. Всех интересовало, скоро ли будет заключен мир. Все чувствовали — в далекой России начинается что-то необычное, важное и большое²⁸.

Опасаясь ареста, Гапон провел ночь с 6 (19) на 7 (20) января на квартире у рабочего своей организации, где составлял текст петиции на имя императора²⁹. Он уже был готов включить в нее требования либеральной оппозиции³⁰. Гапон поделился этой мыслью с рабочими на общем собрании, встретив «единодушное сочувствие во всех отдельах “Общества”»³¹. 7 (20) января рабочие начали выходить на улицы. Толпа до 300 человек прошлась по Васильевскому острову, принуждая рабочих мелких заводов и фабрик бросать работу. Им не удалось сделать это только на Пироксилиновом заводе Морского министерства и только по причине присутствия на нем двух рот моряков, которые директор завода обе-

²⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 28.

²⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты Правительство и общественность в царствование императора Николая II в изображении современника. СПб., 2000. С. 404–406.

²⁶ Внутренние известия. Санкт-Петербург // Правительственный вестник. 8 (21) января 1905 г. № 5. С. 1.

²⁷ Выяснение несчастного случая 6 января // Санкт-Петербургские ведомости. 17 (30) января 1905 г. № 9. С. 5.

²⁸ Нодо А. Письма о войне с Японией. СПб., 1906. С. 137–138.

²⁹ Записки Георгия Гапона ... С. 62.

³⁰ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 21. Материалы, относящиеся к событиям 9 января 1905 г. (Письмо священника Гапона Г. к рабочим, петиция петербургских рабочих к царю, записки неустановленных авторов с описанием расстрела рабочих и т. д.). янв. 1905 г. Л. 2.

³¹ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 23. Доклад комиссии избранной общим собранием присяжных поверенных по поводу событий 9–11 января. 16 января 1905 г. Л. 1 об.

щал пустить в дело при попытке проникновения забастовщиков на территорию объекта. Требования рабочих начали выходить за пределы экономических. При этом в целом порядок в городе нарушен не был, а центр оставался спокойным. События развивались быстро и вскоре они застали врасплох и власти, и революционеров³².

7 (20) января была составлена петиция к царю. Гапон сразу после событий обратился к народу с возвнанием, в котором писал: «Рабочим петербургским, твоим детям, братьям и сестрам по крови и простому происхождению, — жить немоготу, не под силу стало. К хозяевам, чиновникам и министрам, по моему указанию, искать милости и правды для себя они ходили. Милость под спуд ушла, правда на небеса улетела. Над нами издевались. Тогда непосредственно к самому царю, помимо чиновников, за маткой-правдой для всего уже народа русского обратиться мы решились»³³. Предлагаемая петиция состояла из «мер против нищеты народной», «мер против невежества и бесправия русского народа», «мер против гнета капитала над трудом»³⁴. Фактически императору предлагался проект парламентской монархии и широких экономических и социальных реформ. Текст петиции зачитывал Гапон на общем собрании³⁵.

Здание собрания, рассчитанное максимум на 600 человек, не могло вместить всех желающих, а их собралось около 40 тысяч. Гапон вышел на улицу и начал читать вслух³⁶. Но документ затем читали во всех отделах Общества посменно, отвечая на вопросы и разъясняя рабочим суть изложенной программы³⁷. Безусловно, требования поддержали массы рабочих, между тем, это была уже и политическая программа, очень близкая к социал-демокра-

³² Доклад директора Департамента полиции Лопухина Министру Внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись. Ежемесячный исторический журнал Петроградского Бюро комиссии по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической партии. Пгр., 1922. № 1. С. 333.

³³ Гапон [Г.] Ко всему крестьянскому люду. [СПб., 1905.] С. 2.

³⁴ Там же. СС. 5–9.

³⁵ Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульянский А. [Г.] История Путиловского завода 1801–1917. М.; А., 1939. С. 166.

³⁶ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 1.

³⁷ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 23. Доклад комиссии избранной общим собранием присяжных поверенных по поводу событий 9–11 января. 16 января 1905 г. Л. 2.

тической программе минимум³⁸. Председатель правления Собрания И. В. Васильев — 24-летний рабочий, выходец из Смоленской губернии³⁹ — заверял слушателей, что царь ждет их завтра в два часа дня, и встретит их «со слезами на глазах»: «Идите только спокойно, без крика, без знамен, без оружия и просите царя, мы будем стоять до восьми часов вечера, мы будем ждать до 12 часов ночи и если он не выйдет к нам, если он нас не выслушает, то скажем «нет у нас царя!». И пусть лучше пройдут через трупы, так как возвращаться к нашей теперешней жизни — это все равно, что в могилу, наша жизнь такая, как она теперь, не лучше смерти»⁴⁰.

Молодой еще человек, Васильев явно вызывал доверие у собравшихся. На вопрос — готовы ли все идти на смерть, собравшиеся единогласно ответили криком: «Идем на смерть!»⁴¹ Один из свидетелей этой сцены через несколько дней вспоминал: «Я бывал на многих собраниях, но никогда в жизни моей не приходилось наблюдать такого полного энтузиазма, такого полного единодушия, такой полной решимости»⁴². Васильев был действительно готов не призывать людей идти на смерть, а вести их за собой. Перед шествием к царю он написал жене письмо, в котором говорил: «Если я не вернусь и не буду жив, то, Нюша, ты не плачь, как-нибудь первое время проживешь, а потом поступи на фабрику, расти Ванюру и говори, что я погиб мученической смертью, за свободу и счастье народа»⁴³. На следующий день Васильев был убит, оставив жену и двоих детей. Тело его было тайно предано земле полицией⁴⁴.

В короткий промежуток времени под текстом петиции поставили подписи десятки тысяч человек — в основном это были рабочие⁴⁵. Всего, по свидетельству Гапона, общее число подписавшихся и поставивших знаки из-за неграмотности достигло 100 тыс.

³⁸ Миттельман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульянский А. [Г.] Указ. соч. С. 166.

³⁹ И. Д. Памяти И. В. Васильева // Молва. 9 (22) января 1906 г. № 9. С. 2.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 62.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. А. 108.

⁴³ И. Д. Памяти И. В. Васильева // Молва. 9 (22) января 1906 г. № 9. С. 2.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 278.

⁴⁵ Гуревич А. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб., 1906. № 1. С. 207.

чел.⁴⁶ Наверное, это было естественно. Уровень жизни рабочих столицы был ужасающе низким. Даже после расстрела в самом далеком от революции «Новом Времени» признавали: «Так, средняя зарплата рабочих на многих мануфактурах С.-Петербурга достигает лишь 45–55 коп. в день. Позволительно спросить, каким образом могут существовать рабочие на получаемый ими заработка и каковы условия этого существования, при дорогоизнене столичной жизни? Очевидно, в этих условиях имеются налицо все признаки нравственного и физического вырождения их. Размещаясь в сырых и темных подвалах, лишенных света и воздуха, нередко по 4–6 человек в комнате, мужчины, женщины и дети — вместе, рабочие принуждены жить в убийственной обстановке, вовсе не соответствующей условиям человеческого существования»⁴⁷. Терпению людей рано или поздно приходит конец.

Против этих-то условий существования и выступили рабочие в январе 1905 года. Они видели в священнике руководителя организованного санкции правительства общества и верили в успех⁴⁸. «Это человек страшной власти среди птиловских рабочих, — отмечал Горький. — У него под рукой свыше 10 тыс. людей, верующих в него как в святого»⁴⁹. Гапон безгранично верил в себя. 8 (21) января он написал письмо к Министру Внутренних дел, которое, кроме него, подписало еще 11 чел.: «Рабочие и жители г. С.-Петербурга различных сословий желают и должны видеть царя 9 января в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственно свои нужды, нужды всего русского народа. Царю нечего бояться. Я, как представитель собрания русских фабрично-заводских рабочих, мои сотрудники и товарищи рабочие, даже все так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины. Иначе

⁴⁶ Записки Георгия Гапона ... С. 66.

⁴⁷ Арбітр. Заработка плата // Новое Время. 19 января (1 февраля) 1905 г. №10371. С. 3.

⁴⁸ Доклад директора Департамента полиции Лопухина Министру Внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись ... Пгр, 1922. № 1. С. 334.

⁴⁹ Горький М. Е. П. Пешковой. 9 (22) января 1905 г., Петербург // Полное собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906. С. 347.

может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существовала между русским царем и русским народом. Ваш долг, великий нравственный долг пред царем и всем русским народом немедленно, сегодня же, довести до сведения Его Императорского Величества, как все вышесказанное, так и приложенную здесь нашу петицию. Скажите царю, что я, рабочие и многие тысячи русского народа мирно, с верою в него, решили бесповоротно идти к Зимнему дворцу»⁵⁰. Это обращение представляло из себя нечто среднее между прощением и ультиматумом.

В тот же день Гапон отправился на встречу с министром Юстиции, министром Внутренних дел, директором Департамента полиции с целью обсудить детали завтрашнего шествия. Все от каких-либо конкретных обещаний уклонились⁵¹. Вера рабочих в царя, и надежда на его вмешательство достигли в этот момент пика. Их лидер явно утратил представление о том, что происходит⁵². Он видел развитие ситуации просто: он встретится с императором, и затем выйдет к народу на площадь. Если все будет хорошо, он взмахнет белым платком, если царь откажется принять петицию, то красным платком — и начнется бунт⁵³. На всякий случай, если придется ждать императора из Царского Села, было принято решение оставаться на площади перед дворцом — Гапон предупредил рабочих, чтобы те взяли с собой еду⁵⁴. «Если он наш Царь, — говорил рабочим их лидер, — если он любит свой народ — он нас выслушает. Не может быть, чтобы он нас не принял»⁵⁵.

Представителей власти быстрое развитие событий также явно застало врасплох, и они попросту не знали, что делать. В такой ситуации решительный человек проявляет инициативу, а человек, заботящийся более всего о своей карьере — ищет способ уклониться от принятия на себя ответственности. Фуллон встретился с Га-

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 748. Георгий Гапон. Оп. 1. Ед. хр. 11. Петиции рабочих Петербурга Государю и письма священника Г. Гапона к рабочим. 9 янв. 1905 г. Л. 1 об.

⁵¹ Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков. 1928. СС. 172–173.

⁵² Маевский Е. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 1. Международное положение России перед революцией. С. 45.

⁵³ Записки Георгия Гапона ... С. 67; Спиридович А. И. Указ. соч. С. 171.

⁵⁴ Записки Георгия Гапона ... С. 68.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 21. Материалы, относящиеся к событиям 9 января 1905 г. (Письмо священника Гапона Г. к рабочим, петиция петербургских рабочих к царю, записки неустановленных авторов с описанием расстрела рабочих и т. д.). Янв. 1905 г. Л. 3 об.

поном и заявил, что он — человек военный и ничего не понимает в политике, а потому предложил собеседнику поклясться на Евангелии, что тот не замышляет бунт. Гапон поклялся⁵⁶. В градоначальстве представителям рабочих объяснили, что войска будут действовать только против нарушителей порядка, «а в мирную толпу стрелять не будут»⁵⁷. Градоначальник явно ждал, какое решение примет вышестоящее начальство. У императора был выбор — или идти на уступки, встретить делегацию, или провести аресты. Он колебался, но Владимир Александрович и др. родственники убедили, что уступать не надо. В результате Николай покинул столицу, отправившись в Царское Село. В городе распоряжался Вел. Кн. Владимир Александрович⁵⁸. Генерал от инфантерии и генерал-адъютант, он был Главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского Всенародного округа со 2 (14) марта 1881 года. Жалование по столь высокой должности составляло 14 тыс. руб. в год⁵⁹.

Ст. 113 «Устава о пресечении преступлений» ясно гласила, что в случае появления «подложных указов и слухов, ко вреду государственному клоняющихся, правительство предупреждает распространение оных объявлениями через печатные указы и манифесты о лживости разглашений»⁶⁰. Ничего подобного сделано не было, но войска столичного гарнизона уже были на улицах Петербурга. В ночь с 8 на 9 (с 21 на 22) января их начали выводить в большом количестве. «К утру, — вспоминал современник, — город представлял собой такую картину: почти на всех перекрестках главных улиц и на концах окраинных улиц расположились бивуаком войска». Даже на небольших улицах стояло по 100–300 солдат и офицеров⁶¹. «Все спуски на Неву и переходы также были заняты вой-

---

⁵⁶ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж. 1985. С. 25.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 23. Доклад комиссии избранной общим собранием присяжных поверенных по поводу событий 9–11 января. 16 января 1905 г. Л. 3.

⁵⁸ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 26.

⁵⁹ Список генералов по старшинству. Составлен по 1-е января 1905 года. СПб., 1905. С. 8–9.

⁶⁰ Раздел второй. О предупреждении и пресечении преступлений против общественного порядка и учреждений правительства. Глава первая. О нарушении порядка, установленного для обнародования законов, и о распространении вредных слухов и подложных указов. Ст. 113 // Устав о пресечении преступлений. СПб., 1876. Т. XIV. С. 24.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 271.

сками»⁶². Стояли сильные морозы — солдаты разводили костры, грелись, готовили горячую пищу. Подготовка к встрече демонстрации была довольно очевидной, но никто не верил в то, что армия будет стрелять⁶³.

Многие понимали, что готовится что-то страшное. 8 (21) января 1905 г. к императору с настойчивой просьбой об аудиенции обратился Клопов. Он пытался объяснить Николаю II бессмысленность ставки на штыки и необходимость прислушаться к рабочим: «Как только началась стачка рабочих, невольно явился вопрос — что делать в данную минуту? Выход, по-моему мнению, представляется двоякий: или прибегнуть к репрессиям, или отнести к этому явлению спокойно, с добрым чувством, употребив энергично все средства к удовлетворению законных требований рабочих. Справедливость и логика требуют конечно предпочесть второй способ, так как одна строгость может вызвать еще большие беспорядки. Вы знаете, Государь, всюду носится слух, что завтра народ собирается идти с крестным ходом к Зимнему Дворцу для подачи Вам челобитной. Один такой слух невольно вызывает чувство глубокой симпатии к такому народу, который в минуты раздражения проявляет простодушие и мудрость. Вот почему Ваше сердечное отношение к нуждам рабочих и строгий приказ администрации — разобрать безотлагательно все претензии рабочих, при непременном участии выборных от них депутатов, должны произвести самое благотворное действие на волнения рабочих и в то же время успокоительно повлиять на общее настроение общества»⁶⁴. Это был разумный совет, но к нему не прислушались. Был выбран первый выход из положения — репрессии.

Николай II знал о принятых в столице мерах. Они, судя по его записям в дневнике, поначалу монарха не особенно волновали. В день встречи с Клоповым он отметил: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник — социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах»⁶⁵. Гарнизон столицы

⁶² Там же. Л. 272.

⁶³ Герасимов А. В. Указ. соч. С.26.

⁶⁴ Тайный советник императора. СПб., 2002. С. 325.

⁶⁵ Дневники императора Николая II (1894-1918). М., 2013. Т. 2 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 15.

усиливался. Войска по-прежнему оставались резервом для полиции. Её численность в Санкт-Петербурге в 1903 году составляла: 1 полицмейстер; 163 классных чина; 449 околоточных надзирателя; 2925 городовых⁶⁶. В 1904 году была увеличена численность руководства столичной полиции, но сокращены остальные кадры: 3 полицмейстера; 162 классных чина, 411 околоточных надзирателя, 2746 городовых⁶⁷. У полиции имелся резерв. На 1 (14) января 1904 года он составлял 211 городовых, 39 околоточных⁶⁸.

В 1903 году гарнизон Петербурга состоял из: трех гвардейских пехотных дивизий и отдельного гвардейского стрелкового полка (всего 13 полков пехоты); гвардейского Экипажа; гвардейского Саперного батальона: гвардейского полевого жандармского эскадрона; двух гвардейских кавалерийских дивизий (всего 10 полков кавалерии и 1 сотня); одной конно-артиллерийской и двух артиллерийских бригад (всего 7 дивизионов пешей и 2 конной артиллерии)⁶⁹. В Павловске стояла гвардейская запасная пешая батарея⁷⁰, в Царском Селе — гвардейская стрелковая бригада (4 батальона)⁷¹. Гвардейский корпус не затронули мобилизации, его части не отправляли в Манчжурию. Он оставался хорошо укомплектованным офицерским и унтер-офицерским составом. 14 (27) декабря 1904 г. император издал указ, по которому отслужившие свой срок нижние чины должны были оставаться в своих частях, а не поступать в новые запасные. Они могли быть направлены и на доукомплетование других существующих частей с не-полным штатом⁷².

В гвардии к концу 1904 г. числилось 29 778 рядовых 1905 унтер-офицеров, 28 полных генералов, 21 генерал-лейтенант, 39 ге-

---

⁶⁶ Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1903 год. СПб., 1904. С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 23.

⁶⁸ Там же. С. 24.

⁶⁹ Краткое расписание войск. Исправлено по 1 июля 1903 года. СПб., 1903. С. 1–9.

⁷⁰ Там же. С. 9.

⁷¹ Там же. С.4.

⁷² Российский Государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2177. 1-й Гвардейский корпус. Оп. 1. Штаб 1-го Гвардейского корпуса. Ед. хр. 410. Переписка со Штабом войск Гвардии и Петербургского Военного округа и командирами частей корпуса о формировании гвардейских отрядов и направления их для подавления революционных выступлений трудящихся в Петербурге и Петербургской губернии. Январь–апрель 1905 г. Л. 4.

нерал-майоров, 124 полковника, 669 прочих офицеров и 156 чиновников⁷³. Впрочем, в отношении дисциплины картина не была идиллической. В 1904 г. в Гвардейском корпусе имелись случаи грубого нарушения дисциплины: нарушение воинского чинопочтания и подчинения (60), неповиновение начальству (18), неисполнение приказаний начальства (7), уклонение от службы (3), побегов (10), оскорбление часового (2)⁷⁴. Тем не менее, как корпус оставался вполне надежной опорой власти.

На 1904 год в распоряжении градоначальника Петербурга вместе с резервом полиции имелось 2996 городовых и околоточных, или 1 полицейский на 519,106 жителей города. Этого было недостаточно для контроля над городом. Даже в обычное, спокойное время, армия выполняла ряд полицейских функций — выставляла наряды на вокзалах, караулы у правительственные учреждений и т. п. В 1905 году ежедневно для нужд Военного ведомства в караулы заступало 9 495 чел., а для нужд гражданских ведомств — 3 247 чел., причем за год первый наряд увеличился на 950, а второй — на 338 чел.⁷⁵ В экстренных случаях, судя по ведомостям распределения войск в помощь полиции (в основном это была гвардия, но привлекались и части 23-й пехотной дивизии), на улицы Петербурга было выведено 23,5 батальона, 8 эскадронов и 13 сотен (кавалерия была только гвардейской). Только в центральной части города — от набережной Невы до Невского проспекта и Екатерининского канала и от здания Сената до реки Фонтанка действовало 19 батальонов, 4 эскадрона и 9 сотен⁷⁶. Это была серьезная сила.

Представители общественности и деятели культуры, представители городского самоуправления и гапоновской организации сформировали делегацию во главе с А. М. Горьким, 8 (21) января

⁷³ РГВИА. Ф. 2177. 1-й Гвардейский корпус. Оп. 1. Штаб 1-го Гвардейского корпуса. Ед. хр. 390. Ведомости о состоянии и движении личного состава частей корпуса. 29 дек. 1904 г. — 18 нояб. 1905 г. Л. 36. об — 37.

⁷⁴ Там же. Л. 5 об.

⁷⁵ Общий обзор состояния и деятельности всех частей Военного Министерства за 1905 год. Часть Главного Штаба. Караульная служба // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1905 год. СПб., 1907. С. 25–26.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2177. 1-й Гвардейский корпус. Оп. 1. Штаб 1-го Гвардейского корпуса. Ед. хр. 410. Переписка со Штабом войск Гвардии и Петербургского Военного округа и командирами частей корпуса о формировании гвардейских отрядов и направления их для подавления революционных выступлений тружеников в Петербурге и Петербургской губернии. Январь–апрель 1905 г. Лл. 43–43 об.

она отправились к главе МВД просьбой не допустить столкновения войск с манифестантами и вывести солдат с улиц назад в казармы. Святополк-Мирский не принял делегацию, лакей заявил, что министра нет дома. Товарищ министра и командующий Отдельным корпусом жандармов ген. К. Н. Рыдзевский принял делегацию, но встреча ни к чему не привела. По результатам беседы с генералом Горький заметил — «деревянный идол и неуч». Делегация отправилась к Витте, который долго беседовал с ней, но заметил, что сделать ничего не может⁷⁷.

В тот же день, в субботу вечером 8 (21) января 1905 года было проведено совещание министров Внутренних дел, Финансов, Юстиции, товарищей министров Внутренних дел и финансов, директора Департамента полиции, градоначальника и начальника штаба войск гвардии. Генералы Фуллон и Н. Ф. Мешетич отчитались о распределении войск с целью недопущения рабочих в центр города⁷⁸. Об опасности кровопролития никто не думал. «Все совещание носило совершенно спокойный характер, — вспоминал министр финансов. — Среди представителей Министерства внутренних дел и в объяснениях начальника штаба не было ни малейшей тревоги»⁷⁹. По результатам совещания Святополк-Мирский распорядился провести арест Гапона и 19 наиболее активных членов его организации. Фуллон заявил, что не может выполнить этот приказ, так как полиции недостаточно и для поддержания порядка в городе, и для организации арестов, которые неизбежно встретят сопротивление и вызовут беспорядки. Гапона уже охраняло около 200 рабочих⁸⁰. Гапон к вечеру 8 (21) января был уже явно на взводе, он заметно нервничал и курил папиросы одну от другой. Находившийся рядом с ним журналист газеты «Наши дни» вспоминал: «Наружность его была измученная, голос хриплый, потерял его»⁸¹.

После знаменитой «зубатовской» демонстрации в Москве в 1902 году «Московские ведомости», описывая веру рабо-

⁷⁷ Горький М. Е. П. Пешковой. 9 (22) января 1905 г. Петербург // Полное собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954. Т. 28. С. 348.

⁷⁸ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. М., 1992. Кн. 1. С. 61.

⁷⁹ Там же. С. 62.

⁸⁰ Доклад директора Департамента полиции Лопухина Министру Внутренних дел о событиях 9-го января. // Красная летопись... Пг., 1922. № 1. С. 335.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 258 об.

чих в императора, сочли необходимым отметить: «Не усомнитеся и сердце Царское в несокрушимой незыблемости вечного союза Царя с народом»⁸². Эта вера и выводила рабочих на улицы столицы. Каждый из 11 отделов гапоновской организации формировал свою колонну, которая шла в центр города. В 14:00 они все должны были соединиться на Дворцовой площади⁸³. Руководители каждого из отделов разъясняли рабочим, что они должны идти «тихо и мирно» и «не допускать никакого шума и никаких столкновений с полицией»⁸⁴. 9 (22) января 1905 г. началось для участников демонстрации с молебна о здравии императорской четы в часовне Путиловского завода, после чего с портретами Николая II и Александры Федоровны, с хоругвями и иконами люди двинулись в центр города⁸⁵. Шествие поначалу задержалось из-за икон. Их не было, потом рабочие принесли их из часовни. Узнав об этом, Гапон сказал своему помощнику: «Скажи товарищам, что я сейчас выхожу и пойдем к царю»⁸⁶. Попытки части рабочих поднять красные флаги или строить баррикады пресекались — демонстранты не поддерживали этого⁸⁷.

Судя по сведениям, собранным комиссией присяжных поверенных, полиция нигде «не заявляла рабочим о незаконности происходившего движения»⁸⁸. Впереди и по бокам демонстрации шли полицейские, следившие вместе с рабочими за соблюдением порядка⁸⁹. Никакой враждебности те и другие по отношению друг

⁸² Москва 19 февраля. Русское народное чувство // Московские ведомости. 20 февраля (5 марта) 1902 г. №51. С. 2.

⁸³ Маевский Е. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 1. Международное положение России перед революцией. Массовое движение. С. 47.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 23. Доклад комиссии избранной общим собранием присяжных поверенных по поводу событий 9–11 января. 16 января 1905 г. Л. 2.

⁸⁵ Доклад директора Департамента полиции Лопухина Министру Внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись.. Пгр., 1922. № 1. С. 336.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 259.

⁸⁷ Доклад директора Департамента полиции Лопухина Министру Внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись.. Пгр., 1922. № 1. С. 336.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 23. Доклад комиссии избранной общим собранием присяжных поверенных по поводу событий 9–11 января. 16 января 1905 г. Л. 3.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 23. Доклад комиссии избранной общим собранием присяжных поверенных по поводу событий 9–11 января. 16 января

к другу не проявляли⁹⁰. День был солнечным, посмотреть на не-виданное зрелище собирались толпы горожан. Все ждали прихода рабочих. «В редкое для Петербурга ослепительное яркое утро, — вспоминала вышедшая из Публичной библиотеки курсистка, — на улице было людно. По литеиному двигались густые массы прохожих по направлению к Невскому, а на Невском трудно было протолкаться»⁹¹. Несмотря на сильный мороз, люди шли с непокрытыми головами — это была демонстрация преданности⁹². Призывы руководителей Общества не допускать шума и криков строго выполнялись рабочими. Один из свидетелей вспоминал: «Народ до последнего мгновения не допускал и мысли о том, что войска будут стрелять, так как ничего противозаконного не делал, не считая одиночных криков»⁹³.

На Невском царила тишина. «Ни улыбок, ни разговоров. В толпе зрителей многие снимали шапки. А рабочие все шли и шли...»⁹⁴ Толпа шла тихо, верноподданные даже не кричали «Ура!», т. к. говорили, «что пришли сюда “не безобразничать”, а просить у царя права своего и справедливости. Они выражали опасение, чтобы не вызвать таким образом крутых мер со стороны блюстителей порядка»⁹⁵. Между тем, по официальной версии, толпы народа отправились вручать петицию, в текст которой были внесены «дерзкие требования политического свойства», на Высочайшее Имя⁹⁶. На Дворцовой площади, по свидетельству командовавшего там эскадроном Конной гвардии Л. А. Зиновьева, «толпа вела себя спокойно, просто стояла на месте и не двигалась»⁹⁷. Участник шествия через несколько дней показал: «Все шли без оружия. Настроение толпы было не религиозное, но совершенно мирное,

---

⁹⁰ 1905 г. Л. 4.; Записки Георгия Гапона ... С. 72.

⁹¹ Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб., 1906. № 1. С. 211.

⁹² Каховская И. К. Воспоминания террористки. М., 2019. С. 25.

⁹³ Записки Георгия Гапона ... С. 71.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 24.

⁹⁵ Каховская И. К. Воспоминания ... С. 25.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 92 об.

⁹⁷ Доклад директора Департамента полиции Лопухина Министру Внутренних дел о событиях 9-го января. // Красная летопись ... Пгр., 1922. № 1. С. 336.

⁹⁸ Зиновьев Л. А. В огне трех революций. Воспоминания. М., 2017. С. 80.

торжественное. Шли без всяких возгласов и разговоров, совершенно тихо, ожидая повидимому найти удовлетворение»⁹⁸.

Тем не менее, здесь людей стали разгонять конногвардейцы и кавалергарды, а стоявшие рядом с ними преображенцы открыли огонь⁹⁹. Гапон вспоминал, что войска обстреляли демонстрантов, а затем последовали атаки кавалерии. На рабочих это произвело ужасающее впечатление. Они не ожидали ничего подобного¹⁰⁰. Как и на полицейских, шедших вместе с ними. У Нарвских ворот при первом залпе помощник полицейского пристава закричал солдатам: «Что вы делаете! Как можно стрелять в крестный ход и портрет царя!» Вторым залпом он был убит¹⁰¹. Следует отметить, что всего в 1905 году при подавлении беспорядков погиб 1 классный чинов и 5 нижних чинов (околоточных надзирателей и городовых), основные потери пришлись на категорию «раненые и ушибленные» — 3 классных чина и 35 нижних чинов¹⁰². Единственный убитый в 1905 году офицер полиции, таким образом, погиб в январе от солдатской пули. А в Царском Селе все было спокойно. В 11 утра императорская семья отправилась к литургии, по окончании которой последовал завтрак на 58 персон. В 14:00 Николай и Александра обозревали мебель «назначенную на вновь строящуюся яхту “Александрия”»¹⁰³.

А в Петербурге тем временем уже почти повсюду велась без предупреждения стрельба¹⁰⁴. Рядом с Дворцовой площадью, на Невском, у Александровского сада демонстранты также стояли молча, без криков, не допуская «никаких буйств»¹⁰⁵. И здесь

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 62 об.

⁹⁹ Зиновьев Л. А. В огне трех революций. С. 80.

¹⁰⁰ Записки Георгия Гапона... С. 72–73.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 23. Доклад комиссии избранной общим собранием присяжных поверенных по поводу событий 9–11 января. 16 января 1905 г. Л. 4 об.; Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб., 1906. № 1. С. 220.

¹⁰² Таблица XXI. Список чинов С.-Петербургской столичной полиции пострадавших в 1905 г. при прекращении беспорядков // Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1904 год. СПб., 1905.

¹⁰³ РГИА. Ф. 516. Камер-фурьерские журналы (коллекция). Оп. 2. Ед. хр. 188. Камер-фурьерский журнал за январь 1905 года. Л. 23–24.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 1 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 167.

по ним тоже стреляли и, к удивлению людей, не холостыми. Сразу же появилось много раненых и убитых, в том числе среди зевак, которых на улице и у решетки Александровского сада было немало¹⁰⁶. Картина была ужасная: «Люди корчились в судорогах, кричали от боли, истекали кровью, катались в предсмертных муках»¹⁰⁷. К оставшимся на улицах раненым солдаты не подпускали никого — помочь истекавшим на морозе людям поначалу не оказывалась¹⁰⁸. Полиция и военные выстрелами отгоняли от раненых тех, кто пытался оказать им помочь¹⁰⁹. У Троицкого моста толпа также стояла мирно. Когда солдаты по приказу офицера начали целиться по ним, люди замахали белыми платками. Это не помогло. Был дан приказ открыть огонь. Начали стрелять¹¹⁰. На пересечении набережной Мойки и Невского стоявшие в толпе женщины и дети после первого залпа люди опустились на колени. Это не помогло. Один из прохожих попытался оказать помочь раненой старой женщине. Его застрелили¹¹¹. После стрельбы офицеры провели оружие, тех солдат, у которых стволы остались чистыми, наказывали¹¹².

В городе происходило нечто непонятное. Появились анонимные рукописные воззвания с призывами помнить Кишинев и Гомель, бить студентов и евреев и ничего не бояться: «Царь скажет вам спасибо. Бог и церковь за нас!»¹¹³ В ряде мест на улицах шла настоящая охота на прохожих¹¹⁴. Группа мясных торговцев с Сенного рынка — около 200 человек — сопровождаемая полицейскими, двинулась по улице в самом центре города, буквально раз-

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 3.

¹⁰⁷ Там же. Л. 26.

¹⁰⁸ Записки Георгия Гапона... С. 75.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 21. Материалы, относящиеся к событиям 9 января 1905 г. (Письмо священника Гапона Г. к рабочим, петиция петербургских рабочих к царю, записки неустановленных авторов с описанием расстрела рабочих и т. д.). Янв. 1905 г. Л. 5.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 168.

¹¹¹ Там же. Л. 197.

¹¹² Там же. С. 136.

¹¹³ Там же. Л. 37.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 21. Материалы, относящиеся к событиям 9 января 1905 г. (Письмо священника Гапона Г. к рабочим, петиция петербургских рабочих к царю, записки неустановленных авторов с описанием расстрела рабочих и т. д.). Янв. 1905 г. Л. 5.

рывая на части попадавшихся им на глаза рабочих и студентов¹¹⁵. Поддержавших расстрел в городе оказалось немного. Похоже, что, кроме мясников с Сенного, их и не было. Зато после случившегося резко изменилось настроение рабочих. Вечером многие кричали: «Видно, от царя нам помоши не будет! Мы просим хлеба, а нам дают пули!»¹¹⁶

В 16:00 император начал гулять в саду, он прервал прогулку в 17:15 для того, чтобы принять дежурного флигель-адъютанта. В 20:00 в Царском Селе был обед, в 22:30 Николай принял доклад дворцового коменданта¹¹⁷. Спокойная жизнь в императорской резиденции продолжалась, но в столице уже днем кто-то начал захват типографий, чтобы печатать воззвания, кто-то захватил фабрику по производству клинков — люди начали вооружаться¹¹⁸. Кто-то грабил. На Невском был разгромлен магазин Елисеева, товары разбросаны. Грабеж был остановлен появлением группы из 20 городовых, которые сразу же начали рубить шашками налево и направо. Толпа разбежалась¹¹⁹. Император, которому накануне докладывали о «вызове войск» и «принятых мерах», был удивлен: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»¹²⁰

После расстрела демонстрантов рассеявшиеся рабочие начали нападать там, где могли, на военных и полицейских¹²¹. Всех, кто носил «царскую ливрею», то есть военную форму, при малейшей возможности жестоко избивали и разоружали. Попадало и полицейским, и жандармам, и юнкерам, и генералам¹²². На Невском

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 27 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 93.

¹¹⁷ ГГИА. Ф. 516. Камер-фурьерские журналы (коллекция). Оп. 2. Ед. хр. 188. Камер-фурьерский журнал за январь 1905 года. Л. 24 об.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 115.

¹¹⁹ Там же. Л. 216.

¹²⁰ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2013. Т. 2 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 15.

¹²¹ Доклад директора Департамента полиции Лопухина Министру Внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись... Пгр, 1922. № 1. С. 336.

¹²² ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. Л. 121

остановили сани с двумя юнкерами, с них сорвали погоны и отняли шашки. Молодых людей чуть не забили до смерти, но одному удалось сбежать, а другого спасла женщина, буквально закрыв своим телом¹²³. Армейских повсеместно начали освистывать. Люди кричали, что они не могут справиться с японцами и годятся только на то, чтобы расстреливать безоружных¹²⁴.

Эти настроения легко понять. В результате 9 (22) января власти насчитали 76 убитых и 233 раненых, через сутки — 96 убитых и 333 раненых¹²⁵. К вечеру сотни семей разыскивали своих родных¹²⁶. Слухи называли разные числа погибших — 960, 1 038 и 1 216 чел. Большинство склонялось в пользу правдоподобности последней цифры¹²⁷. Правда, её опубликовала полиция как общее число жертв за 9–11 (22–24) января¹²⁸. В ряде районов Петербурга столкновения с войсками продолжались¹²⁹. Не только 9 (22), но и 10 (23), и 11 (24) января продолжались нападения казачьих, драгунских и пехотных патрулей на людей, вызывавших подозрение. Человека в студенческой форме могли вывести из вагона конки, уложить на мостовую и начать рубить шашками¹³⁰, или гнать по улице, избивая при этом нагайками или наносить удары шашками плашмя¹³¹. Один раз конный патруль остановил конку, офицер приказал: «Сходи, а то зарублю!» Через минуту последовала команда: «Не сходи, а то зарублю!» Один из пассажиров вспоминал: «Ужас был так велик, что все стояли, не зная, что предпринять»¹³². Резко изменилось отношение рабочих к интеллиген-

¹²³ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. Л. 93.

¹²⁴ Там же. Л. 211.

¹²⁵ Действия Правительства // Правительственный вестник. 11 (24) января 1905 г. № 7. С. 1.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 21. Материалы, относящиеся к событиям 9 января 1905 г. (Письмо священника Гапона Г. к рабочим, петербургских рабочих к царю, записки неустановленных авторов с описанием расстрела рабочих и т. д.). Янв. 1905 г. Л. 5.

¹²⁷ Там же. Л. 4 об.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. Л. 73 об.

¹²⁹ Действия Правительства // Правительственный вестник. 11 (24) января 1905 г. № 7. С. 1.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 68, 82.

¹³¹ Там же. Л. 72–74, 78, 223.

¹³² Там же. Л. 76.

ции и политическим партиям — число их сторонников стремительно росло¹³³.

Количество убитых росло — умирали раненые. «Гапон каким-то чудом остался жив, — писал жене вечером этого дня Горький, — лежит у меня и спит. Он теперь говорит, что царя больше нет, нет бога и церкви, в этом смысле он говорил только сейчас публично и — так же пишет... его веру расстреляли»¹³⁴. В полночь этого дня Гапон написал несколько обращений. «Послание к русской армии» было кратким и энергичным: «Солдаты и офицеры, убивающие своих невинных братьев, их жен и детей и всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие; солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы — мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику царю, приказавшему пролить неповинную народную кровь, их солдатскую клятву — разрешаю»¹³⁵. Обращение к рабочим поначалу было немногословным: «Родные товарищи рабочие! Неповинная кровь пролилась. Затаим же чувство мести к зверю царю и его шакалам министрам»¹³⁶. Очень быстро священник перешел к призывам к революции: «Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царские портреты, прострелили царские портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему ему змеиному царскому отродью, министрам и всем грабителям несчастной земли русской»¹³⁷.

«Кровавое воскресенье» отметило начало первой русской революции. Она также была долгожданной и также началась неожиданно. «До 1905 года революция, — вспоминал потом Л. Д. Троцкий, — была для нас либо теоретическим понятием, либо теоретическим воспоминанием о чужих боях, либо надеждой»¹³⁸. Те-

¹³³ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 3.

¹³⁴ Горький М. Е. П. Пешковой. 9 (22) января 1905 г., Петербург // Полное собрание сочинений в тридцати томах. М. 1954. Т. 28. С. 347.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 748. Георгий Гапон. Оп. 1. Ед. хр. 3. Обращения Гапона Г. к царю и армии. Л. 1.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 21. Материалы, относящиеся к событиям 9 января 1905 г. (Письмо священника Гапона Г. к рабочим, петиция петербургских рабочих к царю, записки неустановленных авторов с описанием расстрела рабочих и т. д.). Янв. 1905 г. Л. 1.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 748. Георгий Гапон. Оп. 1. Ед. хр. 11. Петиции рабочих Петербурга Государю и письма священника Г. Гапона к рабочим. 9 янв. 1905 г. Л. 2.

¹³⁸ Троцкий Л. Д. 1905. Через двадцать лет. Доклад на 2-ом Всесоюзном Съезде общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев 26 декабря 1905 года. М.; Л., 1926. С. 4.

перь она стала реальностью. «Бастует все, кроме конок, булочных и электрической станции, которая охраняется войсками, — писал в цитируемом уже письме Горький. — Но вся Петроградская сторона во мраке — перерезаны провода. Настроение — растет, престиж царя здесь убит — вот значение дня»¹³⁹. Струве в редакционной статье ««Освобождения»» заявил: «Народ шел к нему. Народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия. На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем... Против ужасных злодеяний, совершенных по приказу царя на улицах Петербурга, должны восстать все, в ком есть простая человеческая совесть. Не может быть споров о том, что преступление должно быть покарано и что корень его должен быть истреблен. Так дальше жить нельзя. Летопись самодержавных насилий, надругательств и преступлений должна быть заключена. Ни о чем другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя. Возмездием мы освободимся, свободой мы отомстим»¹⁴⁰. Реакция на эти события на международной арене для правительства была ужасной — полная потеря престижа и поддержки в Европе, включая союзницу — Францию¹⁴¹.

Правительство по привычке шло по знакомому пути. Рабочие были обвинены в том, что созданное ими общество «8 января перешло к пропаганде явно революционной», а в их петиции «наравне с пожеланиями об изменении условий труда были изложены дерзкие требования политического свойства». Рабочие не подчинялись требованиям войск и нападали на них, что и стало причиной последующих событий¹⁴². Власть явно не сразу поняла значение случившегося и демонстрировала свою силу. 10 (23) января Фуллон обратился к жителям с предупреждением: «В виду прекращения работ на многих фабриках и заводах столицы, С.-Петербургский Градоначальник считает своим долгом предупредить, что никакие сборища и шествия таковых по улицам не допускают

¹³⁹ Горький М. Е. П. Пешковой. 9 (22) января 1905 г., Петербург // Полное собрание сочинений в тридцати томах. М. 1954. Т. 28. С. 347.

¹⁴⁰ П. С. Палач народа // Освобождение. Париж. Освобождение Париж. 25 января (12 января) 1905 г. № 64. С. 233.

¹⁴¹ Akashi Motojiro. Rakka ryusui. Colonel Akashi's report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary... P. 43–44.

¹⁴² Действия Правительства // Правительственный вестник. 11 (24) января 1905 г. № 7. С. 1.

ся, и что к устраниению всякого массового беспорядка будут применены предписываемые законом решительные меры. Так как применение воинской силы может сопровождаться несчастными случаями, то рабочие и посторонняя публика приглашаются избегать какого бы то ни было участия в многолюдных сборищах на улицах, тем самым ограждая себя от последствий беспорядка»¹⁴³. «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства» повторяли это обращение несколько номеров подряд. До 10 (23) января подобных предупреждений не было. Были закрыты все неправительственные газеты. Новости в столице распространялись только при посредстве слухов и листовок.

В Москве реакцией на расстрел также была забастовка, но вскоре она пошла на спад¹⁴⁴. В январе 1905 года в стране прошло уже 1989 стачек, в которых приняло участие 414 438 чел.¹⁴⁵ Уже 9 января протесты начались в учебных заведениях, и к началу февраля большинство из них было закрыто¹⁴⁶. В Петербурге начали хоронить жертвы расстрела. Поначалу, 12 (25) января это пытались сделать тайно, но эта попытка кончилась неудачей. Собралось около 10 тыс. чел. Правительственные прокламации срывались со стен, при прощании с убитыми раздались речи с призывами к мести¹⁴⁷. Попытка скрыть погребение только разозлила людей. Публичные похороны продолжились. Они собирали тысячи человек, правительство направляло туда солдат и полицию, присутствие которых действовало на собравшихся чрезвычайно негативно. Солдат называли палачами, они явно не чувствовали себя хорошо¹⁴⁸.

11 (24) января была утверждена должность Петербургского генерал-губернатора с огромными полномочиями: ему передава-

¹⁴³ Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 10 января 1905 г. № 7. С. 1.

¹⁴⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 37.

¹⁴⁵ Варзар В. Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год... С. 5.

¹⁴⁶ Череванин Н. Движение интеллигенции (от эпохи «доверия кн. Святополка-Мирского до конца периода общественного подъема) // Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2. Массовое движение. Главнейшие моменты в истории русского марксизма. С. 163.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 139.

¹⁴⁸ Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб., 1906. № 1. С. 227.

лись права министра Внутренних дел, Петербург и Петербургская губерния переходили в подчинение генерал-губернатора, ему подчинялись градоначальник и губернатор, все гражданские управление и учебные учреждения всех ведомств, цензура, железные дороги, казенные фабрики, заводы и мастерские, вводилось положение об усиленной охране, он получал право по собственному усмотрению использовать войска, которые с момента вызова переходили в его подчинение. Причина таких действий была указана в Высочайшем Указе: «События последних дней в С.-Петербурге указали на необходимость прибегнуть к исключительным по обстоятельствам времени мерам, видах охранения государственного порядка и общественной безопасности»¹⁴⁹. На новый административный пост был назначен человек, имевший репутацию решительного военного — Свиты ген.-м. Д. Ф. Трепов¹⁵⁰. Решение об этом было принято уже на следующий день после «Кровавого воскресенья»¹⁵¹. С 1896 по 1905 гг. он был московским обер-полицмейстером, одновременно Трепов был назначен товарищем Министра Внутренних дел и командующим Отдельного корпуса жандармов¹⁵². 13 (26) января генерал-губернатору была подчинена и полиция, состоящая в ведомстве Императорского Двора в Царском Селе, Петергофе, Гатчине и Павловске¹⁵³.

13 (26) января к рабочим обратились «по Высочайшему Его Императорского Величества Повелению» Петербургский генерал-губернатор Трепов и министр финансов В. Н. Коковцов. Они разъяснили рабочим, что те совершили ошибку: «Спокойное течение общественной жизни в С.-Петербурге нарушено за последние дни прекращением работ на фабриках и заводах. Оставив свои занятия к явному для себя и своих хозяев ущербу, рабочие предъявили ряд требований, касающихся взаимных отношений между ними и фабрикантами. Возникшим движением воспользовались неблагонамеренные лица, которые избрали рабочих оруди-

¹⁴⁹ Именной высочайший указ Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. 12 (25) января 1905 г. № 8. С. 1.

¹⁵⁰ Действия Правительства // Правительственный вестник. 14 (27) января 1905 г. № 10. С. 1.

¹⁵¹ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 15.

¹⁵² Список генералов по старшинству. Составлен по 1-е января 1905 года. С. 1165.

¹⁵³ Полное Собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание третье. СПб. 1908. Т. 25. 1904. Отделение первое. № 25655. С. 28.

ем для выполнения своих замыслов и увлекли трудящихся людей обманчивыми, несбыточными обещаниями на ложный путь. Помощниками преступной агитации были многочисленные нарушения порядка в столице и неизбежное в таких случаях вмешательство вооруженной силы. Явления эти глубоко прискорбны. Порождая смуту, злонамеренные лица не остановились перед затруднениями, переживаемыми нашей Родиной в тяжелое военное время. В руках этих их трудящийся люд петербургских фабрик и заводов оказался слепым орудием, не дав себе ясного отчета в том, что именем рабочих заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие». Трепов и Коковцов обещали, что правительство защитит интересы рабочих, сообщали, что уже начато рассмотрение вопросов о страховании и сокращении рабочего дня и т. п.¹⁵⁴

В тот же день «Русский инвалид» сообщил секретную информацию, со ссылкой на анонимный источник из Парижа об англо-японских кознях: «Лондонские корреспонденты сообщают, что беспорядки на морских заводах в Петербурге, Либаве, Севастополе, угольных копях в Вестфалии организованы англо-японскими провокаторами с целью приостановить отправку балтийской и черноморской эскадр. Огромные суммы истрачены на агитацию в России. Объясните русскому народу истину. Всякая симпатия беспорядкам есть преступление, измена. В Париже японцы открыто хвалят устройством беспорядков в России»¹⁵⁵. На следующий день, ссылаясь на того же неизвестного лондонского корреспондента, вновь приславшего свои сообщения из столицы Франции, Военный министр уточнил: «Лондонский корреспондент телеграфирует, что японское правительство раздало 18 миллионов рублей русским революционерам-социалистам, либералам, рабочим для организации беспорядков в России. Имелось в виду уничтожить морские заводы; сделать невозможным отправку балтийской и черноморской эскадр; уморить голодом армию Куропаткина; заставить Правительство заключить мир, необходимый для Японии накануне ее банкротства»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Действия Правительства. Объявление министра финансов В. Коковцова и генерал-губернатора Д. Трепова // Правительственный вестник. 13 (26) января 1905 г. № 9. С. 1.

¹⁵⁵ Главным Штабом получена из Лондона следующая телеграмма // Русский инвалид. 13 января 1905 г. № 9. С. 1.

¹⁵⁶ Военным министром получена из Парижа следующая телеграмма // Русский инвалид. 14 января 1905 г. № 10. С. 2.

Японское правительство действительно поддерживало и финансировало часть революционных партий через К. Циллиакуса. Он фактически превратился в весьма удобного посредника между японской разведкой и российскими оппозиционерами разного толка, которых он вскоре попытался соединить в общем активном протесте¹⁵⁷. Вопросы об источниках таких возможностей ему не задавали. Тем не менее, когда просочилась информация о связях финляндского революционера с японцами, часть эмигрантов сразу же прервали контакты с ним¹⁵⁸. В Англии уже через четыре дня после «Кровавого воскресенья» начались митинги рабочих, протестовавших против расстрелов в Петербурге. Отношение к России в этой стране было в целом традиционно враждебным, хоть и не единодушным, тем более, что совсем недавно закончился скандал, связанный с расстрелом рыбакских траулеров у Доггербанки. Но вот режим правления в России у всех британцев вызывал сильнейшую антипатию¹⁵⁹, после еврейских погромов активно выступали британские сионисты¹⁶⁰.

14 (27) января к пастве с увещеваниями и призывами к повиновению властям обратился Синод русской православной церкви¹⁶¹. Требуемого эффекта все эти заявления и разоблачения не дали. Когда священники зачитывали это обращение в церквях или на похоронах, рабочие прерывали их криками «Ложь!», «Мы не прощажные!» и т. п.¹⁶² С восторгом призыв Церкви приветствовал редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» князь Э. Э. Ухтомский: «Через неделю после грозных в общественном смысле, кровавых и незабвенных событий над Русью прозвучал глагол Церкви. Обращение высших иерархов ея потекут по градам и весям все

---

¹⁵⁷ Luntinen P. The Imperial Russian army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki. 1997.

Р. 183.

¹⁵⁸ Павлов Д. Б. Русско-японская война. Секретные операции на суше и на море. М.-СПб., 2016. С. 198–200.

¹⁵⁹ Сондерс Д. Русская революция 1905 года на берегах Тайна // Русский сборник: Исследования по истории России. Ред.-сост.: О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Менninger, Пол Чейсти. М., Модест Колеров. 2006. Т. 3. С. 108–110.

¹⁶⁰ Там же. С. 115.

¹⁶¹ Действия Правительства // Правительственный вестник. 16 (29) января 1905 г. №12. С. 1.

¹⁶² ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 140.

еще полусонной, все еще смутно сознательной страны, вызывая самые разноречивые толки о наступающих временах антихриста, будя русское чувство в груди серого, невежественного, но упорно и мужественно твердого в своих заветных верованиях народа. Пучина его моря пока дремлет: горе тем, которые думают ее потревожить до дна! Первым же поднявшимся валом снесет тот тонкий слой культуры русской, которая созревала ценой неимоверных усилий горсти стойких, мыслящих людей... От возможного хаоса мы обязаны, мы призваны обороняться». Надежда возлагалась на Церковь¹⁶³.

В Петербурге призыв её отцов распечатали особой брошюкой. Обращение Синода предваряло пастырское слово «Русским рабочим от издателя “Кафедры Исаакиевского собора”», в котором ответственность за кровавые события возлагалась на расстрелянных: «О горе великое! О, наша неутешная страдалица — Родина Мать! Опозорили, осрамили твою голову не лютые внешние врачи, — на весь свет опозорили, осрамили тебя твои собственные дети!»¹⁶⁴ Правда, рабочие все же были виновны неумышленно: «Они только обмануты, сбиты с толку злыми смутьянами, прячущими свои волчьи зубы под лицемерной личиной друзей — благожелателей рабочего люда»¹⁶⁵. Предлагался и выход из сложившейся ситуации: «Вера и единение под крепкою, твердою, отеческою властью Царя»¹⁶⁶. Правые так и смогли понять, что 9 января была расстреляна имена вера в такое единение. Попытка распространить брошюру успеха не имела. Она вызывала смех и отвращение¹⁶⁷.

Трепов ввел в столице военное положение, потребовал возобновить работу, рекомендовал предпринимателям пойти на частичные уступки. С 13 (26) января стачка пошла на спад¹⁶⁸. Через два дня был восстановлен выпуск газет. «После страшной недели, — отмечали 15 (28) января «Санкт-Петербургские ведомо-

¹⁶³ Понедельник, 17 января // Санкт-Петербургские ведомости. 17 (30) января 1905 г. № 9. С. 1.

¹⁶⁴ 1905 г. Русским рабочим от издателя «Кафедры Исаакиевского собора». СПб., 1905. С. 5.

¹⁶⁵ Там же С. 6.

¹⁶⁶ Там же С. 7.

¹⁶⁷ Гуревич А. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб., 1906. № 1. С. 228.

¹⁶⁸ Миттельман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульянский А. [Г.] Указ. соч. С. 176.

сти», — всех намучившей и доведшей до отчаяния, с надеждой на будущее, русская столичная печать приступает к трудовой работе»¹⁶⁹. Либеральная «Наша жизнь» была более решительна: «Молчание нередко является лучшим ответом на иные события, но бывают случаи, когда хотя бы слабое слово, но все же искреннее, должно быть сказано»¹⁷⁰. Газета свидетельствовала — до расстрелов люди не нарушали порядка, а жертв было гораздо больше, чем это указывали официальные источники. Расстрел привел к новым политическим реалиям в стране: «Страшные дни 9, 10 и 11 января, когда на улицах столицы пролилась кровь наших братьев не от руки внешних врагов, несомненно дни исторические, к голосу самых различных слоев общества, громко раздававшемуся из многих, многих городов русских, присоединился мощный голос народа»¹⁷¹.

14 января в Варшаве начались забастовки, которые переросли в демонстрации протеста, завершившиеся столкновениями с войсками. 14–16 января по официальным данным было убито 64 и ранено 69 человек, 29 из которых умерло. 17 января в городе было введено осадное положение. Волнения перекинулись в другие города Польши, демонстрации и забастовки протеста прошли в Риге, Ревеле, Либаве, Митаве и др. городах Прибалтики¹⁷². Выступления охватили и крупные городские центры России — Ростов-на-Дону, Харьков, Бахмут, Одесса и т. п. В Донбассе они шли с «небычном упорством»¹⁷³.

17 (30) января возобновил работу Путиловский завод¹⁷⁴. 10 (23) января в отставку подал Святополк-Мирский. Через восемь дней она была принята, князь был уволен согласно прошению, «по расстроенному здоровью»¹⁷⁵. Эта отставка убедила либералов — более верхи не намерены считаться с ними и прислушиваться к ним. «Государь и его правительство, — вспоминал

¹⁶⁹ Суббота, 15 января // Санкт-Петербургские ведомости. 15 (28) января 1905 г. № 7. С. 2.

¹⁷⁰ Санкт-Петербург, 16 января // Наша жизнь. 16 (29) января 1905 г. № 61. С. 1.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Маевский Е. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. А. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 1. Международное положение России перед революцией. С. 51.

¹⁷³ Там же. С. 53–54.

¹⁷⁴ Миттельман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульянский А. [Г.] Указ. соч. С. 176.

¹⁷⁵ Именные Высочайшие Указ, данные Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. 21 января (3 февраля) 1905 г. № 16. С. 1.

Шипов, — как будто не осознавали, что политика государственной власти играет в руку самых оппозиционных элементов, с убедительностью подтверждая мнение последних, что никакое доброжелательное соглашение с властью не может иметь место и что осуществление справедливых общественных требований возможно лишь путем политической борьбы и ниспровержения государственного строя»¹⁷⁶. На следующий день А. С. Суворин задал в своей газете вопрос: «Революция кончилась или нет? И была ли это революция?» В любом случае, издатель считал: «... необходимо управлять хорошо и искать новых путей, для хорошего управления. Пути эти не столько в людях, сколько в самой системе»¹⁷⁷.

Менять систему все еще никто не собирался. «Санкт-Петербургские ведомости» наконец-то задались вопросом — кто такой Гапон. Ответ вполне соответствовал распространяемым официальным версиям — это провокатор, сектант и растлитель¹⁷⁸. Вопрос о том, каким образом он добился таких результатов, кем был рукоположен и поставлен на приход, подвисал в воздухе, хотя, как признавалась та же газета: «Роль Гапона не для кого уже не была тайной давно»¹⁷⁹. Пока светские и церковные власти стремились уйти от вопроса «Кто виноват?», Трепов попытался заняться чем-то более серьезным. Он был сторонником того, чтобы император лично вмешался в рабочий вопрос и продемонстрировал рабочим, что он защищает их интересы. Начался отбор кандидатов в члены рабочей делегации. Сами рабочие никакого интереса к выборам своих «представителей» не проявили, и те были назначены фабричной инспекцией под контролем полиции¹⁸⁰.

19 января (1 февраля) Николай II принял в Царском Селе делегацию рабочих и «осчастливили» ее «милостивыми словами»¹⁸¹.

¹⁷⁶ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 291.

¹⁷⁷ Суворин А. Маленькие письма // Новое Время. 19 января (1 февраля) 1905 г. №10371. С. 3.

¹⁷⁸ Наша печать // Санкт-Петербургские ведомости. 18 (31) января 1905 г. №10. С. 1.

¹⁷⁹ Печальное недоразумение // Санкт-Петербургские ведомости. 20 января (2 февраля) января 1905 г. №12. С. 1.

¹⁸⁰ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. М., 1992. Кн. 1. СС. 64–65.

¹⁸¹ Его Величество Государь Император в среду, 19 января, осчастливили депутатию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском Дворце в Царском Селе // Правительственный вестник. 20 января (2 февраля) 1905 г. №15. С. 1.

В 15:00 представители народа «были введены» в зал Александровского дворца. Встреча с монархом происходила в присутствии Петербургского градоначальника, министра финансов В. Н. Кокровцова, дворцового коменданта ген.-ад. ген.-л. П. П. Гессе, начальника Канцелярии Министерства Двора ген.-м. А. А. Мосолова и двух дежурных флигель-адъютантов. Николай заявил, что вызвал представителей рабочих, чтобы сообщить им свою волю¹⁸².

Сам император упомянул о случившемся следующими словами: «...принял депутацию рабочих от больших фабрик и заводов Петербурга, которым сказал несколько слов по поводу последних беспорядков»¹⁸³. Смысль этих слов сводился к призывам прекратить бунты, выйти на работу, не предъявлять недопустимых требований. Среди прочего было обещано: «В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд. Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их»¹⁸⁴. Встреча была короткой. В 15:20 все закончилось¹⁸⁵.

Представители народа молчали и кланялись. По-другому и быть не могло. Один из них вспоминал, что перед встречей с монархом их обыскивали, а потом с ними пообщался Трепов, который приказал им кланяться в пояс, как и положено истинно русским людям, и молчать. «Самим в разговоры вступать нечего, а то я говорунов вышлю из столицы»¹⁸⁶. С каждым из них пообщался император, который задавал вопросы по стандартной для себя схеме — имя, откуда приехал, чем занимался до поступления на завод, каково семейное положение¹⁸⁷. Членов делегации после такого приема жда-

¹⁸² РГИА. Ф. 516. Камер-фурьерские журналы (коллекция). Оп. 2. Ед. хр. 188. Камер-фурьерский журнал за январь 1905 года. Л. 47.

¹⁸³ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 17.

¹⁸⁴ Его Величество Государь Император в среду, 19 января, осчастливили депутатацию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском Дворце в Царском Селе // Правительственный вестник. 20 января (2 февраля) 1905 г. №15. С. 1.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 516. Камер-фурьерские журналы (коллекция). Оп. 2. Ед. хр. 188. Камер-фурьерский журнал за январь 1905 года. Л. 47.

¹⁸⁶ Хрусталев-Носарь Г. История Совета рабочих депутатов // История Совета рабочих депутатов г. С.-Петербурга. СПб., 1906. С. 47.

¹⁸⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. М., 1992. Кн. 1. С. 66.

ло угощение и распечатанная речь Николая II. После этого их отправили на специальном поезде в Петербург¹⁸⁸. Подцензурная печать, по мнению Коковцова, в основном проигнорировала случившееся¹⁸⁹.

Речь, естественно, напечатали официальные газеты, но и лояльная правительству прессы не молчала. Полностью воспроизвели речь императора и восторгались ей «Санкт-Петербургские ведомости»¹⁹⁰. Ухтомский восторгался: «С чувством глубокого удовлетворения пришлось прочесть вчера те ясные слова, с которыми Государь обратился к депутатации рабочих от разных заводов. Тяжелая завеса, отделявшая Монарха от народа, распалась: нет и не может быть двух мнений о произошедшем и о том, что ожидается впереди».¹⁹¹ Впрочем, Ухтомский не уточнял, что увидели рабочие за завесой, и что ждет страну впереди. Восхищалось и «Новое Время» — газета Суворина: «После пережитых столь тяжких потрясений оно (обращение императора. — А. О.) возбуждает надежду на восстановление того внутреннего мира, который служит лучшим обеспечением и необходимым условием внешнего порядка и плодотворного труда»¹⁹².

Было ясно, что даже столь щедрый поток монарших милостей не мог уже переломить развития кризиса. Реакция органа либералов была вполне революционна: «Речь царя просто нетерпима. Это провокация. Это — бомба, изготовленная самим царем и могущая во всякий момент разорваться и разнести престол»¹⁹³. Реакция на слова императора среди рабочих была самой острой. Успокоения не последовало, все это лишь «подлило масла в огонь всеобщего возмущения»¹⁹⁴. Членов делегации приняли враждебно,

¹⁸⁸ Внутренние известия // Правительственный вестник. 20 января (2 февраля) 1905 г. №15. С. 3.

¹⁸⁹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. М., 1992. Кн. 1. С. 66.

¹⁹⁰ Милостивые слова Государя Императора депутатации рабочих // Санкт-Петербургские ведомости. 20 января (2 февраля) января 1905 г. №12. С. 1.

¹⁹¹ Пятница, 12 января // С.-Петербургские ведомости. 21 января (3 февраля) 1905 г. №13. С. 1.

¹⁹² С.-Петербург, 19 января // Новое Время. 20 января (2 февраля) 1905 г. №10 372. С. 1.

¹⁹³ П. С. Он прощает их // Освобождение. Париж. 9 февраля (27 января) 1905 г. №65. С. 241.

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 22. Показания очевидцев и пострадавших во время событий 9 января 1905 г. 1905 г. Л. 140.

некоторым пришлось оставить свои фабрики¹⁹⁵. В ряде мест дело дошло до побоев. Что до выделенных императором 50 тыс. руб., то рабочие заявили: «Да будет проклят тот, кто к этим деньгам притронется»¹⁹⁶.

В воскресенье 23 января (5 февраля) церковь Путиловского завода посетил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний. Владыка отслушал литургию — церковь была заполнена молящимися — и обратился к рабочим с речью, в которой призывал к успокоению и подчинению властям. Архипастыря внимательно слушали¹⁹⁷. Впрочем, остановить революцию словами было уже невозможно. В Петербурге понимали это, и улицы столицы по-прежнему находились под плотным контролем армии. На 27 января (12 февраля) 1905 года гарнизон выделялся в помощь полиции 15 рот и 8 полурот для 12 частей (Адмиралтейской, Казанской, Спасской, Коломенской, Нарвской, Московской, Александро-Невской, Рождественской, Литейной, Васильевской, Петербургской и Выборской) и еще 1 полуроту и 1 взвод для Охтенского участка. Кроме того, для патрулирования улиц конными нарядами выделялись 4 эскадрона и 2 сотни¹⁹⁸.

4 (17) февраля 1905 г. в Москве был убит Великий Князь Сергей Александрович¹⁹⁹. С 1891 г. он занимал пост Московского генерал-губернатора, а 1 (14) января 1905 г. был смешен по своей просьбе и назначен Главнокомандующим войсками Московского Военного округа²⁰⁰. Покушение произошло в самом центре Кремля — Сергея Александровича буквально разорвало на части. Большая часть свидетелей убийства никак не продемонстрирова-

¹⁹⁵ Хрусталев-Носарь Г. История Совета рабочих депутатов // История Совета рабочих депутатов г. С.-Петербурга. С. 47.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 595. Трепов Д. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 21. Материалы, относящиеся к событиям 9 января 1905 г. (Письмо священника Гапона Г. к рабочим, петиция петербургских рабочих к царю, записки неустановленных авторов с описанием расстрела рабочих и т. д.). Янв. 1905 г. Л. 2.

¹⁹⁷ Речь митрополита Антония к рабочим // Санкт-Петербургские ведомости. 25 января (7 февраля) 1905 г. №17. С. 1.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 652. Великий Князь Романов Владимир Александрович. Оп. 1. Ед. хр. 182. Приказание по войскам гвардии и Петербургского Военного округа о распределении войск по районам Петербурга для оказания помощи полиции. 27 января 1905 г. Л. 1.

¹⁹⁹ Высочайший манифест // Правительственный вестник. 5 (18) февраля 1905 г. №28. С. 1.

²⁰⁰ Высочайшие рескрипты // Правительственный вестник. 1 (14) января 1905 г. № 1. С. 1.

ла сочувствия к убитому и его вдове, которая выбежала из дворца к месту теракта²⁰¹. В далекой Манчжурии о случившемся узнали уже вечером того же дня. «Тяжелое, гнетущее время, — написал 5 (18) февраля находившийся там ген.-м. М. В. Алексеев. — Враги наши работают как кроты, подтачивающие прочность нашего здания, а искусного садовника, уничтожающего ходы кротов, не находится»²⁰².

Семья генерала проживала в самом центре северной столицы, в здании Главного штаба²⁰³. 12 (25) февраля он получил от жены описание того, что творилось в столице месяцем раньше. Алексеев, судя по всему, был шоке от письма: «Оно полно безысходной скорби и такую же скорбь навеяло оно на меня. В течение всех этих дней перед моими глазами стоит картина, тобою описанная»²⁰⁴. Генерал верил и в то, что стачки финансируются врагами России, и в то, что её спасет лишь крепкая рука²⁰⁵. Страна погружалась в хаос. С февраля наметилось падение стачечной активности — в этот месяц было зафиксировано 1 034 стачки, в которых приняло участие 291 210 чел., в марте — 225 стачек и 72 472 чел.²⁰⁶ Впрочем, успокоение было только кажущимся.

Правительство по-прежнему надеялось на победу над внешним врагом, которая позволит добиться перелома и в борьбе с внутренним неприятелем. 10 (23) февраля Великого Князя отпевали в Чудовом монастыре Московского Кремля²⁰⁷. В тот же день Кронштадт провожал на Дальний Восток эскадру контр-адмирала Н. И. Небогатова. Это была последняя надежда, устаревшие корабли. При прощании звучали слова, значение которых вско-

²⁰¹ Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 119–120.

²⁰² Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 855. Алексеев М. В. Карт. 2. Ед. хр. 32. Письма к Алексеевой (урожд. Пироцкой). Янв. 10 — марта 7 1905 г. Л. 31.

²⁰³ Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга, Кронштадта, Царского Села, Павловска, Гатчины, Петергофа // Весь Петербург. Адресная и справочная книга. СПб., 1904. С. 15.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 855. Алексеев М. В. Карт. 2. Ед. хр. 32. Письма к Алексеевой (урожд. Пироцкой). 10 января — 7 марта 1905 г. Л. 38.

²⁰⁵ Там же. Л. 38 об.

²⁰⁶ Варзар В. Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год... С. 5.

²⁰⁷ Высочайше утвержденный Церемониал нахождения и отпевания смертных останков Его Императорского Высочества в Бозе почившего Великого Князя Сергия Александровича // Правительственный вестник. 10 (23) февраля 1905 г. №32. С. 1.

ре приобретет другой, зловещий смысл: «Порт сроднился с ними и никогда никому в голову не приходило, что ему придётся прощаться, быть может, навсегда, со своими защитниками. Говорят, что броненосцы береговой обороны останутся навсегда на Востоке»²⁰⁸. Корабли провожали бурными аплодисментами и цветами. Команды на кораблях были сборными, людей собирали буквально со всех концов, о слаженности действий экипажа не приходилось и думать, матросы находились под явным влиянием того, что произошло в столице²⁰⁹. 18 февраля (3 марта) 1905 года был подписан Манифест «О призывае властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуты внутренней»²¹⁰. Он был опубликован в тот же день.

Сообщая об убийстве Сергея Александровича, император призывал подданных сплотиться вокруг трона²¹¹. Роли поменялись. Теперь уже монарх призывал общественность к диалогу, предлагая ей проект законосовещательной, так называемой «Булыгинской» Думы. Рескрипт министру внутренних дел А. Г. Булыгину был подписан императором в один день с Манифестом, 18 февраля (3 марта) 1905 года, но опубликован на следующий день²¹². «Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспяние», — записал в этот день в дневнике император²¹³. В войсках на Дальнем Востоке о нем узнали на финальном этапе сражения под Мукденом. «Вестник Маньчжурских армий» опубликовал его 21 февраля (6 марта): «Преемственно продолжая царственное дело венценосных предков Моих — собирание и устроение земли Русской, Я вознамерился отныне с Божьей помощью привлекать достойнейших, доверием на-

²⁰⁸ Проводы отряда 3-й Тихоокеанской эскадры // Правительственный вестник. 10 (23) февраля 1905 г. №32. С. 3.

²⁰⁹ Дитлов И. А. В походе и бою на броненосце «Адмирал Ушаков» // Русская старина. 1909. Том 137. Вып. 1. С. 107.

²¹⁰ ПСЗ РИ. Собрание третье. СПб., 1908. Т. 25. 1905. Отделение первое. №25852. СС. 132–133.

²¹¹ О призывае властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуты внутренней // Правительственный вестник. 18 февраля (3 марта) 1905 г. №39. С. 1.

²¹² Рескрипт министру внутренних дел // Правительственный вестник. 19 февраля (4 марта) 1905 г. №40. С. 1.

²¹³ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2013. Т.2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 21.

рода облеченных и избранных от населения, — людей к участию в предварительной разработке и к обсуждению законодательных предположений»²¹⁴.

Клопов был в восторге. 25 февраля (10) марта он обратился к императору, назвав реескрипт началом новой эры в истории России²¹⁵. Он ошибался. Призывы к единению в стране, как известно, не подействовали. Либералы не верили в них²¹⁶. Вынужденный характер манифеста и реескрипта был очевиден, и потому в действенность их не верили²¹⁷. Правительство теряло контроль над страной. Уже 1 (14) апреля Клопов сообщал Николаю II: «Все чувствуют, что мы накануне страшных событий, что к нам приближается пугачевщина»²¹⁸. 23–24 апреля 1905 года в Москве, несмотря на запрет, был созван новый съезд земцев — после того, что произошло, власть не решилась перейти от слов к действиям²¹⁹. «Никто не верил в Булыгинскую конституцию, — вспоминал Петрункевич, — и задача апрельского съезда заключалась в том, чтобы добиться ясности в намерениях правительства и самого государя»²²⁰. Съезд обсуждал вопрос о желательных формах государственной организации будущей России. Предполагалось создание двухпалатного парламента с равными правами палат (народных представителей и представителей органов местного самоуправления) на основе всеобщих, прямых и равных выборов²²¹.

Участники съезда особо отметили необходимость проведения широкой аграрной реформы, «удовлетворение которой возможно только под условием коренного преобразования государственного устройства России и должно составлять одну из главных задач народного представительства»²²². Съезд принял адрес

²¹⁴ Высочайший реескрипт, данный на имя министра внутренних дел // Вестник Маньчжурских армий. Издание Штаба Главнокомандующего. Мукден. 21 февр. 1905. №198. С. 1.

²¹⁵ Тайный советник императора. С. 341.

²¹⁶ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 291.

²¹⁷ П. С. Реескрипт и манифест // Освобождение. Париж, 18 марта (5 марта) 1905 г. №67. С. 280.

²¹⁸ Тайный советник императора. С. 344.

²¹⁹ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Берлин. 1934. Т. 21. С. 374.

²²⁰ Там же. С. 375.

²²¹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 310–311.

²²² Белоконский И. П. Земское движение. С. 274.

на Высочайшее Имя, который начинался словами: «Ваше Императорское Величество! В минуту величайшего народного бедствия и великой опасности для России и самого престола Вашего, мы решаем обратиться к Вам, отложив всякую рознь и все различия, нас разделяющие, движимые одной пламенной любовью к Отечеству».²²³ Земцы призывали к смене «ненавистного и пагубного приказного строя», несостоительность которого стала очевидной для всех, учредить народное представительство и провести реформы²²⁴. «Так с Николаем II еще никто не говорил», — вспоминала А. В. Тыркова-Вильямс²²⁵.

Съезд сформировал делегацию из 14 человек²²⁶. 6 (19) июня она была принята императором в Фермерском дворце Петергофе. Речь от делегации произнес профессор Московского университета С. Н. Трубецкой. Он призвал к немедленному введению народного представительства, которое должно было поставить под контроль всемогущую бюрократию. В том же смысле выступил и гласный Петербургской городской думы М. П. Федоров, который обратил внимание на тот очевидный факт, что, вне зависимости от того, чем закончится война, потребуется залечить раны, нанесенные ею, для чего необходимо будет значительное увеличение доходной части бюджета. Это потребует объединения всех творческих сил страны²²⁷. Трубецкой одним из первых публично заявил о том, что правительство обвиняют в предательстве, которое и привело к поражению в войне: «Страшное слово «измена» произнесено, и народ ищет изменников решительно во всех — и в генералах, и в советчиках Ваших, и в нас, и во всех «господах» вообще»²²⁸. Император успокоил их весьма недвусмысленным образом: «Отбросьте ваши сомнения. Моя воля — воля царская созвать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государствен-

²²³ Белоконский И. П. Земское движение. С. 287.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М., 2007. С. 194.

²²⁶ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля ... // Архив русской революции. Берлин. 1934. Т. 21. С. 379.; Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 320.

²²⁷ Представление 6-го сего июня Его Величеству Государю Императору земских и городских деятелей // Правительственный вестник. 8 (21) июня 1905 г. №121. С. 1.

²²⁸ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля ... // Архив русской революции. Берлин. 1934. Т. 21. С. 378.

ной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом»²²⁹.

Через полгода после шествия в Петербурге на встречу с императором он вынужден был сделать то, о чем его просили верившие в него жители Петербурга. То, что в январе 1905 года могло стать благодеянием верховной власти, в июне 1905 года выглядело её уступкой, вызванной неуверенностью в силе. Как показали дальнейшие события, остановить революцию таким образом было уже невозможно.

---

²²⁹ Представление 6-го сего июня Его Величеству Государю Императору земских и городских деятелей // Правительственный вестник. 8 (21) июня 1905 г. №121. С. 1.

Александр Дюков¹

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА АРЕСТА И ОСВОБОЖДЕНИЯ В. И. УЛЬЯНОВА В АВСТРИЙСКОЙ ГАЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОПЕРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ, 1912–1914 гг.

Это произошло на следующий день после объявления Австро-Венгрией войны России, недалеко от известного горного курорта Закопане, что в австрийской Галиции. 7 августа 1914 г.² на дачу в деревне Белый Дунаец, снятую на лето российским подданным В. И. Ульяновым, пришел с обыском местный жандарм. Утром следующего дня он сопроводил Ульянова в город Новый Тарг (по-немецки — Ноймаркт), где окружные власти поместили подданного враждебного государства под арест по подозрению в шпионаже. Заключение, впрочем, не было долгим — уже 19 августа, на двенадцатый день заключения, Ульянов был отпущен на свободу и вскоре вместе с женой и тещей отбыл в Швейцарию. Сам Ульянов (впоследствии ставший всемирно известным под псевдонимом Ленин) в письме родным впоследствии характеризовал свой арест следующим образом: «Пленение мое было совсем короткое, 12 дней все-го, и очень скоро я получил особые льготы, вообще «отсидка» была совсем легонькая, условия и обращение хорошие»³.

¹ Институт российской истории РАН.

² Здесь и далее все даты, за исключением особо оговоренных случаев, даются по новому стилю.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1965. Т. 55. С. 355.

У российских революционеров «со времен подполья считалось, что если кого-то арестовали и вскоре отпустили, то это бросает на него серьезные подозрения: раз отпустили, значит во время допросов его завербовали и теперь он полицейский осведомитель»⁴. Само собой разумеется, что быстрое освобождение австрийскими властями русского эмигранта, немедленно после отъезда в Швейцарию шокировавшего всех публичными призывами к поражению собственного Отечества и даже его расчленению, а также похвалами в адрес «украинской» политики Австро-Венгерской империи⁵, — не могло не вызывать небезосновательных подозрений. Показательно, что подозрения эти появились в первую очередь среди русских политических эмигрантов в Европе, оппозиционно настроенных по отношению к царским властям.

Поскольку русская политэмиграция была не слишком многочисленным сообществом, в котором все знали всех, подозрения достаточно быстро стали обрастиать плотью. Уже во второй половине сентября 1914 г. один из лидеров «Бунда» А. Литвак опубликовал в нью-йоркской газете «Forward» заметку, в которой рассказывал о том, как один из проживавших в Австрии русских политэмигрантов был задержан полицией, — и немедленно освобожден и отпущен в Швейцарию после того, как назывался сторонником Ленина⁶. Напечатанная на идиш заметка не сразу оказалась замеченной; лишь месяц спустя ее перепечатала русская эмигрантская газета в Париже⁷. Печатно имя отпущенного австрийской полицией ленинского соратника не называлось, но было известно заинтересованными лицам — то был Н. И. Бухарин⁸. Показательно, что русские политэмигранты не стремились публично выносить сор из избы, надеясь получить от Ленина какие-нибудь публичные объяснения произошедшему. Но объяснений не было — и тогда вопрос был задан публично.

⁴ Эдельман О. В. Сталин, Коба и Соко. Молодой Сталин в исторических источниках. М., 2016. С. 16.

⁵ См. напр.: Der Krieg und die russische Sozialdemokratie. Ein Vortrag Lenins // Arbeiter-Zeitung (Wien). 1914. № 309 (7 Nov.); Материалы к реферату «Война и социал-демократия». Первые дни ноября 1914 г., Цюрих // Ленинский сборник XIV / под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М., 1930. С. 138–143.

⁶ Forward (New-York). 1914. № 5839 (18 sept.). P. 2.

⁷ Голос (Париж). 1914. № 26 (13 окт.). С. 2.

⁸ Козн С. Бухарин и большевистская революция. Политическая биография / пер. с англ. Е. Четвергова, Ю. Четвергова, В. Козловского. Royal Oak, 1980. С. 25.

В опубликованной осенью 1915 г. заметке бывший большевик, член РСДРП Г. А. Алексинский писал: «В парижской газете «Голос» сообщалось в свое время о том, как один ленинец-попреженец, арестованный в Тироле австрийской полицией в начале войны, получил свободу потому, что отрекомендовался полиции сторонником Ленина. Мы долго ждали от ленинской прессы и от самого лица, о котором шла речь, опровержения или разъяснения этой истории. Нам даже публично (на реферате в Лозанне⁹) обещано, что это разъяснение вскоре появится в ленинском «Социал-демократе». Со времени этого обещания прошло уже полгода и так как оно не исполнено, то мы считаем себя обязанным назвать это то лицо, о котором идет речь, дабы заставить его дать объяснение. Лицо это — сотрудник ленинской прессы («Просвещения» и «Коммуниста») Н. Бухарин»¹⁰. Однако и после этого объяснений не последовало.

К осени 1915 г. Алексинскому стали известны также и подозрительные обстоятельства освобождения Ленина австрийскими властями. Впоследствии он рассказывал: «В 1915 г. я встретил у моего знакомого, польского соц[иал]-дем[ократа] Рубинштейна-Малецкого, его товарища — Ганецкого-Фюрстенберга, явление это меня удивило, ибо я никак не мог понять, каким образом Ганецкий мог жить и в Париже, и в Австрии одинаково свободно во время войны. Еще более меня удивил рассказ Ганецкого о том, что он, узнав об аресте Зиновьева и Ленина, отправился туда, где они были арестованы, и, как он выразился, «прервал допрос» Ленина и Зиновьева, производившийся австрийскими властями. Я не преминул осведомиться у Ганецкого, каково же было его официальное положение в Австрии, если он, русский подданный, мог вмешиваться в дела австрийских след-

⁹ Речь идет о публичном выступлении В. И. Ульянова с рефератом «Пролетариат и война» в Народном доме в Лозанне 14 октября 1914 г. (то есть на следующий день после появления в «Голосе» упомянутой заметки).

¹⁰ Следственное дело большевиков. Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов : в 2 кн. / отв. сост. О. К. Иванцова. М., 2012. Кн. 1. С. 147. Стоит отметить фактическую ошибку Алексинского: Г. И. Зиновьев австрийскими властями не арестовывался вообще (Зиновьев Г. Е. Год революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Ленинград, 1925. С. 197); об отсутствии даже угрозы ареста свидетельствует тот факт, что он направил В. И. Ульянова в тюрьму Нового Тарга (Зиновьев Г. Е. Ленин. Ленинград, 1924. С. 174).

ственных властей. Ганецкий был смущен моим вопросом и оставил его без ответа»¹¹.

Поскольку Я. Ганецкий был сотрудником знаменитого А. Парвуса, в годы Первой мировой войны получавшего от германских властей деньги на революцию в России¹², Г. А. Алексинский был совершенно уверен, в том, что освобождение Ленина австрийскими властями было эпизодом сотрудничества лидера РСДРП (6) с властями Центральных держав. Летом 1917 г., уже после падения монархии, Алексинский не только выступал по этому вопросу на страницах прессы, но и давал показания следователю, ведшему дело о попытке большевиков организовать антиправительственное выступление в Петрограде¹³.

На сей раз отмолчаться было невозможно. Отвечая на прозвучавшие обвинения, большевики утверждали, что освобождение Ленина произошло благодаря австрийским социал-демократам, «нажавшим» на представителей австро-венгерских властей¹⁴, а рассказы об участии в освобождении Я. Ганецкого — ложь. «Все что пишется теперь о роли Ганецкого-Фюрстенберга в деле освобождения Ленина и меня, — чистейшая ложь. Ни на одном допросе Ленина галицийскими властями он не присутствовал и потому «прерывать» их не мог», — утверждал Г. Е. Зиновьев в статье «Ответ клеветникам», написанной в знаменитом шалаше в Разливе в июле 1917 г.¹⁵

По всей видимости, именно эта версия и стала бы основной для советской историографии, если бы семь лет спустя, уже после смерти Ленина, упомянутый Я. Ганецкий, к тому времени работавший в Наркомвнешторге, не сумел публично отстоять свой вклад в дело освобождения будущего вождя Октябрьской революции из австрийской тюрьмы.

¹¹ Следственное дело большевиков. Кн. I. С. 115–116.

¹² Zeman Z., Scharlau W. The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924. London, 1965; Катков Г. Февральская революция / пер. с англ. А. Игоревского. М., 2006; Германия и революция в России, 1915–1918. Сборник документов / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 2013. То, что германская военная разведка поддерживала контакты с А. Парвусом, в конце 1945 г. подтвердил бывший глава этой службы В. Николай во время допросов офицерами ГУКР «СМЕРШ» (Гришин Е. М. Тайная сила разведки Германии. М., 2021. С. 165–166; Никандров Н. Шпионские игры на балтийских берегах. Противостояние разведок. М., 2023. С. 52–53).

¹³ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 256–258.

¹⁴ Зиновьев Г. Год революции. С. 197.

¹⁵ Там же. С. 198.

Заручившись мандатом Института Ленина, он отправился в Krakow, к тому времени уже ставший польским, встретился с местными сотрудниками полиции (знакомыми ему с еще с предвоенного времени), получил от них уникальные документы об аресте и освобождении вождя мирового пролетариата и опубликовал их со своими комментариями во втором томе «Ленинского сборника»¹⁶. В этой публикации Ганецкий счел нужным подчеркнуть, что он действительно прервал процесс допроса Ульянова следователем в Новом Тарге, а также что он специально ездил в Krakow, где хлопотал об освобождении во «всевозможных учреждениях и бесчисленных канцеляриях»¹⁷. Таким образом, получалось, что Зиновьев в «Ответе клеветникам» все-таки лгал, а подозрения Алексинского имели под собой фактическую основу.

Публикацией в «Ленинском сборнике» Ганецкий навечно вписал себя в историю рядом с В. И. Ульяновым и, одновременно, создал проблему для советской партийной историографии. Введенные Ганецким в оборот документы австрийской полиции при их внимательном чтении порождали очень много малоприятных вопросов, а изъять их из оборота было уже невозможно. Однако можно было просто не использовать. В последующие десятилетия об аресте Ленин в австрийской Галиции его советские биографы предпочитали писать как можно более кратко, без ссылки на публикацию Ганецкого¹⁸. (В немалой степени этому способствовал тот факт, что Ганецкий был расстрелян в 1937 г. как «польский шпион»; поводом для обвинения послужила его очередная, уже в 1933 г., поездка в Польшу за ленинскими документами¹⁹, — между прочим, согласованная Политбюро²⁰.) Упоминание об аресте

¹⁶ Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам // Ленинский сборник II / Под ред. А. Б. Каменева. 3-е изд. М. ; Л., 1924; Ганецкий Я. В поисках архивов В. И. Ленина (отчет о поездке в Польшу по поручению Института Ленина) // Ленинский сборник. II / под ред. А. Б. Каменева. 3-е изд. М. ; Л., 1924.

¹⁷ Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам. С. 177–179.

¹⁸ Ярославский Е. М. Жизнь и работа В. И. Ленина. Ленинград, 1925. С. 85; Ярославский Е. М. Биография В. И. Ленина. Л., 1942. С. 80–81; Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1942. С. 143.

¹⁹ Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет: В 2-х кн. М., 1994. С. 230–231.

²⁰ Кен О. Н., Руласов А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. М., 2000. Ч. I. С. 376. В ходе этой поездки Я. Ганецкий встречался с ближайшим сподвижником Ю. Пилсудского, бывшим премьер-министром Польши В. Славеком (к слову сказать, до начала войны являвшимся од-

Ленина было, разумеется, вымарано и из переведенных на русский язык воспоминаний последнего главы австро-венгерской военной разведки М. Ронге²¹.

В послесталинское время этот эпизод биографии вождя революции перестал быть табуированным. Об аресте Ленина в австрийской Галиции в первые дни Первой мировой войны можно было прочитать в официальной биографии²²; более того, в 1965 г. режиссер Сергей Юткевич снял об этом художественный фильм «Ленин в Польше», заслуженно получивший в Каннах приз за лучшую режиссуру и до сих пор впечатляющий своей модернистской смелостью: «Выстроить драматургию фильма как сплошной поток сознания — это не понарошку радикально, на такое в 1965 году, кажется, ни один отпетый авангардист не решился»²³.

Советские партийные историки были, однако, не столь смелы в научном отношении, как режиссер Юткевич — в художественном. В годы «застоя» в Советском Союзе в свет регулярно выходили научные монографии и публицистические работы, в которых так или иначе рассказывалось об аресте Ленина в австрийской Галиции²⁴ — но все они базировались на одном и том же (чрезвычайно ограниченном) наборе источников. Основой являлась все та же публикация Я. Ганецкого в «Ленинском сборнике», никогда, впрочем, не цитировавшаяся полностью. Несмотря на то, что опубликованные документы на протяжении

ним из ключевых польских агентов австро-венгерской военной разведки) — и передал ему 578 документов государственных органов Российской Империи о революционной деятельности Пилсудского и его соратников. По всей видимости, эти документы содержали и информацию о взаимодействии Пилсудского со спецслужбами Японии и Австро-Венгрии.

²¹ Ронге М. Разведка и контрразведка / Пер. с нем. М., 1937. Оригинальное издание: Ronge M. Kriegs und Industrie-Spionage. Zwölf Jahre Kundschafsdienst. Wien; Leipzig, 1930.

²² Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924 : в 2 т. 7-е изд. М., 1985. Т. 1. С. 246–247.

²³ Трофименков М. С. История русского кино в 50 фильмах. СПб., 2018. С. 232–233.

²⁴ Макаренко Я. И. С Россией в сердце. В. И. Ленин в Польше в 1912–1914 годах. 2-е изд., доп. М., 1970; Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971; Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. Ленин в Кракове. М., 1972; Зазерский Е. Я., Любарский А. В. Ленин, эмиграция и Россия: Документальное повествование. М., 1975; Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815–1917 / под ред. В. А. Дьякова, А. Я. Манусевича, И. С. Миллера, И. А. Хренова. М., 1976; Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. В краковской эмиграции. Жизнь и деятельность В. И. Ленина в 1912–1914 гг. М., 1988.

всего советского периода хранились в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС²⁵, советские историки могли ссылааться исключительно на публикации Ганецкого, а не на оригинальные источники. Вопрос о том, насколько эти старые публикации были адекватны с научной точки зрения, даже не ставился. Лишь однажды при цитировании некоторых документов из «подборки Ганецкого» советским историкам Ю. В. Бернову и А. Я. Манусевичу удалось сослаться на собственно документы, а вернее — на их фотокопии из архива Института истории партии при ЦК Польской объединенной рабочей партии²⁶. Однако этот казус был исправлен железной цензорской рукой — при переиздании монографии были тщательно вычищены вообще все архивные ссылки²⁷.

Архивофобия советских цензоров была вполне последовательной. Неизвестные материалы о событиях, связанных с арестом Ульянова в августе 1914 г., становились в целом допустимыми для использования в работах советских историков только если они уже были опубликованы — если не в Советском Союзе, то хотя бы в странах народной демократии. Так в советские изданиях появились ссылки на документы из Австрийского государственного архива, обнаруженные историком из Германской демократической республики Е. Винтером²⁸ и некоторые из опубликованных Институтом истории партии при ЦК ПОРП воспоминаний о встречах с Лениным²⁹. Допустимыми и даже обязательными для использования в научных работах, разумеется, были опубликованные в СССР воспоминания Н. К. Крупской³⁰ и С. Багоцкого³¹. А вот воспоминания Я. Ганецкого³² цитировались весьма избирательно; кроме того, при переиздании они редактировались. Некото-

²⁵ Перечень документов, переданных Я. Ганецким в Институт Ленина по результатам поездки в Польшу, см.: Хроника Института В. И. Ленина // Ленинский сборник. III / под ред. А. Б. Каменева. 2-е изд. М. ; Л., 1925. С. 571.

²⁶ Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. Ленин в Кракове. М., 1972.

²⁷ Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. В краковской эмиграции. Жизнь и деятельность В. И. Ленина в 1912–1914 гг. М., 1988.

²⁸ Winter E. Lenin-Erinnerungen in österreichischen Archiven // Zeitschrift für Slawistik. 1957. № 1.

²⁹ Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970.

³⁰ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Части I и II. М., 1933.

³¹ Багоцкий С. О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии. М., 1971.

³² Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., 1933.

рые исследователи цитировали также воспоминания В. Краевского — несмотря на их очевидную сомнительность³³; источниковедческая критика опубликованных воспоминаний о Ленине в СССР, как правило, не проводилась.

Пусть и со сложностями, но советский историк, вознамерившийся написать про арест Ленина в австрийской Галиции, все-таки мог протащить в свою работу цитирование какого-нибудь ранее не использовавшегося в СССР источника. Однако смысловая канва повествования оставалась неизменной, как перспектива всемирной победы коммунизма. Ленина арестовывают, в его защиту выступают люди доброй воли, под их давлением австро-венгерские власти вынуждены освободить задержанного, и он уезжает в Швейцарию, навстречу не столь уж далекому октябрьскому триумфу. Неудивительно, что в рамках подобного подхода единственным доступным для советских историков способом сказать что-то ранее неизвестное было установление все новых и новых лиц, боровшихся за освобождение Ленина. Список ходатаев за Ленина непрерывно рос; в результате одно только их перечисление стало занимать почти страницу убористого текста³⁴. Возможно, их было даже больше, чем людей, несших вместе с Лениным бревно на первом субботнике в Кремле.

Однако и здесь советского историка ждали ограничения. Перечислять фамилии выступивших в поддержку Ленина было можно практически беспрепятственно (вычеркнут из списков оказался лишь основатель Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанов — несмотря на то, что свидетельства об его непосредственном участии в событиях, связанных с арестом и освобождением Ленина, хранились в ИМЛ³⁵), а вот дать хоть сколь-нибудь развернутые данные об их биографии и политических связях — уже нет, даже со ссылками на работы, вышедшие в странах народной демократии. В Польской народной республике было опубликовано несколько монографий, специально посвященных польским контак-

³³ Краевский В. Из воспоминаний о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильине Ленине. М., 1960. Т. 3.

³⁴ Очерки революционных связей народов России и Польши. С. 499.

³⁵ Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996. С. 37. Об обращении Рязанова к австрийским социал-демократам упоминал впоследствии Г. Е. Зиновьев (Зиновьев Г. Е. Год революции. С. 197.)

там Ленина³⁶, но ни одна из них не была переиздана или хотя бы развернуто процитирована в СССР. Причина подобного подхода была вполне очевидна — в противном случае пришлось бы объяснять, почему на защиту Ленина постоянно становились «оппортунисты» и «социальные шовинисты»³⁷.

Польская «лениниана» была, разумеется, гораздо свободней советской. (Чего стоила хотя бы публикация под грифом Института истории партии при ЦК ПОРП воспоминаний неоднократно общавшегося с Лениным и непосредственно причастного к его освобождению в августе 1914 г. комиссара краковской полиции³⁸, оригинал которых был безнадежно для советских историков похоронен в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма в Москве.) Однако цензурные границы существовали и в Польше.

В 1953 г. польский историк Валентина Найдус опубликовала монографию «Ленин в Польше»³⁹, в которой не только впервые обнародовала фотокопии ряда документов из «подборки Ганецкого», но и процитировала еще не опубликованные к тому времени воспоминания Ю. Рыбака, начальника краковского отделения (HK Stelle) австро-венгерской военной разведки. Намеренно, или нет, но соседство этих источников наводило внимательного читателя на весьма неортодоксальные мысли: сначала он узнавал о том, что польские депутаты австрийского рейхсрата Й. Дашиньский и З. Марек были конфидентами начальника полиции Кракова М. Флатау, а затем — читал про то, как все трое упомянутых лиц прилагали усилия для освобождения Ленина из новотаргской тюрьмы. Читатель, знакомый не только с монографией, но и с сопутствующими статьями В. Найдус, узнавал еще больше: оказывается, Дашиньский и Марек были связаны не только с директором краковской полиции, но и с прикомандированным сотрудником местного HK Stelle комиссаром полиции Р. Крупиньским (тем са-

³⁶ *Najdus W. Przez zieloną granicę: Na polskich szlakach leninowskiej "bibuły".* Warszawa, 1964; *Najdus W. Lenin i Krupska w Krakowskim Związku Pomocy dla Więźniów Politycznych.* Kraków, 1965; *Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych w Polsce, 1912–1914.* Warszawa, 1977; *Najdus W. SDKPiL a SDPRR, 1908–1918.* Wrocław, 1980.

³⁷ *Ulam A. The Bolsheviks: the intellectual and political history of the triumph of communism in Russia.* New York, 1998. P. 302.

³⁸ *Krupiński R. Oczyma komisarza policji // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak.* Warszawa, 1970.

³⁹ *Najdus W. Lenin w Polsce.* Warszawa, 1953.

мым, воспоминания которого были впоследствии опубликованы польским Институтом истории партии)⁴⁰. В Польше, разумеется, допускалось больше, чем СССР, однако всему был предел. Может быть, с Найдус провели серьезную воспитательную беседу, а может, включился режим самоцензуры, — но в любом случае в своих последующих изданиях историк ни разу не упоминала М. Флатау, а ключевые документы «подборки Ганецкого» цитировала с допущенными еще Я. Ганецким фактическимиискажениями⁴¹. А вот о взаимодействии Ленина с Польской социалистической партией (ПСС) Ю. Пилсудского В. Найдус удалось опубликовать немало интересного⁴².

Впрочем, ограничения для исследователей существовали и по этой теме. Несмотря на то, что еще в 1967 г. в Польше был опубликован фундаментальный сборник документов о связях австро-венгерских спецслужб с организациями Ю. Пилсудского⁴³, давший большой набор информации о контактировавших с Лениным лицах, его материалы даже не упоминались в польской «лениниане». За исключением В. Найдус, никто из писавших о «польских годах» Ленина местных историков не привлекал в качестве источника опубликованные воспоминания главы краковского НК Stelle Ю. Рыбака⁴⁴. А об аффилиации с военной разведкой контактировавших с Лениным полицейских чиновников стали писать лишь на исходе существования Польской народной республики⁴⁵.

⁴⁰ *Najdus W. Lenin o prawie narodu polskiego do niepodległości // Kwartalnik Historyczny. 1953. № 2. C. 106.*

⁴¹ Так, например, вслед за Я. Ганецким В. Найдус писала, что после освобождения Ленина из новотаргской тюрьмы ему было приказано явиться в Кракове к «полковнику Моравскому» (*Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych ...* S. 363). Как один из немногих исследователей, знакомых с фотокопией оригинального документа, Найдус не могла не знать, что в нем говорится не о полковнике, а о капитане Моравском; а как человек, первым использовавший воспоминания Ю. Рыбака и неоднократно их цитировавший, она не могла не понимать, что речь идет о заместителе начальника краковского НК Stelle. Тем ни менее, Найдус воспроизвела фальсификацию Ганецкого. Ее, конечно, можно понять: даже упоминание о непосредственном общении Ленина с замначальника НК Stelle явно выходило за любые рамки дозволенного.

⁴² *Najdus W. Przez zieloną granicę. S. 89–90, 142–43, 152–153; Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych ...* S. 68–71, etc.

⁴³ *Galicyjska działalność Piłsudskiego, 1906–1914. Dokumenty / Zebr., oprac. S. Arski, J. Chudek. Warszawa, 1967.*

⁴⁴ *Pamiętniki generała Rybaka / Posł. J. Kamcewicz. Warszawa, 1954.*

⁴⁵ *Adamczewski J. Lenin na polskiej ziemi 1912–1914. Kraków, 1987. S. 55–56.*

Одним из немногих западных специалистов, уделившим специальное внимание аресту Ленина в частности, и его пребыванию в австрийской Галиции в целом, стал обосновавшийся после Второй мировой войны в США австриец С. Поссони⁴⁶. Он совершил то, чего по понятным причинам не могли сделать советские и польские историки, — поместил пребывание Ульянова в Галиции в общий контекст австро-венгерской политики против России и пришел к очевидному выводу о том, что Ленин пользовался поддержкой австрийской военной разведки, а также сотрудничавших с ней польских организаций Ю. Пилсудского. Арест Ленина в августе 1914 г. исследователь счел быстро разрешившимся недоразумением. Поссони оперировал практически тем же кругом источников, что и советские историки — опубликованной в 1924 г. «подборкой Ганецкого» и документами Австрийского государственного архива, введенными в научный оборот Е. Винтером; кроме того, он привлек почему-то не использовавшуюся советскими историками переписку депутата рейхсрата В. Адлера, обнародованную еще в 1924 г.⁴⁷

Впоследствии Поссони, занявшийся вопросами актуальной международной политики, не возвращался к данной теме и, по всей видимости, не знал о польских публикациях, подтверждавших его выводы. Удивительным образом его наблюдения о подоплеке нахождения Ленина в австрийской Галиции были проигнорированы западной историографией⁴⁸.

Выходящие в наши дни западные работы о Ленине касаются вопроса о его пребывании в австрийской Галиции чрезвычайно поверхностно, допуская абсурдные ошибки. Э. Каррер д'Анкесс, например, абсолютно безосновательно утверждает, что «для австрийских властей Ленин вовсе не был особо желанным гостем»⁴⁹, Ш. МакМекин утверждает, что августе 1914 г. Ленин был арестован «краковской полицией» и освобожден «специальным приказом военного министра Габсбургов»⁵⁰, а Х. Раппопорт беспрепят-

⁴⁶ Possoni S. Lenin. The Compulsive Revolutionary. London, 1966.

⁴⁷ Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. Briefe aus der Kriegszeit von Viktor Adler, Lenin und anderen // Arbeiter-Zeitung. 1924. № 110 (20 апр.).

⁴⁸ См., напр.: Пайпс Р. Русская революция / пер. с англ. М., 2005. Т. 2; Service R. Lenin. A Biography. Harvard, 2000.

⁴⁹ Каррер д'Анкесс Э. Ленин. 4-е изд. / пер. с франц. А. Н. Скobelкина. М., 2017. С. 160.

⁵⁰ McMeekin S. The Russian Revolution: A New History. New York, 2017. P. 217.

но цитирует заведомо ложные воспоминания советского разведчика Л. Треппера о том, как тот якобы наблюдал конвоирование Ленина в тюрьму Нового Тарга⁵¹.

Не так давно к сюжету о пребывании Ленина в австрийской Галиции специально обратилась германская исследовательница Е. Фляйшхаузер⁵². Однако каких-либо новых источников в ее работе использовано не было, а присущая данному автору безудержная конспирология и чрезвычайно вольное обращение с цитируемыми источниками⁵³ обесценила все сделанные ею здравые наблюдения, — весьма, впрочем, немногочисленные.

Другую крайность демонстрируют австрийские исследователи В. Мориц и Х. Лайдингер, авторы новейшей биографии Ленина⁵⁴. Аккуратно перечислив все доводы общего характера в пользу предположения о сотрудничестве лидера РСДРП с австро-венгерскими властями, австрийские авторы пишут, что доказательств этому нет⁵⁵. При этом парадоксальным образом ими игнорируются абсолютно все опубликованные источники (в том числе вышедшие в СССР), а история ареста и освобождения Ленина в августе 1914 г. вообще не удостоена внимания на страницах биографии⁵⁶.

Еще более впечатляющий подход мы видим в работах отечественного исследователя В. Т. Логинова — бывшего сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в постсоветское время получившего пожизненную должность в Горбачев-фонде. В трехтомнике о вожде революции, переизданном под одной обложкой под названием «В. И. Ленин. Полная биография», он во-

⁵¹ Rappoport H. Conspirator: Lenin in Exile. London, 2009. P. 230–231.

⁵² Фляйшхаузер Е. Русская революция: Ленин и Людендорф (1905–1917) / пер. с нем. А. Ю. Пантиной. М., 2020.

⁵³ Ланик А. В. Fleischhauer, E. I.: Die Russische Revolution — Lenin und Ludendorff (1905–1917) // Recensio Moskau 2018–2019; Бахурин Ю. А. Шпиономания как метод: увлекательный путеводитель по мастерской историка-конспиролога // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3.

⁵⁴ Moritz V., Leidinger H. Lenin. Die Biografie: Eine Neubewertung. Wien, 2023.

⁵⁵ Ibid. S. 271–273.

⁵⁶ Интересно, что в более ранней работе те же авторы упоминали об этом аресте, отмечая, что быстрое освобождение Ленина было случаем неординарным (Moritz V., Leidinger H., Jagschitz G. Im Zentrum der Macht. Die vielen Gesichter des Geheimdienstchefs Maximilian Ronge. Wien, 2007. S. 127). Однако развивать эту мысль в биографии Ленина они почему-то не стали.

обще не упомянул о краковском периоде жизни Ленина⁵⁷ — даже в пределах советского стандарта. Чтобы два года жизни героя были проигнорированы биографом как небывшие — с таким приходится встречаться нечасто. А поскольку работы Логинова отличает нескрываемая политическая ангажированность и апологетика Ленина, трудно отделаться от мысли, что демонстративное нежелание касаться «галицийского» сюжета носило для автора вполне рациональный характер⁵⁸.

Как видим, вековая история изучения ареста Ленина в австрийской Галиции в августе 1914 г. оказалась не особенно продуктивной. Хотя некоторые современные российские исследователи и утверждают, что данный сюжет «давно описан»⁵⁹, подобные заявления — не более чем заблуждение, свидетельствующее об отсутствии владения как историографией, так и источниковой базой по данной тематике.

Настоящая работа является попыткой исправить сложившуюся ситуацию, она основана на источниках из пяти архивохранилищ, находящихся в России, Польше, Австрии и США.

Основой работы являются источники из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В этом архиве отложились собранные сотрудниками Института марксизма-ленинизма ценнейшие материалы — оригиналы делопроизводственных документов краковской полиции, HK Stelle, окружного управления Нового Тарга и военно-прокуратуры из «подборки Ганецкого»⁶⁰, а также ксерокопии документов австрийского Министерства внутренних дел и Управления военного контроля из фондов Ав-

⁵⁷ Логинов В. Т. В. И. Ленин. Полная биография. М., 2018.

⁵⁸ Заподозрить В. Т. Логинова в некомпетентности по данному сюжету невозможно: еще в 1960-х гг. он выступал в качестве научного консультанта фильма «Ленин в Польше» (Габрилович Е. Из опыта сценарной работы надо образом Ленина // Ленин в Польше: Фильм о счастливом человеке. Литературный сценарий. Статьи о фильме. Пресса о фильме. М., 1968. С. 106), а позднее посвятил «краковскому» периоду жизни Ленина немало страниц своей монографии: Логинов В. Т. Ленинская «Правда» (1912–1914 гг.). М., 1972. Интересующие нас проблемы, впрочем, были проигнорированы и в этой книге.

⁵⁹ Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия, 1914–1918. СПб., 2009. С. 140.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 13; Ф. 4. Оп. 3. Д. 38.

стрийского государственного архива⁶¹. Как показали специально предпринятые нами изыскания в Австрийском государственном архиве, оригиналы документов МВД и КÜА⁶² были изъяты из изначальных единиц хранения⁶³ и к настоящему времени их местонахождение неизвестно. Это делает сохранившиеся в РГАСПИ копии особо ценными для исследователей. Также в фондах РГАСПИ отложились оригиналы источников личного происхождения (как опубликованных, так и неопубликованных) по теме настоящей публикации⁶⁴.

В фондах польского Архива современных документов (Archiwum Akt Nowych, AAN) отложились документы о пребывании В. И. Ульянова в Галиции, собранные Институтом истории партии при ЦК ПОРП. В основном они являются фотокопиями отложившейся в РГАСПИ «подборки Ганецкого», однако часть делопроизводственных документов краковского HK Stelle не имеет соответствий в изученных нами делах РГАСПИ и является уникальной⁶⁵. Не менее важными являются и собранные в AAN источники личного происхождения, отсутствующие в РГАСПИ⁶⁶.

В личном фонде последнего начальника австро-венгерской военной разведки Максимилиана Ронге в Австрийском государственном архиве (Österreichisches Staatsarchiv, ÖStA) в деле с подготовительными материалами к книге «Военный и промышленный шпионаж»⁶⁷ нам удалось найти дополнительное свидетельство об аресте Ленина.

Среди документов, хранящихся в архиве венской Ассоциации истории рабочего движения (Verein für Geschichte der ArbeiterInnenbewegung, VGA), нами было обнаружено письмо главы австрийской социал-демократической партии В. Адлера с воспоминаниями об его обращении к министру внутренних дел Австро-Венгрии с ходатайством об освобождении Ленина⁶⁸.

⁶¹ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48.

⁶² Архивные легенды приведены в: Штой В. Е. Документы по истории СССР в Австрийском государственном архиве // Вопросы истории. 1963. № 9.

⁶³ ÖStA. HHStA PA XL Interna. Karton 187–190; KA ZSt KM KÜA. Akten 3. 1081–1860.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70; Оп. 2. Д. 115, 2461, 2508.

⁶⁵ AAN. 2/1232/0/1/78/I/1.

⁶⁶ Ibid. 2/1232/0/2/78/II/1, 10.

⁶⁷ ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil B: 29a-b.

⁶⁸ VGA. Adler Archiv. M128/T1.

Наконец, в Архиве Института Пилсудского в Америке (Archiwum Instytutu Józefa Piłsudskiego w Ameryce, AIJPA) сохранилось уникальное дело с оперативными документами краковского НК Stelle, посвященными взаимодействию австрийской военной разведки с военизированными организациями Ю. Пилсудского⁶⁹.

Поскольку со времен появления сфальсифицированных «документов Сиссона»⁷⁰ любое упоминание о сотрудничестве В. И. Ульянова со спецслужбами Центральных держав неизбежно вызывает восклицание «да все это фальшивки!», — представляется немаловажным отметить, что подавляющее большинство публикуемых документов было собрано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории партии при ЦК ПОРП, то есть организациями, менее всего заинтересованными в дискредитации образа «вождя мировой революции» и приятии на хранение фальшивок. Провенанс (история бытования) каждого из публикуемых документов понятен и не вызывает каких-либо сомнений в их подлинности.

На наш взгляд, вводимые в научный оборот материалы свидетельствуют, что сотрудничество В. И. Ульянова с австро-венгерскими спецслужбами во время его нахождения в австрийской Галиции, безусловно, имело место, — и что благодаря этому сотрудничеству Ульянов был столь быстро освобожден из-под ареста в августе 1914 г. и выехал в Швейцарию.

Современные историки отмечают, что «вопреки позднейшим описаниям почти сельской спокойной жизни, во многом напоминавшей Ленину и Крупской их родину, Краков был важным военным городом, а также одним из главных разведывательных центров австро-венгерской армии. Этот сонный уголок, — так описывалась Галиция в австрийской литературе, — для австро-венгерских разведчиков была прежде всего “горячей точкой” шпионажа»⁷¹. Приведенная характеристика полностью отвечает действительной оперативной обстановке в регионе.

К моменту переезда В. И. Ульянова летом 1912 г. в Краков на территории австрийской Галиции действовала весьма эффективная система австро-венгерских разведывательных и контрраз-

⁶⁹ AIJPA. T: 701/1/108.

⁷⁰ Kennan G. The Sisson Documents // Journal of Modern History. 1956. № 2; Старцев В. И. Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.

⁷¹ Moritz V, Leidinger H. Lenin. Die Biografie. S. 271.

ведывательных органов, деятельность которых была направлена против России (ее детальное описание представлено в монографии польского историка Р. Швентека⁷²). Ключевым элементом этой системы в Кракове являлось подчиненное разведывательному бюро (Эвиденцбюро) Генерального штаба местное отделение военной разведки (HK Stelle), с 1909 г. возглавляемое капитаном Генерального штаба Ю. Рыбаком⁷³ и отвечавшее как за разведывательную, так и контрразведывательную работу в зоне своей ответственности.

Для работы в HK Stelle на постоянной основе прикомандировывались сотрудники государственной полиции, таможенной пограничной стражи, жандармерии, суда и прокуратуры, что позволяло задействовать в интересах военной разведки силы упомянутых служб. Помимо этого, контрразведывательную деятельность в пределах Краковского укрепленного и контроль за действовавшими в Кракове политическими партиями осуществляла местная государственная полиция, возглавляемая М. Флатау⁷⁴. Стоит отметить, что сотрудничество директора полиции Кракова с военной разведкой было настолько плотным, что в 1913 г. начальник Генерального штаба по ходатайству руководства Эвиденцбюро представил Флатау к государственной награде⁷⁵.

В своей оперативной деятельности краковское HK Stelle прежде всего опиралось на сеть нелегальных (в России), полулегаль-

⁷² Świętek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego, 1904–1918*. Kraków, 1998.

⁷³ Формальным начальником HK Stelle по совместительству являлся начальник отдела Генерального штаба (Generalstababteilung) корпуса, которому подчинялись первый и второй офицеры разведки (Gaul J. *Acta c. i k. Komendy I Korpusu i Komendy Wojskowej w Krakowie (1883–1918)* w zbiorach Archiwum Głównego Akademii Dawnich w Warszawie // Krakowski Rocznik Archiwalny XI. Kraków, 2005. S. 122). Фактическим начальником подразделения был первый офицер разведки; начальники отделов Генерального штаба корпусов даже не упоминаются в описании структуры австро-венгерской военной разведки (ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1). В соответствии с устоявшейся историографической практикой мы именуем первого офицера разведки начальником HK Stelle, а второго офицера разведки — заместителем начальника. Начальником отдела Генерального штаба I корпуса в Кракове с 1909 г. был полковник Альфред Кохановский фон Кошинай (*Alfred Kochanowski von Korwinau, 1866–1930*).

⁷⁴ Mataniak M. *Zadania c. k. Dyrekcji Policji w Krakowie i ich realizacja w świetle korespondencji urzędowej Namiestnictwa galicyjskiego z okresu rządów konstytucyjnych w Austrii (1867–1914)* // Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa. 2019. № 1 (12). S. 73.

⁷⁵ ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1. S. 230.

ных и легальных (в Австро-Венгрии) польских антироссийских организаций, контролировавшихся Ю. Пилсудским (в первую очередь речь идет о ППС и «Союзе активной борьбы»)⁷⁶. Взамен на разведывательные и контрразведывательные услуги австрийская военная разведка давала Пилсудскому гарантии безопасности, обеспечивала беспрепятственную контрабанду пропагандистской литературы и оружия в Россию, а также предоставляла возможность легальной подготовки на территории Галиции парамилитарных формирований для подрывной деятельности на территории России во время будущей войны.

Стоит отметить, что благодаря сотрудничеству с организациями Пилсудского краковскому (а также львовскому) НК Stelle удалось организовать эффективный контрразведывательный режим в зоне своей ответственности. Ю. Рыбак впоследствии констатировал: «Благодаря Пилсудскому было поймано, разоблачено и предано суду большое количество русских шпионов»⁷⁷. О проблемах, проистекающих для русской военной разведки из-за «широко развитого в Австро-Венгрии контр-шпионства», говорится и в докладной записке штаба Киевского военного округа по итогам 1912 г.⁷⁸

Опубликованные свидетельства Ю. Рыбака⁷⁹ позволяют разобраться в хитросплетениях оперативной деятельности австро-венгерских спецслужб. Рыбак поименно перечисляет кадровый и прикомандированный состав НК Stelle (в том числе заместителя начальника НК Stelle капитана Л. Моравского и прикомандированного комиссара полиции Р. Крупиньского), ключевых агентов военной разведки в польских националистических организациях (в том числе лидеров ППС Ю. Пилсудского и В. Йодко-Наркевича), а также «салоны» в Вене и Кракове, использовавшиеся в качестве явочных адресов военной разведки. Существенное значе-

⁷⁶ Краткий обзор этого сотрудничества на русском языке дан в работах: *Matwiej G. F. Piłsudski. M., 2008; Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки. 2-е изда., доп. и перераб. М., 2019. С. 12–26.* Исчерпывающее описание представлено в упомянутом выше исследовании Р. Швентека и монографии: *Gaul J. Na tajnym froncie: Działalność wywiadczno-informacyjna obozu niepodległościowego w latach 1914–1918. Warszawa, 2001.*

⁷⁷ Świętek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego.* S. 522.

⁷⁸ Алексеев М. Военная разведка России... Кн. II. С. 188.

⁷⁹ Pamiętniki generała Rybaka / Posł. J. Kamcewicz. Warszawa, 1954. S. 19–23, 72; Stawiecki P. Protokoły przesłuchania generała Rybaka // Dzieje najnowsze. 1992. № 4. S. 94–95.

ние также имеет рассказ Ю. Рыбака о конфидентах директора полиции Кракова М. Флатау из числа лидеров дружественной ППС легальной Польской социал-демократической партии (ППСД) — депутатов австрийского рейхсрата И. Дашиньского и З. Марека. Согласно данным российской разведки, обнародованным в 1910 г. через киевского журналиста А. Савенко⁸⁰, с австрийскими спецслужбами наряду с И. Дашиньским был связан и депутат рейхсрата Г. Диаманд, являвшийся основателем ППСД. Связь Диаманда с австро-венгерской разведкой прямо подтверждается документами Эвиденцбюро: когда в 1915 г. по политическим причинам спецслужба была вынуждена отказаться от поддержки антироссийского «Союза освобождения Украины», для поддержания неформальных контактов с «Союзом» был направлен именно этот депутат рейхсрата⁸¹.

Воспоминания соратников В. И. Ульянова — Н. К. Крупской, Г. Е. Зиновьева и Я. Ганецкого, а также краковских обывателей — С. Вощчинской и А. Марек-Рутковской позволяют увидеть перечисленных выше лидеров ППС и ППСД с другой, довольно неожиданной, стороны — не только как конфидентов австрийской военной разведки и полиции, но и как покровителей Ульянова, неизменно ходатайствовавших за него перед австро-венгерскими властями.

Перед переездом Ульянова в Краков конфидент директора полиции Кракова И. Дашиньский выяснял, сможет ли лидер РСДРП воспользоваться защитой властей Австро-Венгрии в случае запроса на выдачу со стороны России⁸², он также лично встречался с лидером РСДРП сразу после переезда и помогал ему решать некие во-

⁸⁰ Савенко А. Заметки. СМ // Киевлянин. 1910. № 117 (29 апр.). Цитируемая статья была инициирована российской военной разведкой и содержала подобные и отвечавшие действительности сведения о соглашении, достигнутом между ППС Пилсудского и австрийской военной разведкой. По мнению современного польского исследователя, статья основывалась на информации, переданной русской разведке предателем — высокопоставленным сотрудником Эвиденцбюро А. Редлем (*Świętak R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 496–500; см. также: *Ливен Д. Навстречу огню. Империя, войны и конец царской России* / пер. с англ. П. С. Бавина. М., 2017. С. 364–365).

⁸¹ Schubert P. Die Tätigkeit des k. u. k. Militärrattachés in Bern während des Ersten Weltkriegs. Osnabrück, 1980. S. 29–30.

⁸² Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., 1933. С. 8; Hanecki J. Od 1903 roku ... // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 11–12.

просы с полицией⁸³. Впоследствии контакты с краковской полицией в интересах Ульянова на постоянной основе осуществлял еще один конфидент директора полиции Кракова, З. Марек⁸⁴. Конфидент австро-венгерской военной разведки В. Йодко-Наркевич лично встречался с Ульяновым⁸⁵, тогда как контакты лидера РСДРП с главой подчиненной военной разведке польской подпольной сети Ю. Пилсудским были непубличными⁸⁶. При этом, согласно признанию Г. Е. Зиновьева, ППС Пилсудского обеспечивала Ленину и его товарищам «полицейскую безопасность» в Кракове⁸⁷.

Согласно воспоминаниям Н. К. Крупской, в период нахождения в австрийской Галиции одним из наиболее близких к В. И. Ульянову людей стал С. Багоцкий, помогавший «во всех жизненных и конспиративных делах»⁸⁸. Багоцкий занимал должность секретаря Краковского союза помощи политическим заключенным (КСППЗ) — легальной внепартийной организации помощи российским революционерам, чей устав был утвержден Наместничеством Галиции во Львове⁸⁹. Создателями этой организации были уже упоминавшиеся конфиденты директора краковской полиции И. Дашиньский и З. Марек; последний также бессменно занимал должность председателя Союза. Заместителем председателя КСППЗ был Б. Дробнер — владелец химической лабора-

⁸³ Woszczyńska S. W redakcji «Naprzód» // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 189–190.

⁸⁴ Marek-Rutkowska A. W kancelarii krakowskiego adwokata // Polacy o Lenine. Wspomnienia. Warszawa, 1970. S. 201. Адрес конторы З. Марека записан в адресной книге Н. К. Крупской с пометкой «для связи» (Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / подг., предисл. В. Т. Логинова, В. Н. Степанова, З. Н. Тихоновой // Исторический архив. 1959. № 3. С. 37).

⁸⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 191.

⁸⁶ О встречах Ульянова и Пилсудского впоследствии упоминал вдова последнего (Possony S. Lenin. The Compulsive Revolutionary. P. 160). Рассказывая о неоднократных пересечениях Ленина и Пилсудского в одном и том же кафе, Г. Е. Зиновьев пишет: «официального знакомства не было» (Зиновьев Г. Е. Воспоминания // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 193). Стоит заметить, впрочем, что в воспоминаниях Зиновьева нет ничего и о контактах Ленина с Дашиньским и З. Мареком; судя по всему, Ленин не считал необходимым сообщать о них своему товарищу.

⁸⁷ Зиновьев Г. Е. Воспоминания. С. 192–193.

⁸⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 183–184.

⁸⁹ Najdus W. Polska Partia Socjalno-Demokratyczna Galicji i Śląska, 1890–1919. Warszawa, 1983. S. 560–561; Najdus W. Ignacy Daszyński, 1866–1936. Warszawa, 1988. S. 265.

тории в Кракове, изготавливавший бомбы для боевиков Пилсудского и контактировавший с прикомандированным сотрудником краковского НК Stelle комиссаром полиции Р. Крупиньским⁹⁰. Столь значительная концентрация в руководстве КСППЗ конфидентов австро-венгерских спецслужб, не позволяет усомниться, что создание данной организация была «активкой» австрийских властей, направленной на поддержку революционного движения в Россию и проведение антироссийской пропаганды.

Доступная нам информация свидетельствует, что и секретарь КСППЗ С. Багоцкий не был чужим для боевиков Пилсудского и австро-венгерских спецслужб. В октябре 1910 г. он был арестован краковской полицией по делу об убийстве членами подпольного «Союза активной борьбы» своего товарища, подозреваемого в сотрудничестве с российской охранкой⁹¹. Дело было передано в уголовный суд, однако после обращения лидеров ППСД в Наместничество Галиции во Львове и Министерство внутренних дел в Вене Багоцкий был освобожден и на короткое время выехал за границу Австро-Венгерской империи. Это дало возможность суду приостановить уголовное дело⁹². После возвращения Багоцкого в Краков уголовное дело против него не возобновили, и в декабре 1910 г. он стал секретарем КСППЗ. Исследователями установлено, что в прекращении дел арестованных одновременно с Багоцким членов «Союза активной борьбы» активное участие принимало краковское НК Stelle⁹³. Не приходится сомневаться, что и Багоцкий получил поддержку от этой отзывчивой на помощь структуры.

После приезда Ульянова в Галицию Багоцкий «отвечал за изготавление паспортов, пересечение границ, редактирование, транспортировку и распространение в России с использованием членов с двойным дном, а также через сети контрабандистов»⁹⁴. Автор биографии Багоцкого справедливо отмечает, что «эта работа требовала большой осторожности и вкуса к секретности»⁹⁵; не менее важной была и поддержка местной полиции.

⁹⁰ Galicyjska działalność Pilsudskiego ... S. 472–473.

⁹¹ Naprzód. 1910. № 226 (2 paźd.). S. 1.

⁹² Najduś W. Zygmunt Marek: prawnik i polityk, 1872–1931. Warszawa, 1992. S. 70; Galicyjska działalność Pilsudskiego ... S. 545

⁹³ Świętek R. Lodata ściana. Sekrety polityki Józefa Pilsudskiego. S. 520–521.

⁹⁴ Fayet J.-F. VOKS: le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Genève, 2014. P. 60.

⁹⁵ Ibid.

Помощь ППС и связанных с ними организаций Ульянову не ограничивалась обеспечением «полицейской безопасности». Как обоснованно указал американский исследователь С. Пессони⁹⁶, ППС также так или иначе контролировала использовавшиеся В. И. Ульяновым и его товарищами нелегальные маршруты через австрийско-российскую границу. Так, например, Ульянов в своей нелегальной деятельности использовал организованную Н. В. Крыленко в приграничных районах Российской Польши явочную сеть. Эта сеть состояла из преподавателей и учеников частных польских гимназий, в том числе гимназии, возглавляемой членом ППС В. Куницким⁹⁷. Другой нелегальный маршрут через российско-австрийскую границу, записанный Н. К. Крупской и использовавшийся «гостями» Ульянова, контролировался членом ППС и одним из организаторов КСППЗ Я. Мавковским⁹⁸. Установлено как минимум два случая, когда контрабандисты ППС Пилсудского одновременно перевозили через российскую границу как нелегальную литературу ППС, так издания аффилированной с РСДРП «разламовской» фракции СДКПиЛ, — причем как минимум в одном случае переброску литературы через границу контролировал близкий ленинский соратник Я. Ганецкий⁹⁹.

Кроме того, «люди Пилсудского» помогали большевикам организовать пересылку корреспонденции на территорию России¹⁰⁰, а также предоставляли конспиративные адреса для приема корреспонденции в Кракове. Одним из них был обозначенный в ведшейся Н. К. Крупской адресной книги ЦК РСДРП (6) адрес адъюнкта Ягеллонского университета, члена ППС Яна Коваля. Этот адрес использовался для приема корреспонденции с осени 1912 до 1914 г.¹⁰¹, то есть на протяжении всего нахождения Ульянова в Галиции; в ряде случаев Ульянов заходил за присланными ему письмами лично. В той же адресной книге ЦК РСДРП мы нахо-

⁹⁶ Possony S. Lenin. The Compulsive Revolutionary. P. 162.

⁹⁷ *Najdus W.* Lenin wśród przyjaciół i znajomych ... S. 68–71.

⁹⁸ Ibid. S. 311–314; *Najdus W.* SDKPiL a SDPRR, 1908–1918. S. 264; *Najdus W.* Przez zieloną granicę. S. 152–153.

⁹⁹ *Najdus W.* Przez zieloną granicę. S. 142–143; *Fayet J.-F.* VOKS: le laboratoire helvétique. P. 60.

¹⁰⁰ Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. Г. И. Левитан. Минск, 2002. С. 242.

¹⁰¹ *Najdus W.* Przez zieloną granicę. S. 89–90; Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). С. 34.

дим еще более поразительный пример: один из записанных в книге конспиративных адресов («Г-ну Свачина, ул. Дольне Млыны, 9, Kraków») приводит нас в штаб краковского отдела союзной Пилсудскому парамилитарной организации «Польские дружины стрелецкие»¹⁰².

В мае–октябре 1913 и в мае–августе 1914 гг. Ульянов с женой и тещей проживали на даче в деревне Белый Дунаец, недалеко от горного курорта Закопане. Место для летнего отдыха Ульянову присоветовал И. Дашиньский¹⁰³ и оно также было неслучайным. Автор одной из западных биографий Ленина пишет: «В летние месяцы Закопане становилось неофициальной региональной столицей польской интеллектуальной жизни. Не случайно также, что лидер националистов Юзеф Пилсудский... имел дом недалеко от того места, где в Белом Дунайце жил Ленин»¹⁰⁴. В Закопане проживал и старший брат Пилсудского Бронислав, некогда вместе со старшим братом В. И. Ульянова Александром готовивший покушение на императора Александра III¹⁰⁵. Посещали Поронин — как раз тогда, когда там обретался Ульянов — и Дашиньский, и его товарищ по партии Г. Диаманд¹⁰⁶.

Секрет привлекательности Закопане для польских националистов, был, конечно, вовсе не в насыщенности местной интеллектуальной жизни. Окрестности Закопане и подгалянский регион в целом были для ППС базой для подготовки боевиков и проведения тайных мероприятий — так, именно, в Закопане 25–26 августа 1912 г. состоялся созванный по инициативе Пил-

¹⁰² Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). С. 34; Cisek J. Józef Pilsudski w Krakowie. Kraków, 2003. S. 24–25. Польский историк В. Найдус идентифицировала упомянутого в записи «г-на Свачина» как Яна Свачина (Jan Swaczyna), выпускника частной польской гуманитарной гимназии в Люблине, студента Ягеллонского университета и члена действовавшей в Кракове студенческой организации «Spójnia» (Najdus W. Przez zieloną granicę. S. 129–130; Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych... S. 285). После начала Первой мировой войны Я. Свачина служил в австро-венгерской армии рядовым конной артиллерии 1-й бригады польских легионеров под командованием Ю. Пилсудского, во время советско-польской войны работал в инфекционном госпитале, скончался от брюшного тифа (Zembrzuski L. Złota księga Korpusu sanitarnego polskiego, 1797–1918. Warszawa, 1927. S. 143).

¹⁰³ Woszczyńska S. W redakcji "Naprzód". S. 189–190.

¹⁰⁴ Rappoport H. Conspirator: Lenin in Exile. P. 218–219.

¹⁰⁵ Cisek J. Józef Pilsudski w Krakowie. S. 16.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 115. Л. 16.

судского Первый съезд польских ирредентистов¹⁰⁷, а в 1913 г. на территории региона прошла первая летняя школа Стрелкового союза¹⁰⁸. Сеть Пилсудского также осуществляла в интересах австро-венгерской военной разведки контрразведывательную деятельность в Закопане¹⁰⁹, так что более закрытого для работы российских спецслужб места в Галиции было не найти. Вполне закономерным в этой связи выглядит тот факт, что именно в Закопане и соседнем Поронине в 1913–1914 гг. регулярно и беспрепятственно проходили организуемые В. И. Ульяновым заседания и совещания членов ЦК РСДРП (б), планировалось проведение партийной школы и даже — в августе 1914 г. — съезда РСДРП.

Концентрация вокруг В. И. Ульянова связанных с австро-венгерскими спецслужбами членов ППС и ППСД, бескорыстная поддержка, которую они оказывали лидеру РСДРП в его деятельности, производит сильное впечатление. Неудивительно, что в отчете краковского НК Stelle РСДРП обозначалась как союзная ППС организация¹¹⁰.

В. И. Ульянов также поддерживал прямые контакты с краковским НК Stelle. Он неоднократно лично встречался с прикомандированным сотрудником НК Stelle комиссаром полиции Р. Кру-

¹⁰⁷ AIJPA, T: 701/1/108, k. 16–18; *Cisek J. Józef Piłsudski w Krakowie*. S. 36.

¹⁰⁸ Сулея В. Юзеф Пилсудский / Пер. с польск. М. Крисань, Н. Ярцев. М., 2009. С. 110.

¹⁰⁹ Świętek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 648.

¹¹⁰ AIJPA, T: 701/1/108, k. 14. История сотрудничества В. И. Ульянова с ППС еще ждет своего исследователя. На наш взгляд, значимой вехой этого сотрудничества стала публикация в феврале 1906 г. в центральном органе ППС обширной статьи Ульянова, в которой утверждалось, что «русский абсолютизм не мог бы просуществовать и дня, если бы не угнетал «инородцев» и за счет этого угнетения не наладил бы мирного сосуществования с привилегированными классами русского народа» (Hasła polityczne chwili obespej // *Robotnik. Organ Polskiej Partyi Socjalistycznej*. 1906. № 75 (7 lut.). S. 1–3; в советские собрания сочинений Ленина не статья включалась). Впоследствии этой статье публично оппонировала лидер Социал-демократии Королевства Польского и Литвы Р. Люксембург (*Luxemburg R. Kwestja narodowościowa i autonomia: 1. Prawo narodów do stanowienia o sobie* // *Przegląd socjaldemokratyczny. Organ Socjaldemokracji Królestwa Polskiego i Litwy*. 1908. № 6). См. также замечания Р. Люксембург о близости «вождистских» подходов Ленина и руководства «революционной фракции» ППС (то есть Пилсудского): *Rozbicie jedności w S. D. P. R. R. // Czerwony Sztandar*. 1912. № 188 (lip.). S. 2–3; *Schütrumpf J. «Mit den Leninisten können wir nicht weiter zusammensehen ...» oder: Wie Lenin Rosa Luxemburg «biesiegte»*. Berlin, 2022. S. 5–6).

пиньским и посещал его канцелярию в краковской крепости¹¹¹. Небезынтересным представляется тот факт, что Ульянов также посещал то самое кафе Бизанца, которое использовалось краковским НК Stelle в качестве явочного адреса¹¹².

Внедренный русской политической полицией в ЦК РСДРП провокатор Р. В. Малиновский, впоследствии казненный по приговору Верховного трибунала ВЦИК, информировал своих кураторов в российском Департаменте полиции о последствиях этой связи: «Ленин настолько, по словам Малиновского, был аккредитован доверием со стороны австрийского правительства, что его письменные удостоверения с ручательством за то или другое лицо имели гораздо более значения, чем всякие посольские или консульские удостоверения для австрийских властей. Малиновский Ленина прозвал нашим консулом в Австрии. Малиновский мне также говорил, что вся литература пропускалась в нашу границу со стороны Австрии вполне свободно, если провожавшее лицо имело от Ленина пропуск... В Австрии наблюдение за всяким приезжавшим из России... было сильно стеснено и такое лицо было окружено большим фильтральным наблюдением, причем Малиновский говорил, что если в таких случаях наш русский путешественник обращался к Ленину, то наблюдение снижалось»¹¹³.

Сообщения Малиновского подтверждают документы: после обращения Ульянова к прикомандированному сотруднику НК Stelle Р. Крупиньскому было прекращено осуществлявшееся агентом НК Stelle Б. Карчем наблюдение за прибывшими в Краков большевиками В. Г. Шумкиным, М. К. Мурановым и Р. В. Малиновским¹¹⁴. О «ручательстве» Ульянова за приехавшего из России большевика В. Г. Шумкина перед полицией вспоминала также Н. К. Крупская¹¹⁵.

Впоследствии, несмотря на усиленный контрразведывательный режим, действовавший в австрийской Галиции с 9 октября

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об.-3; *Krupiński R. Oczyma komisarza policji // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 244–245.*

¹¹² *Stawecki P. Protokoly przesłuchania generała Rybaka. S. 94–95; Зиновьев Г. Е. Воспоминания. С. 192–193.*

¹¹³ Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 110, 122.

¹¹⁴ ААН, 2/1232/0/1/78/I/1, к. 2–7; РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об. — 3.

¹¹⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 183–184.

1912 по 20 сентября 1913 гг. в связи с угрозой войны с Россией¹¹⁶, ни один из многочисленных нелегалов, приезжавших к Ульянову из России как в это время, так и позднее, не столкнулся с проблемами при пересечении австрийской границы — невзирая на то, что передвижение между российской Польшей и австрийской Галицией было максимально затруднено пограничными службами¹¹⁷. «В полицейском отношении здесь много лучше, чем, напр., в Париже, — писала в феврале 1913 г. Крупская. — Приезжая публика возвращается восвояси благополучно»¹¹⁸. Беспрепятственно осуществлялась и контрабанда в Россию изданий РСДРП — которые, кстати, печатались в Кракове абсолютно легально, в типографии Ю. Фишера¹¹⁹.

С учетом вышеизложенного арест Ульянова 8 августа 1914 г., выглядит безусловным недоразумением, вызванным исключительно всплеском шпиономании после объявления войны России. Начальник жандармского пункта в Поронине Л. Матыщук, совершенно очевидно не веривший в причастность Ульянова к русскому шпионажу¹²⁰, после получения доноса служан-

¹¹⁶ Świętek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 585–586, 588; *Matańiak M. Zadania c. k. Dyrekcji Policji w Krakowie ...* S. 73–74.

¹¹⁷ Nайдюс W. *Przez zieloną granicę*. S. 136.

¹¹⁸ Ермолова Р. А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. С. 297.

¹¹⁹ Как отмечают польские исследователи, «в найденном в 1953 г. краковском архиве Ленина были обнаружены... счеты за печатание листовок у Юзефа Фишера на ул. Гродской, 62. Листовки легально печатались в Кракове, а потом Ленин нелегально отправлял их за кордон, в Россию» (Ленин в Кракове / сост. Я. Адамчевский, Ю. Поща; Предисл. В. Наметковича. Krakow, 1974. С. 216; Adamczewski J. *Lenin na polskiej ziemi ...* S. 10). Адрес типографии Ю. Фишера имеется в записных книжках Н. К. Крупской (Адресные книги ЦК РСДРП (1912–1917 гг.). С. 34).

¹²⁰ О том, что в шпионаж В. И. Ульянова он сам не верил, Л. Матыщук говорил в воспоминаниях, записанных в 1949 г. (*Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak*. Warszawa, 1970. S. 20). Это можно было бы счесть самооправданием постфактум, однако действия жандарма 7 августа 1914 г. говорят сами за себя. Проведя у Ульянова обыск и обнаружив в доме подозрительные бумаги и незарегистрированный браунинг, Матыщук всего лишь велел подозреваемому утром явиться на станцию, чтобы вместе отправиться в Новый Тарг (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 4–4 об.). Ульянов не был посажен под замок в здании жандармского поста, не был ограничен в передвижении (он немедленно выехал на велосипеде в Закопане за помощью) и даже имел возможность беспрепятственно послать с почты в Поронине (располагавшейся в соседнем от жандармского поста здании) телеграмму в дирекцию полиции Кракова. Необходимо отметить, что Ульянов проводил в Поронине уже второе лето и был весьма заметным человеком — еже-

ки решил снять с себя ответственность, провел 7 августа обыск на летней даче Ульяновых и на следующий день отвез подозреваемого в Новый Тарг¹²¹. В свою очередь окружной начальник Нового Тарга В. Гродзицкий, даже в мирное время крайне болезненно реагировавший на проводимые на его территории сомнительные мероприятия агентуры военной разведки¹²², также решил перестраховаться и передал дело Ульянова на рассмотрение судебных органов — не забыв, впрочем, проинформировать об этом все заинтересованные ведомства¹²³ и, тем самым, также сняв с себя ответственность.

Именно как «недоразумение» характеризовал свой предстоявший арест и сам В. И. Ульянов в телеграмме, направленной 7 августа — сразу после проведенного на даче обыска — дирекtorу полиции Krakowa M. Flatau. «Прошу телеграфировать Поронин и окружному начальнику Новый Тарг во избежание недоразумений», — писал лидер РСДРП¹²⁴. Несмотря на то, что Flatau, по его собственным словам, «не был близко знаком» с Ульяновым¹²⁵, он, опровергая домыслы о неповоротливости бюрократического аппарата Австро-Венгерской империи, на следующее же утро направил в Поронин телеграмму: «Против Ульянова не имеется здесь ничего предосудительного в области шпионажа»¹²⁶. Конфидент Flatau депутат З. Марек также прислал телеграмму в защиту Ленина: «Ленин Ульянов мне лично знаком, он безупре-

---

дневно на его имя приходило такое количество писем из разных стран, что под них на почте выделили специальную полку (Radkiwicz M. Ze wspomnień żony byłego naczelnika poczty w Poronine // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 185–186). Глава жандармского поста не мог не обратить внимание на столь деятельного иностранца сразу же после его появления; то, что у Ульянова не возникало никаких проблем Матыщуком вплоть до 7 августа 1914 г., говорит о том, что жандарм получил разъяснения касательно этой личности от неких компетентных лиц, — и что, однако, эти лица не были его непосредственным начальством.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 4-4об.

¹²² В 1913 во время проведения на территории округа руководимой Пилсудским первой летней школы Стрелкового союза, В. Гродзицкий сигнализировал об этом мероприятии в наместничество Галиции во Львове, не зная, что мероприятие согласовано военной разведкой (Сулея В. Юзеф Пилсудский. С. 110).

¹²³ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 3, 4 об, 5 об.

¹²⁴ ААН, 2/1232/0/1/78/I/1, к. 23р.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

¹²⁶ ААН, 2/1232/0/1/78/I/1, к. 25р.

чен и надежен»¹²⁷. Однако обе телеграммы пришли слишком поздно, делу был дан официальный ход.

Окружной суд Нового Тарга уже через несколько дней передал дело Ульянова военной прокуратуре в Новом Сонче¹²⁸, что сделало невозможным его освобождение кем-либо, кроме военных властей. Пытаясь разрешить создавшуюся ситуацию, директор полиции Кракова проинформировал о произошедшем капитана Генерального штаба Ю. Рыбака¹²⁹. Однако реакция военной разведки оказалась далеко не столь оперативной. Дело в том, что после объявления Австро-Венгрией войны России территориальные органы военной разведки вступили в период реорганизации. Капитан Рыбак занял должность начальника разведывательного отдела штаба 1-й австрийской армии. Одновременно с 6 августа 1914 г. он был откомандирован для поддержания связи со военизованными формированиями Пилсудского; этими же вопросами занимался прибывший из Эвиденцбюро подполковник Генерального штаба Й. Новак, прикомандированный к действовавшей на территории российской Польши оперативной группы генерала Куммера¹³⁰. Часть документов о деятельности Рыбака и Новака в первые недели после начала войны доступна исследователям и свидетельствует об их предельной загруженности¹³¹.

Занятость Рыбака и Новака координацией деятельности формирований Пилсудского, необходимость активизации разведывательной и контрразведывательной деятельности в полосе 1-й армии и неизбежная организационная неразбериха замедлили реакцию военной разведки на арест российского революционера в далеком от Кракова Новом Тарге. Согласно воспоминаниям комиссара полиции Р. Крупиньского, отвечавшего в HK Stelle

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 8.

¹²⁸ Это произошло не позднее 11 августа, когда Н. К. Крупская написала о передаче дела в Новый Сонч в письма Б. Адлеру (*Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten*. S. 4; *Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам*. С. 179–180).

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

¹³⁰ Świętek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 699; Nowik G. *Nieznany list (fragment) Józefa Piłsudskiego do ppłk. Jana Nowaka (?) z 29 grudnia 1914 r.* // *Dzieje Najnowsze*. 2022. № 1. S. 244.

¹³¹ AIJPA. T: 701/1/108; *Galicyjska działalność Piłsudskiego ...* S. 618, 625, 628–629, 636–637, 647–650; *Gaul J. Józef Piłsudski. Źródła z lat 1914–1918 w Austriackim Archiwum Państwowym w Wiedniu*. T. 1: *Archiwum wojny*. Warszawa, 2015. S. 285–291.

за контрразведку, об аресте Ульянова он узнал только после передачи дела в Новый Сонч, то есть 10 или 11 августа¹³². По всей видимости, информация об аресте была получена Крупиньским от близкого помощника Ленина Я. Ганецкого, 10 августа прибывшего в Краков с новостью об аресте Ульянова. В своих воспоминаниях Ганецкий писал: «В течении двух дней я бродил по всевозможным учреждениям и бесчисленным канцеляриям... В Кракове все власти заверяли меня, что Владимир Ильич скоро будет освобожден, необходимо лишь выполнить формальности»¹³³. Ганецкий был осведомлен о предыдущих встречах Ленина с Крупиньским¹³⁴ и не мог обойти его вниманием в ходе посещения «бесчисленных канцелярий». Однако Крупиньский не являлся руководителем НК Stelle, будучи хоть и значимым, но лишь прикомандированным сотрудником. Для разрешения проблемы было необходимо вмешательство И. Новака — который в то время был занят другими проблемами, наименее важной из которых были несогласованные политические претензии Пилсудского¹³⁵.

Не удовлетворившись полученными в Кракове заверениями, Ганецкий отправил телеграмму лидеру австрийской социал-демократической партии, депутату рейхсрата В. Адлеру с просьбой помочь Ленину; аналогичная телеграмма и письмо были по совету Ганецкого направлены Адлеру Н. К. Крупской¹³⁶.

Адлер человеком, безупречно лояльным Австро-Венгрии и императору; в августе 1914 г. он выступал за принятие военных кредитов и считал, что Австро-Венгрия ведет оборонительную войну против царской России. Возглавляемая Адлером СДПА находилась в союзнических отношениях с ППС; в ноябре 1912 г. Пилсудский получил приглашение на съезд СДПА в качестве делегата от ЦК ППС и публично озвучил идею сотрудничества польских антироссийских организаций с Австро-Венгрией¹³⁷. Что же касается ППСД И. Дашиньского, то она и вовсе формально явля-

¹³² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об-3; *Krupiński R. Oczyma komisarza policji. S. 245.*

¹³³ Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. С. 27–28.

¹³⁴ Ганецкий Я. В поисках архивов В. И. Ленина. С. 464.

¹³⁵ Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. А. В. Ланника. М., 2017. С. 153–154.

¹³⁶ Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4; Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам. С. 179–180.

¹³⁷ Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 593.

лась частью СДПА. Помимо этого, Адлер имел дружеские связи с Э. фон Гайером, главой службы безопасности императора Франца Иосифа¹³⁸, — и пользовался этим знакомством; так, 3 августа 1914 г. он устроил встречу Гайера и русского эмигранта Л. Троцкого¹³⁹. Словом, Адлер выглядел как человек, имевший реальную возможность ускорить обещанное Ганецкому в Кракове «выполнение формальностей». Однако по какой-то причине Адлер занялся вопросом Ульянова только через несколько дней после получения письма Крупской. Его воспоминания¹⁴⁰ не содержат информации по причинах этого промедления; возможно оно было связано с предшествующими выпадами Ульянова в адрес Адлера.

Видимо, Крупская подозревала, что Адлер может не захотеть помочь ее мужу; поэтому одновременно она послала телеграмму проживавшему в Вене члену РСДРП Д. Б. Рязанову. «В 1914 г., когда Ильич засел в Галиции и ему грозила опасность, мне пришлось после телеграммы Надежды Константиновны принимать участие в его освобождении», — вспоминал впоследствии Рязанов, которому пришлось приложить немало усилий для воздействия на Адлера¹⁴¹. Об обращении Рязанова к австрийским социал-демократам упоминал впоследствии и Г. Е. Зиновьев¹⁴². Впрочем, дальнейший ход событий позволяет предположить, что решающий вклад в убеждение Адлера внес не Рязанов, а лидер ППСД Дашиньский.

---

¹³⁸ Ведомство Э. фон Гайера, разумеется, плотно взаимодействовало с австро-венгерской военной разведкой. В 1913 г. начальник Генерального штаба по ходатайству руководства Эвиденцбюро представил Гайера к государственной награде (ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1. S. 230), а начальник разведывательной группы Эвиденцбюро М. Ронге считал его своим другом (*Ronige M. Kriegs- und Industrie-Spionage*. S. 31).

¹³⁹ Троцкий Л. Сочинения. Т. VIII: Политические силуэты. М., 1926. С. 34–35. О связях В. Адлера с австро-венгерской разведкой заставляет задуматься и относящиеся к январю 1905 г. воспоминания А. Парвуса: «Поток русских эмигрантов уже потек в Россию. Виктор Адлер был занят только русскими делами: он добывал для эмигрантов деньги, паспорта, адреса (...) В его квартире один парикмахер поменял мне прическу, ведь моя внешность была слишком известна [для российской охраны]» (*Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса / пер. с нем. И. Г. Биневой. М., 2005. С. 61*). Для нелегального проезда в Россию Адлер тогда предоставил Парвусу паспорт на имя австрийского подданного К. Ваверка (Там же. С. 70).

¹⁴⁰ VGA. Adler Archiv. M128/T1; Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4.

¹⁴¹ Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. С. 37.

¹⁴² Зиновьев Г. Год революции. С. 197.

Дашиньский в это время находился «за ленточкой» — в захваченном формированием Ю. Пилсудского населенном пункте Мехов на территории Российской Польши. В Краков он вернулся поздним вечером 14 августа¹⁴³, и именно после этого дело Ленин сдвинулось с мертвой точки. Б. Дробнер впоследствии вспоминал: «Ленин был освобожден в первую очередь благодаря помощи Дашиньского, который приехал из Мехова и дал нам приказ бороться за освобождение Ленина»¹⁴⁴. О роли Дашиньского в освобождении Ленина вспоминает и большевик Ф. Н. Самойлов, близко общавшийся с лидером РСДРП сразу после его приезда из Австрии в Швейцарию¹⁴⁵.

И действительно, уже 16 августа Министерство внутренних дел в Вене посетили сразу два депутата рейхсрата — В. Адлер и товарищ Дашиньского по ППСД Г. Диаманд. Согласно записи этой беседы, «оба депутата рейхсрата гарантировали, что Ленин — ярый противник России и будет хорошо служить Австрии, и просяли о его немедленном освобождении из тюрьмы»¹⁴⁶. Позднее за Ульянова ходатайствовал и сам Дашиньский, по всей видимости, телефонировавший из Кракова в Министерство внутренних дел, а Адлер уточнял: «Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях»¹⁴⁷.

Поскольку дело В. И. Ульянова находилось в военной юрисдикции, Министерство внутренних дел могло сделать немногое, однако дело поставили на контроль, а кроме того, о визи-

¹⁴³ Daszyński I. Pamiętniki. Kraków, 1926. T. 2. S. 167.

¹⁴⁴ AAN, 2/1232/0/1/78/II/10, k. 36; Drobner B. «Morowy chłop» // Polacy o Lenine. Wspomnienia / Oprac. L. Dubacki, Z. Iwańczuk, J. Sobczak. Warszawa, 1970. S. 25.

¹⁴⁵ Самойлов Ф. Н. Воспоминания большевика-депутата IV Думы о тов. Ленине (1914–1917 гг.) // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 179. Стоит отметить, что воспоминания Ф. Н. Самойлова вышли в свет до появления в «Ленинском сборнике» документальной публикации Я. Ганецкого; узнать о причастности Дашиньского к освобождению В. И. Ульянова Самойлов, таким образом, мог лишь от лидера РСДРП либо от его супруги.

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

¹⁴⁷ Там же. Д. 38. Л. 26. Указанный документ говорит о том, что вторая встреча с главой МВД, о которой Адлер упоминает в своих воспоминаниях (VGA. Adler Archiv. M 128/T1; Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4) состоялась не позднее 23 августа. 21 августа Адлер, не зная об уже состоявшемся освобождении В. И. Ульянова, направил телеграмму главе швейцарской социал-демократии Г. Греймху о возможной необходимости вмешательства последнего в дело Ульянова (Schweizerisches Sozialarchiv. Ap. 170.15.13).

те депутатов проинформировали полицию Кракова и, — что было гораздо более важным, — Управление военного контроля (Kriegsüberwachungsamt, KÜA). Эта организация, находившаяся в подчинении военного министра, в то время выполняла роль координатора всех австро-венгерских спецслужб, — от общей и политической полиции до военной контрразведки¹⁴⁸.

Управление военного контроля переправило пришедшие из МВД документы по делу Ульянова в Эвиденцбюро, где они попали в руки капитана Генерального штаба Г. Ишковского¹⁴⁹, опытного сотрудника военной разведки, в 1908–1912 гг. занимавшего пост начальника НК Stelle во Львове и долго время являвшегося одним из ключевых участников конфиденциальных контактов с Пилсудским и его подпольными организациями¹⁵⁰.

После этого события стали разворачиваться стремительно. 17 августа военный прокурор в Кракове заполнил реферативную карточку уголовного дела, в которой записал, что «согласно устного заявления здешнего разведбюро, совершенно исключено, что обвиняемый занимался шпионажем. Предлагаю отказаться от обвинения»¹⁵¹. Упомянутое прокурором «здешнее разведбюро» (Kundschaftsbureau) было ничем иным, как краковским НК Stelle, чье руководство после разрешения проблем, возникших с формированием Пилсудского¹⁵², наконец вспомнило и о деле Ульянова — по всей видимости, после напоминания Ишковского. Интересно, что в это же время у краковского НК Stelle сменился начальник — им стал капитан Е. Бауэр, ранее возглавлявший вспомогательный разведцентр (NK Stelle) крепости Краков¹⁵³. Заместителем НК Stelle оставался капитан А. Моравский, непосредственное же обоснование по делу Ульянова готовил все тот же комиссар полиции Р. Крупиньский¹⁵⁴.

¹⁴⁸ Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть на кануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 19. Подробное описание задач KÜA см.: ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil B: 29a-b. S. 448.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 5.

¹⁵⁰ Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 43.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 13–14 об.

¹⁵² Galicyjska działalność Piłsudskiego ... S. 647.

¹⁵³ Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 712; ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil A: 1. S. 232. См. также: Gaul J. Akta c. i k. Komendy I Korpusu i Komendy Wojskowej w Krakowie ... S. 217.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об. — 3; Оп. 3. Д. 38. Л. 13–14 об.; Krupiński R. Oczyma komisarza policji. S. 245.

18 августа решение военного прокурора о прекращении дела в отношении В. И. Ульянова было утверждено комендантом Кракова генералом Л. Матушкой¹⁵⁵, а уже утром следующего дня, 19 августа, в окружную администрацию Нового Тарга стали одна за другой приходить телеграммы с инструкциями относительно Ульянова. Сколько этих телеграмм было, неизвестно, до нашего времени дошли три. Первая телеграмма содержала распоряжение об освобождении заключенного: «Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению»¹⁵⁶. Вторая уточняла: «Судебное следствие против Ульянова остановлено, последний поэтому подлежит полному освобождению, должен лишь сообщить письменно или телеграфно свой адрес в Поронине капитану Моравскому, здание корпусного командования»¹⁵⁷. Третья указывала: «Приказать Ульянову Владимиру при проезде через Краков явиться к капитану Моравскому в здание корпусного командования»¹⁵⁸.

Судя по всему, при освобождении из новотаргской тюрьмы В. И. Ульянову не только приказали явиться к замначальнику краковского НК Stelle, но и снабдили деньгами. В позднейших нотариально заверенных показаниях детей окружного комиссара Нового Тарга К. Гловиньского, 19 августа лично прибывшего освобождать из тюрьмы лидера РСДРП¹⁵⁹, содержится описание расписки, которую Гловиньский получил от Ульянова в обмен на 200 австрийских крон¹⁶⁰. В расписке говорилось о том, что деньги получены взаймы, однако впоследствии Ульянов не только не погасил этот значительный по своему размеру долг¹⁶¹, но и даже не поблагодарил Гловиньского за участие в своем освобожде-

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 13–14 об.

¹⁵⁶ [Там же](#). Л. 20.

¹⁵⁷ [Там же](#). Л. 19.

¹⁵⁸ [Там же](#). Л. 22.

¹⁵⁹ AAN, 2/1232/0/1/78/II/1, k. 64.

¹⁶⁰ Ibid. K. 61-63a.

¹⁶¹ Средняя месячная зарплата рабочего в Австро-Венгрии составляла 45 крон, месячная зарплата поручика австро-венгерской армии с квартирными — 250 крон (Соловух С. Комментарии к русскому переводу романа Ярослава Гашека «Приключения бравого солдата Швейка». М., 2015). По свидетельству М. Ронге, в 1907 г. заграничные агенты австро-венгерской военной разведки «вынуждены были удовлетворяться ежемесячными вознаграждениями в размере от 60 до 150 крон» (Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 30). Ежемесячное жалование главы ППС Ю. Пилсудского, получаемое им от партии в 1910 г., составляло от 250 до 300 крон, жалование функционера Боевого отдела ППС — 130 крон (Świetek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 475).

нии — в отличие от многих других людей, в том числе комиссара полиции Р. Крупиньского, которому со швейцарской границы была послана открытка¹⁶².

По всей видимости, возвращение 200 крон и не предполагалось, а Гловиньский действовал в соответствии с полученными из Krakowa инструкциями. О том, что возвращение денег не предусматривалось, косвенно свидетельствует и тот факт, что в конце сентября 1914 г. Ульянов просил Ганецкого справиться у окружного начальника Нового Тарга о возвращении ему неких отобранных при аресте бумаг¹⁶³; эта просьба была выполнена и уже в конце октября бумаги оказались у Ульянова¹⁶⁴. Едва ли подобное развитие событий было бы возможно в случае личной финансовой непорядочности Ульянова в отношении Гловиньского.

Ульянов выполнил полученный им при освобождении приказ явиться в замначальника HK Stelle в здание корпусного командования. Через неделю после освобождения, 26 августа Ульянов получил от окружного начальника Нового Тарга разрешение на проезд вместе с семьей поездом в Krakow и 28 августа выехал из Нового Тарга в Krakow¹⁶⁵. Из позднейших данных швейцарской полиции мы узнаем, что Ульянов «должен был свои [удостоверяющие] документы оставить в Krakowе в военном ведомстве»¹⁶⁶, что подтверждает факт его визита в здание корпусного командования. Что же касается причины, по которым Ульянов был вынужден оставить свое удостоверение личности у военных, то она вполне очевидна. Удостоверение личности на французском языке, которым пользовался Ульянов в период своего пребывания в австрийской Галиции¹⁶⁷, было выписано ему как эмигранту в период его нахождения во Франции местной полицией и пользоваться таким

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2508. Л. 1об.-3; *Krupiński R. Oczyma komisarza policji*. S. 245.

¹⁶³ Ленинский сборник XIII / под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М., 1930. С. 246.

¹⁶⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, 1870–1924. М., 1972. Т. 3. С. 291.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 13. Л. 1. Таким образом, в Krakow В. И. Ульянов прибывает не ранее вечера 28 августа. С учетом того, что 29 августа он получает от М. Флатау удостоверение на выезд в Вену, наиболее вероятно, что выезд в Вену произошел 30 августа — поскольку 1 сентября Ульянов уже в Вене получил в полицейском управлении удостоверение на проезд в Швейцарию.

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70. Л. 3–3 об.

¹⁶⁷ Там же. Оп. 3. Д. 38. Л. 4–4 об.

удостоверением в Австро-Венгрии в условиях военной истерии было, мягко говоря, небезопасно.

О чем В. И. Ульянов в здании корпусного командования говорил с заместителем начальника НК Stelle капитаном Л. Моравским, неизвестно. Всего же в Кракове Ульянов пробыл несколько дней. Среди мест, которые он также посетил, была редакция издаваемой И. Дашиньским газеты «Naprzód», сотрудникам которой Ульянов дал небольшое интервью о планах революционной работы в России в условиях войны¹⁶⁸. Не вызывает сомнения, что во время этого визита он повидался с Дашиньским. 29 августа Ульянов получил от директора полиции Кракова М. Флатау удостоверение для проезда вместе с семьей в Вену¹⁶⁹.

Прибыв в столицу Австро-Венгрии, Ульянов уже 1 сентября получил в полицейском управлении Вены (тесно сотрудничавшем с военной разведкой¹⁷⁰) удостоверение личности, дававшее ему право воспользоваться почтовым военным поездом для проезда до станции Брукс¹⁷¹. Как язвительно замечает в этой связи Р. Пайпс, «Ленин, Крупская и ее мать выехали по пропуску, по-

¹⁶⁸ W sprawie rewolucji rosyjskiej // Naprzód. 1914. 30 sierp.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 13. Л. 2. Выданные окружным начальником Нового Тарга и директором полиции Кракова удостоверения на проезд в Краков и Вену были при отъезде в Швейцарию оставлены В. И. Ульяновым в Вене; в 1924 г. они демонстрировались на выставке в читальном зале библиотеки социальных наук Венской палаты труда и вскоре были оттуда похищены. «Эта выставка завершилась самым неожиданным образом. Однажды ночью витрину взломали и все оригиналы были изъяты. Фридрих Адлер, как и библиотекарь Фриц Брейгель предполагали, что только Москва могла быть заинтересована в приобретении этих оригиналов и что они, должно быть, попали туда» (VGA. Adler Archiv. M128/T1; см. также: Lenin als russischer Spion und als deutscher Agenten. S. 4). Действительно, уже в том же году эти документы были в переводе на русский воспроизведены в «Ленинском сборнике» (Ганецкий Я. Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г., по документам. С. 182–183), а их фотокопии впоследствии оказались в Институте Ленина (Хроника Института В. И. Ленина... С. 573).

¹⁷⁰ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 30–31. Одним из ключевых сотрудников Венского полицейского управления, взаимодействовавшим с Эвиденцбюро и лично с М. Ронге, был начальник подразделения по борьбе со шпионажем И. Шобер, участвовавший в расследовании дела А. Редля (Moritz V., Leidinger H. Oberst Redl. Der Spionagefall. Der Skandal. Die Fakten. Wien, 2012. S. 117). В мае 1914 г. М. Ронге, И. Шобер, глава личной службы безопасности императора Австро-Венгрии Э. фон Гайер и начальник венгерской пограничной полиции Г. фон Илошвай создали межведомственную систему контрразведки, так называемую *Defensiven Kundschaftsdienst* (Lewis M. Continuity and Change in the Vienna Police Force, 1914–1945. Part I // S. I. M. O. N. Shoah: Intervention. Methods. Documentation. 2019. № 2. Р. 24–25).

¹⁷¹ Пайпс Р. Русская революция / Пер. с англ. М., 2005. Т. 2.

лученному от австрийской полиции, из Вены в Швейцарию на австрийском военном почтовом поезде — необычном для простых подданных враждебной страны виде транспорта»¹⁷².

В швейцарский Берн В. И. Ульянов прибыл 5 сентября 1914 г. и уже на следующий день на совещании с проживавшими в городе большевиками добился утверждения своих тезисов, впоследствии ставшими программой РСДРП (6) военного периода: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающей Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающей национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями»¹⁷³. Пораженческая позиция РСДРП в годы мировой войны не была жестко предопределенной; в то время даже самые преданные Ульянову люди склонялись к «шовинистической» мысли, что победа Центральных держав была бы злом гораздо худшим¹⁷⁴. Едва ли кто-нибудь, кроме Ульянова, смог бы добиться даже от наиболее радикальных социал-демократов поддержки идеи о необходимости бороться против собственного Отечества во время мировой войны.

Научное изучение агентурной деятельности спецслужб является чрезвычайно сложной задачей. Специальные службы не заботятся об удобстве работы историков, особенно когда речь заходит о персональных данных агентуры. Исследователь не может прийти в архив, заполнить заявку на интересующее его персонажа и получить личное дело агента. И дело не только в государственной тайне — в конце концов сроки секретности рано или поздно истекают. Но документы, связанные с деятельностью агентуры, могут быть изъяты или просто уничтожены.

Вспоминая об аресте В. И. Ульянова в августе 1914 г. глава разведывательной группы (Kundschaftsgruppe) Эвиденцбюро М. Ронге в своих воспоминаниях писал: «Среди многих арестованных по необоснованному подозрению в шпионаже был человек, который впоследствии стал очень известным»¹⁷⁵. (Слова Ронге о «необос-

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70. Л. 3-3об.

¹⁷³ Тезисы о войне. Первоначальный текст // Ленинский сборник XIV / под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М., 1930. С. 12.

¹⁷⁴ Самойлов Ф. Н. Воспоминания большевика-депутата ... С. 179; Шкловский Г. Л. Владимир Ильич накануне Бернской конференции // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : 10 т. М., 1990. Т. 4. С. 86–87

¹⁷⁵ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 109.

нованном подозрении» разительно контрастируют с приведёнными на предыдущих страницах его воспоминаний одобрительными рассказами о сожжении деревни Ораховец в Боснии и Герцеговине, депортациях нелояльного населения, казнях заложников и массовых арестах галицийских «москвофилов», происходивших в тоже самое время, что и инцидент с Ульяновым¹⁷⁶.)

В оставшихся неопубликованными подготовительных материалах к своей книге Ронге счел необходимым подчеркнуть, что в текущем делопроизводстве Эвиденцбюро имелись документы, касавшиеся Ульянова: «Разумеется, с этой стороны [т. е. со стороны, к которой принадлежал Ронге] можно только указать на имеющиеся документы делопроизводства»¹⁷⁷.

К сожалению, ознакомиться с упомянутыми документами делопроизводства невозможно: в фонде Эвиденцбюро в Австрийском государственном архиве отсутствуют как дела агентурного учета, так и дела оперативной переписки за 1914 г.¹⁷⁸ Они были уничтожены в 1918 г.; как вспоминал М. Ронге, «когда после заключенного перемирия с Италией итальянские войска стали продвигаться вдоль Южной железной дороги и возникла необходимость не допустить захвата итальянцами нашего архива, то оставшихся сотрудников [разведывательного управления] оказалось недостаточно для просмотра накопившихся в управлении 300 000 экземпляров документов. Поэтому их ящиками отправляли в отель «Херцогхоф» и сжигали в большой печи его котельной»¹⁷⁹. Чуть далее Ронге отмечает, что была сожжена не только оперативная переписка, но и «личные дела и записи, касавшиеся привлеченных агентов»¹⁸⁰.

Разумеется, даже уничтожение личного дела агента, не означает, что уничтожены все следы. Остаются оперативные донесения, остаются готовившиеся на основании донесений доклады для руководства, остается переписка с другими ведомствами. Однако ситуация осложняется тем, что зачастую в этих документах персональные данные агента заменены криптонимом. Например, российская военная разведка с 1903 г. поддерживала связь с неким офицером Генерального штаба Австро-Венгрии, передававшим информацию стратегического характера вплоть до первой половины 1914 г. Агент про-

¹⁷⁶ Ibid. S. 103–104, 107–108.

¹⁷⁷ ÖStA. KA NL. Bl. 126. Teil B: 29a-b. S. 502e, d

¹⁷⁸ ÖStA. KA AhOB MKSM GSt Evidenzbüro. Akten.

¹⁷⁹ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 363.

¹⁸⁰ Ibid. S. 370.

ходил в документации Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ как «№ 25, неизвестный агент». Ни фамилия агента № 25, ни занимаемая должность не были известны никому, кроме завербовавшего его офицера¹⁸¹. Сотрудники австро-венгерской разведки в отчетных документах порою избегали упоминать даже криптонимы; так, в годовом отчете за 1913 г. начальника краковского НК Stelle капитана Ю. Рыбака приводится список состоявших на связи 63 агентах, однако для 15 из них какие-либо данные отсутствуют — строчки после порядкового номера оставлены пустыми¹⁸².

Польский историк Р. Швентек, впервые введший этот годовой отчет краковского НК Stelle в научный оборот, предполагает, что использованные в докладе порядковые номера были заранее закреплены за конкретными агентами и в разведгруппе Эвиденцбюро имелся список с персональными данными неназванных Ю. Рыбаком агентов. Предположение Швентека имеет под собой серьезные основания (в том числе вытекающие из текста документа), однако работу историка это никоим образом не облегчает — ведь документ, позволяющий установить персональные данные неназванных агентов, если и существовал, то был сожжен в 1918 г. в печи отеля «Херцогхоф».

Среди этих неназванных в годовом отчете агентов совершенно точно есть, в частности, члены находившейся на связи австро-венгерской разведки сети «Конфидент R», включая самого Ю. Пилсудского¹⁸³, однако как это можно доказать? Тщательные поиски в австрийских архивах, специально проводившиеся польскими историками еще во времена ПНР, позволили установить большое количество документов, свидетельствовавших о связях Пилсудского с австро-венгерскими властями, однако прямого упоминания о том, что будущий глава Польши был агентом военной разведки, так и не нашлось¹⁸⁴. Единственным источником, прямо и одно-

¹⁸¹ Алексеев М. Военная разведка России... Кн. II. С. 188–191. Стоит отметить, что агент № 25 и полковник А. Редль — разные лица; агент № 25 выходил на связь с русской разведкой в 1914 г., а Редль к этому времени уже год покоялся в могиле.

¹⁸² Świętek R. *Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego*. S. 611–613.

¹⁸³ Ibid. S. 477.

¹⁸⁴ См.: Galicyjska działalność Piłsudskiego, 1906–1914. Documenty / Zebr., oprac. S. Arski, J. Chudek. Warszawa, 1967. Новейшее фронтальное архивное исследование (Gaul J. Józef Piłsudski. Źródła z lat 1914–1918 w Austriackim Archiwum Państwowym w Wiedniu. Warszawa, 2015. T. 1) также оставляет простор для сомнений.

значно говорящим о связи Пилсудского с австро-венгерской военной разведкой, были вышедшие посмертно в 1954 г. воспоминания бывшего начальника краковского НК Stelle Ю. Рыбака¹⁸⁵ — достоверность которых, разумеется, долгое время ставили под сомнения¹⁸⁶. Только введение в научный оборот чудом сохранившегося (пусть и с изъятиями) дела, в котором Ю. Рыбак собирая документы по сотрудничеству организацией Пилсудского¹⁸⁷, подтвердило его воспоминания и позволило поставить точку в дискуссии о связи Пилсудского с австро-венгерской разведкой.

Представим, однако, что это дело не сохранилось, что в свое время Ю. Пилсудский отправил его не в личный архив (в 1939 г. эвакуированный из Польши и ныне находящийся в США), а в печку. Можно ли в этом случае было обоснованно утверждать, что Пилсудский сотрудничал с австро-венгерской разведкой? Безусловно — потому что установленные благодаря поискам в австрийских архивах и дошедшим до нас воспоминаниям фактические данные о сотрудничестве Пилсудского с австро-венгерскими властями могут быть интерпретированы вполне однозначно. Но по политическим причинам эта интерпретация, безусловно, ставилась бы под сомнения людьми, желающими сохранить незапятнанным мундир «отца нации», главы воссозданного польского государства.

Установленные фактические данные, касающиеся взаимодействия В. И. Ульянова с австро-венгерскими властями, также позволяют сделать вполне однозначные выводы.

Для начала рассмотрим фактические данные, касающиеся периода до начала Первой мировой войны.

Переезжая на жительство в австрийскую Галицию, В. И. Ульянов заранее, через своего сподвижника Я. Ганецкого и депутатов рейхсрата И. Дашиньского и З. Марека проинформировал о своих намерениях австрийские власти и получил согласие на приезд и гарантию невыдачи России. В это время Австро-Венгрия рассматривала Россию как своего основного противника и активно использовала революционные организации (ППС Ю. Пилсудского и украинских эсэров) для разведывательной и подрывной дея-

¹⁸⁵ Pamiętniki generała Rybaka / Posł. J. Kamcewicz. Warszawa, 1954.

¹⁸⁶ Stawiecki P. Protokoły przesłuchania generała Rybaka // Dzieje najnowsze. 1992. № 4.

¹⁸⁷ AJPPA. T: 701/1/108.

тельности на российской территории. Гарантии предоставления В. И. Ульянову защиты были получены от австро-венгерских властей как раз в тот момент, когда российские дипломаты пытались добиться от австрийской стороны пресечения подрывной деятельности организаций Пилсудского, а полиция Кракова и местное НК Stelle готовили отписки о том, что никакой подрывной деятельности против России из Кракова не ведется¹⁸⁸.

Заблаговременное согласование с австро-венгерскими властями приезда В. И. Ульянова в приграничный с Россией регион признавалось даже советской историографией. Как язвительно, но абсолютно справедливо замечает в этой связи С. Пессони, лидер РСДРП совершил переход в Галицию, «полагаясь на благосклонность австрийского жандарма»¹⁸⁹. По большому счету, это само по себе дает ответ на вопрос о сотрудничестве с австрийскими спецслужбами, однако установленные фактические данные позволяют конкретизировать рамки сотрудничества.

После переезда на жительство в Краков, В. И. Ульянов получил всестороннюю помощь от конфидентов местной полиции (И. Дашиньский, З. Марек) и военной разведки (Ю. Пилсудский и подчиненные ему организации). Эти люди решали вопросы, связанные с «полицейской безопасностью» Ульянова и его сторонников, контролировали маршруты для переброски через австро-русско-российскую границу нелегалов и подрывной литературы, помогали организовать пересылку корреспонденции на территорию России, а также предоставляли паспорта для легального пересечения границы и конспиративные адреса для приема корреспонденции в Кракове. Летние месяцы В. И. Ульянов с супругой и товарищами проводили в тех же местах, где Ю. Пилсудский проводил свои мероприятия и подготовку боевиков.

Всесторонняя помощь, принимаемая от агентуры военной разведки, разумеется, не может сама по себе служить прямым доказательством сотрудничества с военной разведкой. В конце концов, взаимодействие В. И. Ульянова с ППС не было для него первым опытом получения покровительства со стороны радикальных антироссийских националистических организаций. В 1905–1907 гг. он более чем активно пользовался поддержкой финской Партии активного сопротивления, осуществлявшей в интересах РСДРП

¹⁸⁸ Galicyjska działalność Pilsudskiego ... S. 562–565.

¹⁸⁹ Possono S. Lenin. The Compulsive Revolutionary. P. 157.

нелегальную переброску в Россию подрывной литературы и оружия, предоставлявшей базу для проведения в партийных конференций и совещаний, а также для деятельности с территории Финляндии Боевой технической группы¹⁹⁰. Аналогия оказывается еще более полной, если вспомнить, что лидер финских «активистов» К. Циллиакус являлся агентом японской военной разведки и получал деньги на поддержку антиправительственного революционного движения в России¹⁹¹. Однако прямых контактов с японскими разведчиками Ульянов все-таки не поддерживал. Может быть, и в Галиции его использовали через посредника, не заставляя подписывать соглашение о сотрудничестве?

В некоторых случаях австро-венгерская военная разведка действительно избегала официальной вербовки, предпочитая работать через посредников. Так, например, на рубеже 1912/1913 гг. Галицию посетил член латышского националистического подполья Э. Трауберг¹⁹², желавший сотрудничать с австрийскими властями. По каким-то причинам начальник краковского НК Stelle капитан Ю. Рыбак предпочел не встречаться с латышом. «Я решительно избегал личных встреч с Траубергом, ограничившись получением информации от доверенных лиц ППС о том, на каких условиях латыши согласятся поддерживать нашу разведку», — докладывал Рыбак¹⁹³. В конечном итоге схема работы оказалась следующий: Трауберг передавал разведданные ППС, а те — руководству краковского НК Stelle. Полученную информацию Рыбак характеризовал как «фактическую и важную»¹⁹⁴, однако взамен

¹⁹⁰ Ермолов П. Русская контрразведка против финских егерей, 1915–1917. СПб., 2017. С. 30–32; Kujala A. Vallankumous ja kansallinen itsemäärimisoikeus. Veinäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa. Helsinki, 1989. Подробнее о Партии активного сопротивления см.: Постников Н. Д. Политические партии Великого княжества Финляндского (60–70-е годы XIX века — 1914 год). М., 2024. С. 555–575.

¹⁹¹ Павлов Д. Б. Японские деньги для первой русской революции. М., 2011; Ильба Ч. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. / пер. с японск. Д. Б. Павлова. М., 2013.

¹⁹² Между прочим, это был младший брат Альберта Трауберга (1881–1908), главы Летучего боевого отряда Северной области Партии социал-революционеров. Деятельности этого формирования посвящена специальная монография (Кан Г. С. Грязь передней линии... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). СПб., 2021. Т. I–II), хоть и романизирующая террористов, но весьма содержательная с научной точки зрения.

¹⁹³ Świętek R. Lodowójka ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 643.

¹⁹⁴ Ibid. S. 644.

Трауберг ничего не получал и, естественно, был неудовлетворен сложившейся ситуацией. Он хотел сотрудничать с Эвиденцбюро напрямую и в начале 1914 г. обратился в австро-венгерское посольство в Париже с новым предложением своих услуг¹⁹⁵.

Случай Трауберга, имеет, однако существенные отличия от случая Ульянова.

Во-первых, в случае работы через посредника сотрудники австро-венгерской разведки совершенно явно не считали нужным соблюдать какие-то особые меры секретности. О работе с Траубергом через ПСС Ю. Рыбак рассказывал в докладе прямым текстом, без каки-либо криптонимов или пустых строчек для личных данных — и соответствующий документ сохранился¹⁹⁶. С учетом того внимания, с которым несколько поколений польских исследователей выявляли документы австро-венгерской разведки, касающиеся взаимодействия с ППС, представляется практически невероятным, чтобы они пропустили прямо записанную в документах фамилию Ульянова. Тем ни менее, такой фамилии в изученном массиве документов обнаружено не было. Таким образом, сотрудничество через посредничество ППС представляется невозможным; отсутствие фамилии Ульянова в изученных документах возможно в двух случаях: либо если сотрудничества с ним не было вообще, либо если его фамилия была заменена криптонимом.

Во-вторых, установленные фактические данные свидетельствуют, что в отличии от Трауберга В. И. Ульянов лично контактировал с прикомандированными сотрудником краковского HK Stelle комиссаром полиции Р. Крупиньским, неоднократно посещал его канцелярию, ходатайствовал за приезжавших к нему революционеров, вызывавших подозрение у местных спецслужб. Более того, по данным, полученными российским Департаментом полиции от близкого Ульянову провокатора Р. Малиновского, лидер РСДРП «настолько, по словам Малиновского, был аккредитован доверием со стороны австрийского правительства, что его письменные удостоверения с ручательством за то или другое лицо имели гораздо более значения, чем всякие посольские или консультативные удостоверения для австрийских властей»¹⁹⁷; помимо этого

¹⁹⁵ Ibid.

¹⁹⁶ АИРРА. Т: 701/1/108. К. 84–85.

¹⁹⁷ Дело провокатора Малиновского / сост. Б. И. Каптелов, И. С. Розенталь, В. В. Шелохаев. М., 1992. С. 122.

«вся литература пропускалась в нашу границу со стороны Австрии вполне свободно, если провожавшее лицо имело от Ленина пропуск»¹⁹⁸. Правдивость этой информации подтверждается тем фактом, что несмотря на усиленный контрразведывательный режим, действовавший в австрийской Галиции с 9 октября 1912 по 20 сентября 1913 г. в связи с угрозой войны с Россией¹⁹⁹, ни один из многочисленных нелегалов, приезжавших к Ульянову из России как в это время, так и позднее, не столкнулся с проблемами при пересечении австрийской границы — невзирая на то, что передвижение между российской Польшей и австрийской Галицией было максимально затруднено пограничными службами²⁰⁰.

Фактически лидер РСДРП пользовался теми же возможностями, которые австро-венгерская военная разведка предоставляла сотрудничавшим с ней организациям — Пилсудскому и украинским эсэрам. Согласно введенным в научный оборот Р. Швентеком документам, стандартное предложение военной разведки для российских революционных организаций в качестве оплаты их разведывательных и подрывных услуг включало: «а) согласие на контрабанду революционных изданий, оружия и т. д. в Россию; б) недопущение выдачи отдельных лиц в Россию или их высылки к русской границе; в) заверение, что в случае русской революции мы не предпримем ничего, что могло бы считаться вмешательством»²⁰¹. Однако эти возможности предоставлялись не кому попало: и сеть Пилсудского, и украинские эсэры были включены в списки соответствующих НК Stelle как коллективные организации-агенты²⁰² — и именно поэтому получали защиту и возможность использовать «зеленую» границу. В. И. Ульянов пользовался как первым, так и вторым. С учетом перечисленных выше фактических данных наиболее простым (а, возможно, и единственным) объяснением является то, что Ульянов, также как Пилсудский и украинские эсэры, сотрудничал с австро-венгерской военной разведкой.

Итак, совокупность установленных фактических данных, касающихся периода до начала Первой мировой войны, позволяют с вы-

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 585–586, 588; Mataniak M. Zadania c. k. Dyrekcji Policji w Krakowie ... S. 73–74.

²⁰⁰ Najdus W. Przez zieloną granicę. S. 136.

²⁰¹ Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego. S. 545.

²⁰² Ibid. S. 547.

сокой долей вероятности говорить о сотрудничестве В. И. Ульянова с австрийской спецслужбой. Противоречат ли подобной интерпретации фактические данные, касающиеся ареста и освобождения Ульянова в августе 1914 г.?

Самим Ульяновым арест рассматривался как недоразумение. Первое, что он сделал при угрозе ареста — обратился за поддержкой к директору полиции Кракова М. Флатау, который на следующее же утро, демонстрируя незаурядную оперативность, прислал в Поронин и Новый Тарг телеграмму в поддержку Ульянова. Аналогичную телеграмму тем же утром прислал и конфидент Флатау, депутат З. Марек. Несмотря на спешку, телеграммы не успели прийти вовремя и делу дали официальный ход, однако сидеть в тюрьме Ульянову пришлось совсем недолго.

Современные исследователи отмечают, что быстрое освобождение В. И. Ульянова из-под ареста было случаем неординарным: «У большинства из тех, кого в то время преследовала полиция, армейское командование и контрразведка, не было таких видных защитников, как у Ленина. И большинство из них не отдалось так легко, как он»²⁰³. В справедливости этого наблюдения мы можем убедиться на следующем примере. Хорошо знакомый Ульянову российский революционер-эмигрант, руководитель заграничного бюро Литовской социал-демократической партии П. Эйдукявишюс был арестован в Новом Тарге 18 августа 1914 г. и помещен в ту же тюрьму, что и Ульянов²⁰⁴. За Эйдукявишюса, также как и ранее за Ульянов, ходатайствовал депутат З. Марек, однако если Ульянов был отпущен из тюрьмы уже на 12-й день заключения, то Эйдукявишюс даже спустя два месяца после ареста, 20 октября 1914 г., по-прежнему находился в заключении²⁰⁵. За Эйдукявишюса впоследствии ходатайствовали и австрийские социал-демократы, однако лишь после трех с половиной месяцев заключения он был освобожден и выехал в Швейцарию²⁰⁶.

Подобное продолжительное разбирательство не было чем-то уникальным. Просмотр проверочных дел, отложившихся в фондах Управления военного контроля, дал нам аналогичные примеры. Так, не позднее 10 августа 1914 г. двое русских поддан-

²⁰³ Moritz V, Leidinger H, Jagschitz G. Im Zentrum der Macht. S. 127.

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 2.

²⁰⁵ Najdus W. Lenin wśród przyjaciół i znajomych ... S. 359, 369.

²⁰⁶ Šarmaitis R. Lietuvos revoliucionieriai. Vilnius, 1988. P. 157–158.

ных были арестованы по подозрению в шпионаже только из-за того, что они разговаривали в поезде на родном языке. Несмотря на очевидную абсурдность причины ареста, они остались под стражей в начале октября²⁰⁷.

Кем же были те самые «видные защитники», которые были у Ульянова, но отсутствовали у Эйдукявилюса (не говоря уж о многих других арестованных русских подданных)? Это были не австрийские социал-демократы; их ходатайство за Ульянова, конечно, привело к переписке Министерства внутренних дел с полицией Кракова и военными, — однако в случае Эйдукявилюса аналогичные действия дали результат только спустя три с половиной месяца²⁰⁸. Это не были И. Дашиньский и З. Марек; их неформальные связи с полицией Кракова позволяли освободить человека сразу после задержания, как это случилось в августе 1914 г. с российским революционером А. Буцевичем²⁰⁹, однако после передачи дела военным возможности организовать освобождение у них уже не было, о чем свидетельствует дело все того же Эйдукявилюса.

Единственным ведомством, способным повлиять на быстрое освобождение В. И. Ульянова, были военные. Следы они оставили вполне четкие. Дело против лидера РСДРП было закрыто по представлению «местного разведбюро» (то есть краковского НК Stelle); при освобождении из тюрьмы Ульянову выдали 200 крон и велели явиться в Краков к заместителю начальника НК Stelle капитану Л. Моравскому. После этой встречи Ульянов вместе с родными по проездному документу, выданному ему дирек-

²⁰⁷ ÖStA. KA ZSt KM KÜA. Akten 3. 1081–1860. Akt. 1461.

²⁰⁸ Здесь стоит упомянуть, что даже на пятый день после освобождения В. И. Ульянова из тюрьмы, Министерство внутренних дел считало, что тот до сих пор находится под арестом в распоряжении военного суда (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 26). Информация об освобождении Ульянова по состоянию на 23 августа отсутствовала и у дирекции полиции Кракова (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 26 об). В неведении относительно освобождения Ульянова довольно долгое время находилось Наместничество во Львове (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 24). Таким образом, ни МВД, ни Наместничество, ни полиция Кракова к освобождению Ульянова отношения не имели. По вполне очевидным причинам не играли роли в освобождении и те многочисленные обращения членов ППС и ППСД к окружному начальству, о которых мы знаем из советской и польской историографии (см.: Очерки революционных связей народов России и Польши. С. 499).

²⁰⁹ *Najdu W Lenin wśród przyjaciół i znajomych ...* S. 361; *Najdu W Zygmunt Marek: prawnik i polityk, 1872–1931*. Warszawa, 1992. S. 100.

тором полиции Кракова М. Флатау выехал в Вену. В полицейском управлении в Вене (тесно сотрудничавшим с Эвиденцбюро) Ульянов получил удостоверение, дававшее право воспользоваться почтовым военным поездом для проезда до станции Брукс — и отбыл в Швейцарию, не забыв с границы отправить открытку сотруднику краковского НК Stelle комиссару полиции Р. Крупиньскому.

Каким может быть непротиворечивое объяснение быстрому и эффективному вмешательству военной разведки в дело арестованного В. И. Ульянова? Если придерживаться принципа «бритвы Оккама» и не изобретать лишних сущностей, то объяснение может быть только одно — из тюрьмы вытаскивали собственного агента. На это объяснение работают и перечисленные выше установленные фактические данные, касающихся периода нахождения Ульянова в Галиции до начала Первой мировой войны.

Для человека, воспитанного на советских мифах о «дедушке Ленине», вывод о продолжительном сотрудничестве вождя РСДРП со спецслужбами враждебного государства может показаться шокирующим. Однако подобное сотрудничество будущих (а также бывших) государственных лидеров в первой трети XX века было делом нередким. С японской и австро-венгерской разведками сотрудничал будущий глава Польши Ю. Пилсудский. Будущий президент Эстонии К. Пяйтс на протяжении примерно года до своего прихода к власти в 1931 г. получал необоснованно большую (и политически мотивированную) зарплату в качестве юрисконсультата советского Нефтесиндиката²¹⁰. Связанные с будущим президентом Латвии К. Ульманисом фирмы получали выгодные советские заказы, что позволяло вести активную политическую деятельность на выборах в Сейм в 1928 г.²¹¹ Глава Ковенской резидентуры ОГПУ в 1926 г. писал о будущем литовском диктаторе А. Сметоне: «Сметона в этом отношении надежнее других, т. к. у нас есть аргументы против него — расписки в получении от нас денег»²¹². С советской разведкой сотрудничали бывший премьер-ми-

²¹⁰ Ильярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя мировыми войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / Пер. с англ. В. Белобровцева. М., 2012. С. 43–48.

²¹¹ Там же. С. 61–62.

²¹² LYA. Ф. К-35. Оп. 2. Д. 826. Л. 30–32; Дюков А. Р. Государственный переворот в Литве 17 декабря 1926 г. глазами советской внешней разведки. М., 2026 (готовится к печати).

нистр Эстонии Я. Тыниссон²¹³ и бывший премьер-министр Литвы А. Вольдемарас²¹⁴. Все эти политические деятели рассматривались в своих странах как «отцы отечества» и даже предположение об их сотрудничестве с иностранными разведками вызывало (и зачастую до сих пор вызывает) нешуточное возмущение.

Показательно, что вышедшая в 1998 г. и неоднократно цитированная здесь монография Р. Швентека, посвященная сотрудничеству Ю. Пилсудского с иностранными разведками, несмотря на свой фундаментальный и безупречно научный характер была встречена польскими историками враждебно, а автор подвергся ostrakizmu и «заплатил за книгу своей карьерой, будучи вытесненным из профессии непререкаемыми авторитетами, которые заслужили звания и славу благодаря Пилсудскому, написали о нем тысячи страниц, но так и не заметили столь важного момента [как сотрудничество с иностранными разведками], а порой даже отрицали его»²¹⁵.

Вопрос о сотрудничестве Пилсудского с зарубежными разведками окончательно вошел в польский публичный дискурс лишь через десять с лишним лет после выхода монографии Р. Швентека. Парамоксальным образом этому помогла дискуссия вокруг темных страниц биографии другого польского «отца нации» — главы «Солидарности» и президента Польши Л. Валенсы, на заре своей карьеры трудившегося сексом Службы безопасности МВД ПНР и стучавшего на оппозиционно настроенных рабочих²¹⁶.

Фактические данные можно игнорировать долго — но не бесконечно долго.

---

²¹³ Резиденты сообщают... Сборник документов о политической обстановке в Латвии, Литве и Эстонии, август 1939 г. — август 1940 г. / сост. А. Р. Дюков. М., 2020. С. 85–100.

²¹⁴ Там же. С. 268.

²¹⁵ Ziemkiewicz R. Złowrogi cień marszalka. Lublin, 2017.

²¹⁶ К слову сказать, после распада СССР независимую Литву также возглавил бывший стукач, десятилетиями работавший на КГБ, — музыкант В. Ландсбергис (*Janutienė R. Dinastija. Landsbergių išgyvenimo istorija*. Vilnius, 2014). Бывшим сексом КГБ была и первый премьер-министр Литвы после повторного обретения независимости — К. Прунскене (*Дубнов А. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик*. М., 2019. С. 111).

М. А. Колеров

УГРОЗА С ЗАПАДА, «ВТОРОЙ ЦЕНТР» И ГОЭЛРО:

когда большевики на деле вдохновились планом
Гриневецкого? Новые данные 1918 года

Анализируемые ниже тексты, по-видимому, относятся к числу первых документов экономического качества, изучающих плоды первого в XX веке опыта «угрозы с Запада» и одинаково заслужили особого внимания в истории политики и мысли России. Созданы они были примерно в одно и то же время — в первые месяцы 1918 года — внутри и вне Советской власти. Первый из них, несоветский, — весьма знаменит и создан инженером-теплотехником, директором Московского технического училища, фактически — специалистом по предвоенной и военной экономике России, В. И. Гриневецким (1871–1919), с января по июнь 1918 года, но из-за событий Гражданской войны смог появиться в свет лишь в следующем году (или в конце 1918)¹. И то — в Харькове, вне зоны советского контроля. Известно, что книга Гриневецкого была в составе личной Библиотеки Ленина в Кремле. В её каталоге приводится фото обложки «Материалов по статистике труда» (Вып. 7. М., 1919), изданных Отделом статистики Наркомата труда РСФСР и направленных издателем с надписью: «Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) от Редакции». На этой же обложке Ленин в ответ, видимо, своему библиотекарю надписал: «достать Гриневецкий»:

¹ В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919.

Послевоенные задачи [sic] русской промышленности. М. 1918».² То есть Ленин в 1919 году знал, что этот текст вышел в свет, но ошибочно полагал, что это произошло ещё в 1918 году и в Москве. Предваряя итоговые данные настоящей статьи, сообщу, что первая редакция названного текста Гриневецкого действительно вышла ещё в Москве и в 1918 году, но в газете. И Ленин, видимо, читал в первый раз именно его. Об этом — ниже.

Широкую историографическую славу этой книге принесли воспоминания советского экономического чиновника Н. Валентинова (Вольского) (1879–1964) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина» (1956), в которых он в эмиграции подробно рассказывал, что труд Гриневецкого — при посредстве наркома одновременно торговли и промышленности и путей сообщения РСФСР А. Б. Красина — попала в руки В. И. Ленину и подвигла его на составление государственных планов развития хозяйства и едва ли не на составление плана электрификации ГОЭЛРО³, а также была высоко оценена Л. Д. Троцким как образец планирования. Законно считается, что основные направления развития промышленности России, указанные Гриневецким, были реализованы в ходе сталинской индустриализации и более всего — в перспективе создания «второго индустриального центра» СССР⁴. Свидетельства Н. Валентинова, впрочем, никто не проверял, полагаясь на то, что авторитет Гриневецкого

² Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог / редколл. Н. Н. Кухарков, Н. В. Матковский, Ю. П. Шарапов, Ю. И. Масанов. М., 1961. С. 271. Фото.

³ Сводное исследование генезиса плана электрификации в контексте реальной экономики России см.: Н. С. Симонов. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016.

⁴ Leon Smolinski. Grinevetskii and Soviet Industrialization // Survey. №67. April 1968; Роберт Такер. Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879–1929 [1973]; У власти. 1928–1941 [1990]. М., 2006. С. 423. Современный автор, на первый взгляд, поспешно заявляет о том, что Гриневецкий предлагал России «развитие хозяйства по американскому образцу» (Б. М. Шнотов. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы. М., 2012. С. 248), но и в этой аналогии можно увидеть глубокий исторический контекст, согласно которому десятилетия до Гриневецкого в России приводили Америку (США) в пример и сравнение России в качестве равного ей по территории, ресурсам и объёму изолированного внутреннего рынка в масштабах континента, позволявшего без внешних рынках с толком использовать протекционизма, развиваться национальному капитализму и в главном сохранять экономическую самодостаточность и независимость от лидеров индустриализма в лице, в первую очередь, Британской империи. Следует помнить, что именно в Америку эмигрировал и добился там выдающихся личных результатов столп важный для русских протекциони-

действительно был очень высок, и то, что советское руководство приняло решение переиздать его вполне антисоветскую книгу в 1922 году (впрочем, текстологической сверки двух версий текста никто не проводил). На деле же труд Гриневецкого более всего прогностически исходил не только из опыта военного управления экономикой и её разрушения коммунистическим экспериментом, но и из **новых политических границ послевоенной России**, о чём Н. Валентинов — видимо, под впечатлением от (восстановленных) территориальных границ СССР — в воспоминаниях умолчал⁵. Нелишне отметить, что только очень издалека — из послевоенной эмиграции и последовавшей советской истории — можно было не увидеть и того простого обстоятельства, что сама идея электрификации как инструмента преодоления экономической отсталости для русской марксистской мысли была очень не нова, ибо выдвинул её ещё такои широко известный в России классик марксистской пропаганды, как итальянский коммунист Антонио Лабриола (1843–1904), в своём известном труде о «Коммунистическом манифесте». Говоря о близкой к России по уровню экономического и социального развития Италии конца XIX века, он писал (и мы увидим, что условия Италии были ещё ближе к условиям Советской России 1918 года): «Италия не в состоянии соперничать с государствами с более развитой промышленностью, так как она страдает от отсутствия каменного угля, недостатка железа и скудости технических сил, — она ждёт и надеется ныне, что электрификация поможет ей наверстать утраченное время... Укрепление современного государственного строя среди населения почти

нистов идеолог и лидер германского протекционизма Фридрих Лист (1789–1846).

⁵ Об уверенном присутствии книги Гриневецкого в кругу чтения большевистского руководства свидетельствует её полемическое упоминание в написанной в мае 1920 года книге Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода»: впрочем, несогласие Бухарина в этой его восторженно принятой В. И. Лениным апологии «военного коммунизма» и «внезэкономического принуждения», вызвала лишь уверенность автора в том, что только на рельсах капиталистической экономики возможен выход России из хозяйственной разрухи (Н. И. Бухарин. Избранные произведения / сост. С. Л. Леонов, А. В. Лобова. М., 1990. С. 81, 117–118, 159). Впрочем, скорый отказ большевиков от «военного коммунизма» в пользу «новой экономической политики», политики «отступления» перед крестьянским и городским мелкотоварным, то есть согласно большевистской азбуке, вполне капиталистическим, хозяйством, — и быстрое политическое забвение цитируемой книги Бухарина подтвердило марксистскую правоту Гриневецкого в этом заочном споре.

исключительно земледельческого и притом в стране, где способы обработки земли находятся, по большей части, в весьма отсталом состоянии, — вот что порождает в ней бесформенное недовольствие и брожение»⁶.

Гриневецкий, хоть и датировал своё предисловие к книге 30 июня 1918 года, явно недооценил пределов германской оккупации — и не рассматривал политической и военной угрозыресурсно-промышленным центрам России восточнее Екатеринослава. Он писал о потенциале, сохранившемся (и, следовательно, не угрожающем для России после войны: «Особое развитие получили Петроград и Москва, а также районы восточнее линии Екатеринослав — Москва — Вологда, зато [в распоряжении России. — М. К.] совершенно исчезла частью эвакуированная, частью разорённая промышленность Польши и Прибалтики»⁷. Тем не менее, Гриневецкий внятно указывал на историческую угрозу, которая, предполагалось, определяла перспективы развития русской промышленности в тот момент, начиная с 1914 года и антивоенной агитации большевиков:

«Русские рабочие и революционная интеллигенция не могли понять тогда, как не понимают и до сих пор, что одной из глубоких причин войны было не столкновение мнимого российского и весьма реального германского империализмов, а *национальная защита России* своего экономического будущего против *неотвратимого национального стремления Германии на восток* (курсив Гриневецкого). Таким образом, часть сознательное, частью бессознательное предательство со стороны близкой к рабочему классу революционной интеллигенции не только общих интересов России, но и прямых интересов рабочего класса оставалось совершенно непонятым последнему»⁸.

Гриневецкий хорошо видит оккупацию Украины Германией, её политическое и экономическое отделение от России, но очевидным образом проводит границу отделяемой Украины между Кри-

⁶ А. Лабриола. Памяти «Манифеста коммунистической партии» [1895] // А. Лабриола. Исторический материалист. Очерки материалистического понимания истории / пер. А. Н. Горлина. М., 2010. С. 42.

⁷ В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919. С. 41.

⁸ Там же. С. 50.

вым Рогом и Донбассом, исходя из того, что Донбасс (несмотря на ход событий) останется за Россией. Реализованную угрозу он видит так:

«В ближайшие годы снабжение [России. — М. К.] металлом может значительно осложниться, ибо главная масса металла производилась в Украине, имевшей наиболее мощную и наиболее близкую к современным требованиям металлургию. Между тем, заинтересованность Германии вывозом руды и разруха в добывче угля и выпуск кокса вместе с достаточностью, несмотря на сжатие производства, снабжения металлом самой Украины способны почти прекратить вывоз металла на Север [в Россию. — М. К.]. Это поставило бы Россию в чрезвычайно тяжёлое положение, если бы параллельно не сокращалось бы наше потребление металла. Приобретение металла из Украины всё же будет неизбежно в некоторых частях...»⁹

Положение Донецкого угольного бассейна Гриневецкий по умолчанию подчинял не оккупации или присоединение его Ленинским Украине (окончательно утраченными он считал угольные ресурсы Польши), но революционной разрухе, что выводило его на ближайшее будущее из рабочего состояния, заставляя искать ему замену в освоении местных и восточных углей и его низкокалорийных заменителей: «Горное дело, наиболее пострадавшее от революционного крушения и расчленения государства, имеет пока почти неограниченные перспективы рынка, ибо страна ещё долго будет в состоянии топливного голода...» Его косвенный прогноз о государственной принадлежности Донбасса России был оптимистичен — он считал «неизбежным добычи малоценноготоплива в Центральном промышленном районе, рост Уральского и Сибирского бассейнов, имеющих более местный характер, и особенно крупное развитие Донецкого бассейна, как главного в разрешении топливного вопроса»¹⁰.

Фактом на 19–21 марта 1918 года были: признанная РСФСР независимость Финляндии, где, однако, уже шла гражданская война, поддержанная из Германии и России; создание в зоне германской

⁹ В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности.. С. 101, 42. О фактуре «таможенной изоляции» Украины от России: С. 77.

¹⁰ Там же. С. 173, 97.

и австро-венгерской оккупации формально независимых государств (на деле протекторатов) — Польского королевства, Литвы, Эстонии и двух Украин, австро-германской и советской. Именно отчленение антисоветской УНР от России и признание её независимости РСФСР ещё 4 декабря 1917 года, а затем и в рамках Брестского мира и дополнительного к нему соглашения в августе 1918¹¹, идущее уничтожение Советской Украины, оккупацию присоединённого к ней русского Донбасса наблюдала и пыталась осмыслить в категориях практической политики Советская власть и не мог адекватно увидеть Гриневецкий.

В полном соответствии с тогдашней марксистской и большевистской догмой об абсолютном приоритете для развития экономики и общества крупной и сконцентрированной тяжёлой промышленности, «производства средств производства», а также в соответствии с опытом протекционистской индустриализации в Германии и России, где она опиралась на железнодорожное строительство и развитие в его интересах угледобычи, металлургии и тяжелого машиностроения, Гриневецкий так резюмировал стержневую проблему создания «второго индустриального центра» в контексте «брестской» России, то есть России без Украины и Донбасса¹²:

«Совершенно очевидно, что никаких сколько-нибудь широких перспектив в области промышленности и транспорта мы не можем иметь без устранения нашей металлургической нищеты. Разрешение этой задачи не представляет особых технических трудностей. В лучшие годы производительная способность металлургических заводов Юга России сможет значительно повысить своё производство. Гораздо проблематичнее перспективы Центра и Урала, из которых первый лишён местного топлива и отчасти руды, а второй должен пережить постепенный переход от древесного топлива на ми-

¹¹ М. А. Колеров. Документ Ленина (и Троцкого) о признании независимости Украины (1917): политическая текстология его заголовка // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии / Гл. ред. С. В. Мироненко. М., 2025.

¹² Об этом подробно: М. А. Колеров. Март 1918: Советская Россия учится жить без Донбасса: К истории «угрозы с Запада» и «второго индустриального центра» в сталинской перспективе // Историки-слависты МГУ. Кн. 11: Многоликий и беспокойный славянский мир. Научный сборник в честь 50-летия Ю. А. Борисёнка. М., 2016.

неральное. В отношении производительных возможностей Урал должен встретить опасного соперника в Кузнецком районе, где, по-видимому, сберутся все данные для развития крупной металлургической промышленности современного типа. Здесь имеются богатейшие залежи коксующегося угля. недалеко расположены и руды, обещает вырасти значительный спрос Сибири на металл для транспорта, промышленности и потребления. Назревшая и уже неизбежная эмиграция в Сибирь из Европейской России должна разрешить весьма трудный до сих пор рабочий вопрос. Таким образом, здесь суммируются все данные для развития мощной промышленности, если будет обеспечен приток капиталов и приобретут известную устойчивость правовые отношения. Считаясь с неизбежной экономической депрессией Центра и Петербурга и с мощными факторами экономического развития Сибири, которая должна стать поэтому притягательным фокусом для иностранного капитала, можно достаточно оптимистически смотреть на перспективы развития Кузнецкого бассейна (...)

Во-первых, должно быть исправлено историческое размещение промышленности, не соответствующее современному положению относительно сырья, топлива и рынков. Во-вторых, должны быть учтены предстоящие изменения в добыче и перемещении её к Востоку, особенно в отраслях по обработке пищевых и животных продуктов. В-третьих, коренные изменения вносятся вздорожжанием существующего транспорта и развитием нового в тех районах, которые до сих пор были лишены всяких путей. В-четвёртых, рассасывание городов Севера и Центра и развитие их к Востоку, передвижение сельскохозяйственного рынка также к Востоку, перемещение туда же самой промышленности — всё это должно отодвинуть к Востоку центр тяжести рынка для промышленности. В-пятых, политическое расчленение России должно оказать существенное влияние, глубины и устойчивости которого, однако, не следует переоценивать ... Развитие многих отраслей промышленности на Урале, в Степном крае и в Сибири становится уже неизбежным ... Такой эволюцией в сфере труда и условиях для технической организации промышленности будут в значительной мере уничтожены бывшие в прошлом территориальные ограничения и затруднения для перемещения промышленности на Восток»¹³.

---

¹³ В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. С. 100–101, 186–187.

Примечательно, что *правительственная* советская газета «Экономическая Жизнь» дебютировавшая 6 ноября 1918 года, одновременно с началом революции в Германии, которая резко изменила колониальный статус Советской России по отношению к Германии, привела к денонсации кабального Брестского мира и дополнительно вдохновила надежды большевиков на Мировую революцию, инерционно продолжала рассматривать Советскую Россию как аграрный придаток к промышленной Германии, что в общем было вполне банальным убеждением большевиков этого времени. Газета писала о германских контексте и перспективах развития России, надеясь именно на коммунизацию Германии: «Богатая сырьем и естественными благами, полуаграрная Россия, со слабо работающей промышленностью (...) может в настоящее время заключить хозяйствственный союз с высоко-промышленной Германией... лишь в том случае, если Германия не будет оставаться страной частно-правового хозяйства»¹⁴. Ясно, что оппозиционный большевикам Гриневецкий не мог вынашивать таких надежд.

Наконец, второй, ещё не описанный в историографии, документ Гриневецкого — фактическая, а не мемуарная, правда о доступных Советской власти вдохновениях Гриневецкого, была опубликована отнюдь не в Харькове в 1919 году, а в самой советской Москве. Но в ещё тогда временно возможной не советской печати — в бывшей газете «Русские Ведомости», в результате преследований выходившей в свет под другим названием. Нет сомнений, что эта газета — и именно как главная легальная оппозиционная газета — была в центре внимания столичных большевиков. Именно в ней частями дебютировала известная книга Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности»¹⁵. В последней части этой серии статей прямо был поставлен вопрос, принципиальный для стратегического планирования Советской власти с 1918 до 1941 года: как жить России / СССР перед лицом исторической угрозы в Запада — без Прибалтики, Польши, Украины? Насколько остра проблема

¹⁴ Ю.Р. Экономические перспективы европейской революции // Экономическая Жизнь. №13. М. 22 ноября 1918. С. 1.

¹⁵ В. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. I // Свобода России [Русские Ведомости]. №46. М., 13 июня (31 мая) 1918. С. 5; В. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. II // Свобода России [Русские Ведомости]. №51. М., 20 (7) июня 1918. С. 5; В. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. III // Свобода России [Русские Ведомости]. №57. М., 27 (14) июня 1918. С. 5.

ма «второго индустриального центра» страны? Как объяснить советскую индустриализацию Советской Украины перед лицом этой угрозы с Запада, которую в принципе не могли уравновесить никакие надежды СССР на то, что УССР станет орудием расчленения и присоединения к себе Польши, как это случилось в 1939 году, но потом было просто уничтожено Гитлером в 1941-м?

В резюме своего названного газетного цикла Гриневецкий пророчески и прогностически говорил:

«Наш искусственный центр металлообрабатывающей и военной промышленности, Петроград, в таком виде, как сейчас, существовать не будет; его песня спета; ему надо переходить к более тонким отраслям промышленности, которые меньше нагружают транспорт, или переселяться в Сибирь, на юго-восток и так далее. (...) Затем приходится думать о том, что север Европейской России в области лесного дела и Сибирь в области добывающей промышленности представляют ещё такие возможности, которых мы совершенно не использовали и о которых мы, может быть, не имеем сейчас даже ясного фактического представления».

Всё это понимали большевики уже в ходе составления плана ГОЭЛРО (1920), где уделили особое внимание перспективам Кузнецкого угольного бассейна, когда в 1925 году политически объявили регионально распределённую индустриализацию СССР, когда в начале 1930-х начали рекламировать на Западе (!) свои успехи по созданию «второго центра»¹⁶. Но угрожаемая УССР оставалась местом приложения индустриальных сил. Но угрожаемый Ленинград оставался до самой Войны центром военной промышленности СССР. Почему — у меня нет ответа. При этом важно помнить, что план ГОЭЛРО был подготовлен и утверждён в 1920 году (!) — то есть даже до соглашения с Германией в Рапалло 1922 г. и после по сути колониальных, с контрибуциями и территориальными уступками от России, договоров РСФСР с Эстонией, Финляндией, Латвией 1920 г., РСФСР (и БССР) и УССР с Польшей 1921 г. — о территориальных уступках и фактических reparations.

¹⁶ См. советские пропагандистские издания во Франции: Kouzbass: Le nouveau Centre de l'Industrie lourde en Union Soviétique. Paris: Bureau d'Éditions, 1931; U.R.S.S. 1933. Les géants industriels du plan quinquennal. Les constructions nouvelles de l'Oural-Kouzbass. Paris, 1933. Эти брошюры отложились даже в эмигрантской частной библиотеке П. Н. Милокова в Париже (в собрании ГА РФ).

Ф. А. Гайда

ИОСИФ ДЖУГАШВИЛИ
В ГЛАВНОЙ РОЛИ:
заметки об особенностях сталинского
визирования

Как известно, И. В. Джугашвили (Сталин) с 1917 г. занимал большое количество государственных и партийных должностей, в том числе тех, которые не предусматривались в советских конституциях. Соотношение этих должностей определялось не законами страны, а конкретной практикой. Причем эту практику с некоторого времени определял сам Сталин. Он играл разные политические роли, которые так или иначе проявляются в письменных источниках. Важное значение имела сталинская подпись (виза), то сопровождавшаяся теми или иными регалиями, то их не имевшая. Иногда особенности визирования определялись формальными обстоятельствами, но так было далеко не всегда и не сразу. Поэтому подпись часто выступала своеобразным жестом, который, как известно, имел большое значение как в рамках кавказской культуры в целом, так и для Сталина в частности.

Эволюция сталинского визирования — тема вроде бы не столь заметная — все же позволяет поделиться несколькими умозаключениями¹. Эти краткие заметки — лишь попытка привлечь внимание к подобной тематике.

¹ Основным материалом для наблюдений послужили два издания: *Сталин И. В. Сочинения : Т. 1–13. М., 1946–1952; Сталин И. В. Сочинения : Т. 14–18. М., Тверь, 1997–2006*. Прижизненное издание не рассматривалось как полное.

Нарком. В первом советском правительстве Сталин получил пост «председателя по делам национальностей» и значился в самом конце списка из 15 членов Совнаркома. «Председатель» должен был возглавить коллегию комиссаров — глав комиссариатов по делам различных национальных меньшинств. Первоначально Джугашвили подписывался как «К. Сталин» (основной псевдоним в 1912–1917 гг.) или «член Совета Народных Комиссаров К. Сталин». Однако уже под «Декларацией прав народов России» от 2 ноября 1917 г. стояла подпись «народный комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили-Сталин» (второй стояла подпись В. Ульянова-Ленина). 20 ноября под обращением к трудащимся мусульманам России и Востока появилась подпись «народный комиссар по национальным делам Джугашвили-Сталин» (второй — опять подпись Ленина).

С декабря 1917 г. Сталин уже начал подписываться энергичным словом «нарком» (основной вариант: «нарком И. Сталин»). Форма советского делопроизводства до 1930-х гг. вполне позволяла разнообразные вольности. Кроме того, стоит отметить, что до 1920 г. Сталин явно любил брать на себя ответственность и подавать себя ярко. В сентябре 1918 г. в поздравительной телеграмме командующему Южным фронтом К. Е. Ворошилову он вслед за председателем СНК подписался торжественно, без всяких со-

---

В т. 1–13 вошли специально отобранные документы, охватившие период с сентября 1901 до января 1934 гг. После смерти Сталина издание было прекращено. В постсоветское время была осуществлена попытка превратить издание в полное собрание сочинений. В т. 14–16 были включены документы с марта 1934 по декабрь 1952 г. В т. 16 также включены не вошедшие ранее в собрание документы Сталина за 1923 и 1925 гг., в т. 17 — за 1895–1896, 1902, 1905, 1908–1932 гг., в т. 18 — за 1917, 1930, 1933–1953 гг. При этом вместе с подлинными документами в т. 14–18 содержатся очевидные фальшивки.

Также были использованы сборники документов: Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996; Декреты Советской власти: в 18 т. М., 1957–2009; Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива: Сборник документов. М., 1993; Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004; Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 — 1942 г. Т. 13 [в 2 ч.]. М., 1997; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 [в 4 ч.]. М., 1996–1999; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999; Сталин И. В. О Великой Отечественной Войне Советского Союза. М., 1946; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.

кращений, «народным комиссаром и председателем Военно-революционного совета Южного фронта».

С февраля 1919 г. (после создания Политбюро) Сталин уже обозначил себя гораздо более значимой должностью «член бюро ЦК партии», после чего вариант «нарком» ушел в прошлое. Однако с этого времени возникает другая практика: Сталин часто подписывался с указанием новой должности лишь 1 раз, как бы символически закрепляя ее за собой. Затем ее можно было уже не упоминать. После 1 автографа в качестве члена Политбюро Сталин в мае 1919 г. единожды подписался «народным комиссаром государственного контроля», в январе 1920 г. — «членом РВС Южфрона», а в июне 1920 г. — «членом РВССР» (Революционного Военного Совета Советской Республики; при этом известны еще 5 схожих подписей на коллективных приказах). По-видимому, более всего ему нравилась должность председателя Совета Украинской трудовой армии: в феврале-марте 1920 г. Сталин 9 раз подписался как «председатель Укрсовтрударма» и еще по 1 разу как «председатель Совета трудармии» и «председатель Совета Украинской трудовой армии».

Просто «И. Сталин». В июле 1920 г., на пике военных побед РККА в Польше, Джугашвили практически перестал упоминать свои должности и начал подписываться ёмким и уже всем понятным псевдонимом «Сталин» (преимущественно в телеграммах) или «И. Сталин» (основной вариант). После избрания генеральным секретарем ЦК 3 апреля 1922 г. Сталин подписался «секретарем ЦК РКП» в 2 неформальных телеграммах своему другу С. Орджоникидзе (21 апреля и 14 мая). Затем упоминание наиболее значимых должностей ненадолго возобновилось в январе 1923 г., в разгар борьбы против Л. Д. Троцкого. Отбиваясь от него, Сталин апеллировал к членам ЦК и в письмах к ним подписывался как «член ЦК» (1 раз), «член Цека» (2 раза) и «секретарь Цека» (1 раз). Само слово «Цека», имеющее неформальный и демократический оттенок, активно употреблялось в партии уже в 1918 г., встречается у Сталина с 1919 г. и в последующие десятилетия, однако соответствующие подписи имели место лишь в январе 1923 г.

По мере возрастания реальной власти Сталина упоминания должности практически пропали (не считая секретной официальной документации, которая выходила от имени ЦК). Подпись «секретарь ЦК РКП Сталин» была поставлена под поздравительной телеграммой газете «Коммунист» от 30 декабря 1923 г. За-

тем редкие телеграммы за подпись секретаря высыпались уже от имени самого ЦК: траурная Гоминдану по поводу кончины Сунь Ятсена (от 13 марта 1925 г.) и 2 поздравительные строителям автогигантов (от 1 октября 1931 г.). 4 февраля 1935 г. подпись «секретарь ЦК И. Сталин» появилась под личным письмом парт-оргу Метростроя К. Ф. Старостину (само письмо имело характер серьезного внушения от имени ЦК: отвергались планы присвоить московскому метрополитену имя Сталина, о котором автор говорил в третьем лице). Таким образом, уже с 1923 г. Джугашвили практически полностью скрылся за аббревиатурой ЦК.

Под совместными постановлениями СНК и ЦК подпись Сталина стояла второй. В критический период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. директивы и приказы Ставки Главного командования выходили за 3 подписями: главнокомандующего К. Ворошилова, члена Главного военного совета И. Сталина и начальника Главного штаба Б. Шапошникова (24 декабря 1939–1 января 1940 гг.). Подобная манера напоминала ситуацию 1920 г.

С июля 1920 г. простая форма подписи «И. Сталин» стала основной. Параллельно в качестве подписи до 1934 г. также использовался краткий вариант «Сталин». Причем начиная с 1921 г. он сохранялся лишь для дружеских или доверительных посланий. При обращении к наиболее близким соратникам (К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, А. И. Микояну, С. Орджоникидзе) до 1935 г. использовались также варианты «твой Сталин» или «твой И. Сталин»; для Орджоникидзе — даже «твой Коба» (Коба — основной псевдоним Джугашвили до 1910 г.). Можно отметить, что оборот «твой» использовался также в письмах матери («твой Сосо» — до мая 1937 г.) и жене («твой Иосиф» — в 1929–1931 гг.). В целом, в 1934–1935 гг. из сталинской подписи исчезли последние проявления дружеских чувств в отношении близких соратников. В дальнейшем же, наоборот, емкий вариант «Сталин» стал признаком чрезвычайности ситуации: такая подпись стояла под резкими телеграммами местным партийным организациям в 1937 г. (эта практика позднее будет иметь место в 1941–1942 гг.).

Подчеркнуто уважительная форма «Ваш Сталин» или «Ваш И. Сталин» использовалась в некоторых письмах Ленину. Позднее (в 1924–1925 гг.) она будет присутствовать в редких случаях в посланиях дружеского характера: «Ваш И. Сталин» прозвучит в письме Демьяну Бедному (15 июля 1924 г.) и телеграмме Пер-

вой конной армии (16 ноября 1924 г.), «Ваш Сталин» — в письме Ф. Э. Дзержинскому (25 июля 1925 г.). Далее, 6 мая 1933 г. подпись «Ваш И. Сталин» появится в письме М. А. Шолохову.

В 1924–1933 гг. Сталин активно использовал перед подписью ленинский оборот «с коммунистическим приветом». Потом в отношении партийцев он потерял актуальность. В последний раз подпись «С ком. приветом И. Сталин» будет весьма иронично поставлена в письме начальнику главного управления кинематографии СССР Б. З. Шумяцкому от 27 января 1937 г., посвященном художественному образу внутрипартийной оппозиции.

Война: выход из тени. Став председателем Государственного Комитета Обороны (30 июня 1941 г.), Сталин (а не председатель Президиума Верховного Совета М. И. Калинин) впервые официально, хотя и вопреки конституции, становился первым должностным лицом СССР и брал на себя всю полноту ответственности за происходившее в стране. Прототипом ГКО был «Совет рабочей и крестьянской обороны» (1918–1920), преобразованный затем в «Совет труда и обороны» (1920–1937), обычно возглавляемый председателями СНК. Постановления ГКО с 4 июля 1941 г. Джугашвили подписывал как «председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин». Под приказами НКО ставилась подпись «народный комиссар обороны И. Сталин» (он занял эту должность 19 июля 1941 г., параллельно существовал пост наркома ВМФ).

В директивах Ставки (обычно они подписывались коллективно) ставилась подпись «И. Сталин». Значительно реже и только до 30 декабря 1941 г. использовался вариант «Сталин». То же самое можно сказать и о телеграммах военного времени. Вариант «Сталин» использовался редко, в критических моментах (ситуация вокруг Ленинграда в августе–октябре 1941 г., телеграммы послу в Лондоне И. М. Майскому по вопросу второго фронта в августе 1941 г. и октябре 1942 г., положение в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г.), и был явным признаком раздражения и гнева.

С подписанием праздничного приказа народного комиссара обороны СССР 23 февраля 1942 г., где в ходе контрнаступления под Москвой формулировалась задача освобождения советской территории, именно эта должность неформально превратилась в центральную (канон задавал издававшийся и дополнявшийся в 1942–1946 гг. сборник сталинских текстов «О Великой Отечест-

венной Войне Советского Союза»). Идея наступления легко уживалась с должностью, предполагавшей «оборону».

Однако под приказом от 25 января 1943 г. (на завершающем этапе Сталинградской битвы) уже стояла подпись: «Верховный Главнокомандующий И. Сталин». Сталин занял эту должность еще 8 августа 1941 г. В отличие от ГКО, она была отсылкой к дореволюционной эпохе — периоду Первой мировой войны. Печальный опыт великого князя Николая Николаевича, императора Николая II, М. В. Алексеева, А. А. Брусицова А. Г. Корнилова и Н. Н. Духонина, казалось бы, не отпугивал. Показательно, что использование соответствующей подписи началось вскоре после введения в Красной армии погон (6 января 1943 г.). В качестве Верховного главнокомандующего Сталин будет преимущественно подписываться до 3 сентября 1945 г. (подпись в качестве наркома обороны тоже сохранялась). С 1 мая 1943 г. к такой подписи добавится звание маршала Советского Союза, с 22 июля 1945 г. — звание генералиссимуса Советского Союза. Маршальские звания в СССР были введены еще в 1935 г., Сталин получил это звание 6 марта 1943 г., когда в СССР было 6 маршалов. Звание генералиссимуса СССР стало единственным в своем роде. Последним и самым известным генералиссимусом в дореволюционной России был А. В. Суворов.

Редкой (разумеется, не считая правительственные постановлений) в период войны была подпись Сталина с упоминанием должности председателя СНК: 2 раза в обращении к дружественным правительствам Монголии (поздравительная телеграмма от 12 июля 1941 г.) и Румынии (ответная телеграмма от 9 марта 1945 г.), а также 1 раз внутри страны (поздравительная телеграмма президенту АН СССР В. Л. Комарову от 12 апреля 1942 г.). Обычно во всех схожих случаях использовалась простая подпись «И. Сталин».

Послевоенная демилитаризация. После упразднения поста Верховного главнокомандующего военная тема проявилась лишь трижды в праздничных приказах на 23 февраля и 1 мая 1946 г., а также 23 февраля 1947 г.: в первом случае — «народный комиссар обороны СССР генералиссимус Советского Союза И. Сталин», во втором и третьем — «министр Вооруженных Сил СССР генералиссимус Советского Союза И. Сталин». 25 февраля 1946 г., вскоре после празднования дня Красной армии, был образован наркомат Вооруженных сил СССР (с присоединением к не-

му наркомата ВМФ), а уже 15 марта он был переименован в министерство. Если в приказах 1946 г. прославлялась «Красная армия», то 23 февраля 1947 г. — уже «Советская».

15 марта 1946 г. в сообщении президиуму Верховного совета СССР об отставке правительства значилась подпись «председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. Сталин». В тот же день Верховный совет постановил переименовать СНК в Совет министров, а наркоматы — в министерства. Возможно, смена революционных названий на дореволюционные стало ответом на оглашенную несколькими днями ранее агрессивную доктрину Трумэна. Сталин демонстрировал максимальное миролюбие.

В 1946–1948 гг. проявилась еще одна необычная тенденция: в трех телеграммах за рубеж, в которых предполагалось было проявить повышенную человечность (директору Американо-русского института У. У. Ланкастеру, председателю Совета министров НРБ Г. Димитрову, ЦК Компартии Италии), прозвучала необычная подпись «Иосиф Сталин».

Подпись «председатель Совета министров СССР И. Сталин», как и в случае с СНК, тоже была редкой (кроме правительенных постановлений): в 1948 г. так Сталин подписал 2 обращения к дружественным правительствам: финляндскому и корейскому. Джуугашвили начал «уходить в тень», как это было в 1920–1941 гг. Однако на этот раз это можно связать с начавшимся ухудшением его здоровья.

Очень необычная подпись появилась 15 июля 1950 г. в телеграмме «Его Превосходительству, премьер-министру Республики Индии господину Пандиту Джавахарлalu Неру»: «Уважающий Вас И. Сталин, премьер-министр Советского Союза». После 1948 г. подпись с обозначением себя в качестве предсоммина появилась лишь дважды: в поздравительных телеграммах правительству КНР 2 сентября 1951 и 2 сентября 1952 гг. В целом, в этих телеграммах 1950–1952 гг. можно заметить стремление «отзеркалить» корреспондента: к премьеру Сталин обращался как премьер, к председателю — как председатель.

Итак, можно сделать вывод, что особенности сталинского визирования отражали наиболее значимые в его собственном восприятии вехи политической биографии: вхождение в состав СНК (октябрь 1917 г.) и Политбюро (начало 1919 г.), избрание генсеком ЦК (апрель 1922 г.) и председателем ГКО (июнь 1941 г.). Отношение к государственным и партийным постам, в целом, было раз-

ным: первые могли упоминаться часто, вторые — значительно реже (отношение к ним было заметно интимнее). Партийные должности были способом «уйти в тень» и стать «просто» Сталиным (так было в 1923–1941 гг. и с 1947–1948 гг.). Избрание председателем ГКО напоминало чрезвычайные события 1917 г.: И. В. Джугашвили публично принимал на себя ответственность за последующие события. Название нового органа (Сталин впервые сам определял его наименование) отсыпало к революционным событиям. Однако все последующие названия, ставшие плодом сталинского творчества, уже отсыпали к дореволюционному опыту: началу XX в. (Верховный главнокомандующий, Совет министров) или даже к XVIII в. (генералиссимус). Важна, конечно, была и общемировая практика употребления. Должность председателя ГКО для Сталина была символически связана с обороной страны (1941 г.), наркома обороны — с наступлением (зима 1942 г.), Верховного главнокомандующего — с полным разгромом врага (1943 г.), звание генералиссимуса — с Победой 1945 г. Пост председателя СНК, в сравнении с предыдущими, для Сталина, похоже, не имел особого символического значения. Тем не менее, в 1946 г., с началом Холодной войны, была осуществлена показательная «перекраска» армии и государства (а также соответствующих должностей) на мирный и не-революционный лад. Также стоит отметить, что разную смысловую нагрузку имели краткие формы подписи псевдонимами «И. Сталин» (обычная), «Сталин» (в 1921–1934 гг. — дружеская, в 1937–1942 гг. — экстремальная) и «Иосиф Сталин» (человечная, в 1946–1948 гг.).

Екатерина Корнеева

ЗАБЛУДШИЕ, ПОЛЕЗНЫЕ
И УТИЛИЗИРОВАННЫЕ:
генерал Николае Рэдеску
в материалах ЦРУ США о Румынии

Жизнь генерала Николае Рэдеску (1877–1953) была сложной и тернистой. На первый взгляд сумма его достижений может показаться почти обескураживающей: он имел высокие награды, занимал посты премьер-министра Румынии и начальника Генерального штаба в последние годы Второй мировой войны. Но жизнь свою завершил в изгнании далеко от родины — отстранённый от политической жизни, обедневший, одинокий.

Несмотря на все противоречия, Рэдеску был исключительной исторической фигурой, заслуживающей куда большего, чем одна страница в энциклопедии. Он был яростно независим, отказываясь вступать в какие-либо политические партии. Страстный и не-примиримый, он отдавался работе, зачастую отбрасывая всё прочее как «пустяковое». С 1930-х годов и до 1953 года он с непреклонной настойчивостью защищал свои принципы. За эти годы он вступал в противостояние с двумя румынскими королями, нацистскими министрами, советскими генералами, промышленными магнатами, представителями иностранных держав, ЦРУ, членами нескольких румынских правительств и множеством мелких противников.

Он жил под надзором, был арестован, заключён под стражу, осуждён заочно и содержался в лагерях. Он действовал во имя освобождённой Румынии, но порой применял принципы избира-

тельно, полагаясь на людей с сомнительными связями. Его сердце неизбежно ранили предательства, равнодушие и невыполненные обещания. И всё же Рэдеску жил по собственным правилам, в отличие от множества «слепых червей» — так он называл современников, которые, по его словам, «не заслуживали ни баллад, ни песен».

В эпоху массового конформизма он обладал уникальной индивидуальностью. Высокий, безукоризненно одетый, с осанкой, внушающей уважение, и пронзительным взглядом, он был заметен даже на зернистых газетных фотографиях. Его верность боевым товарищам казалась почти архаической. Честный и доверчивый, но плохо приспособленный к политическим реалиям нового времени, он нередко описывался как меланхоличный и «крайне импульсивный». Его глубокая, почти мистическая любовь к Румынии была сродни романтической, ностальгической тоске по утраченному миру юности.

Поскольку немногие соответствовали строгим стандартам, по которым он судил себя и других, его поведение нередко считали «неприятным». Порой он воспринимал разногласия как личное оскорбление и требовал подчинения, а не коллегиального сотрудничества. Его непреклонная защита абсолютных принципов выливалась в непредсказуемость и в профессиональной, и в личной сфере. Его оружием было его остроумие. Его сарказм ранил глубоко и оскорблял многих. Он называл коллег «идиотами», «лакейчиками» и «невеждами». Его едкость не щадила никого. В 1948 году, в жестком ответе генералу Петру Лазару, королевскому адъютанту короля Михая, он писал: «Должность королевского адъютанта требует большой сдержанности, большого доверия и большого такта — качества, которые вы полностью игнорируете, если когда-либо ими обладали... В дальнейшем я не желаю получать от вас личных писем. Любые ваши мнения или поступки будут отправляться в корзину для мусора». Предсказуемо, что столь непреклонная откровенность втягивала его в конфликты и усиливалась его одиночество.

Несмотря на сложность характера Рэдеску, аналитики разных политических лагерей пытались понять его. Американские и британские дипломаты в Бухаресте, советские офицеры и румынские политики — все стремились дать ему оценку. Один отчёт описывал его как харизматичного, но «трудного», другой — как «упрямого и непримиримого», третий — как «человека, которого нель-

зя согнуть, но можно сломать». Его яростная независимость, суть его характера, раздражала как союзников, так и противников. В отчётах ЦРУ он неизменно описывался как «импульсивный», «эмоциональный», «склонный», «агрессивный» и «склонный подозревать всех в дурных мотивах».

Рэдеску был солдатом, который воспринимал политику как поле битвы идей. Он верил, что «истине не нужна дипломатия», — позиция, делавшая его уязвимым к манипуляциям. Подобно многим офицерам, воспитанным в духе *fin de siècle* и строгого кодекса чести, он не обладал той степенью двуличия, которая была необходима для выживания во всё более жестокой политической атмосфере 1930–1940-х годов.

Вступив в политику, он отказался идти на компромиссы с авторитарными режимами — будь то власть короля Кароля II, Иона Антонеску или Железной Гвардии. В результате он пережил аресты, заключение и отстранение от службы. И каждый раз он возвращался — решительный и несгибаемый.

К концу Второй мировой войны Рэдеску стал одним из немногих румынских военных деятелей, которые не сотрудничали ни с крайне правыми, ни с немецкой оккупационной администрацией. Это сделало его привлекательным кандидатом для демократических партий, которые пригласили его войти в послевоенное правительство после переворота 1944 года.

Однако, прийдя к власти, Рэдеску почти сразу вступил в конфликт с советскими властями и румынскими коммунистами, которые требовали быстрых и радикальных реформ.

Он находился под постоянным наблюдением разведки, подвергался ожесточённой критике якобы за пропаганду и обвинялся коммунистическими лидерами — включая Ану Паукер, Василе Лука и Теохари Джорджеску — в саботаже реформ и защите «фашистских элементов». Но Рэдеску не уступал. В феврале 1945 года советский представитель Андрей Вышинский прибыл в Бухарест с прямым приказом заставить короля Михая отправить его в отставку. После долгих часов противостояния король уступил. 6 марта 1945 года, фактически покинутый западными союзниками, Рэдеску был смешён с поста премьер-министра.

Как и советская разведка, ЦРУ также пыталось понять суть его характера. Переговоры о reparations, территориальном контроле, военных трофеях и надзоре над румынскими вооружёнными силами постоянно вызывали трения между западными союзника-

ми и советско-румынскими властями. СССР настаивали на полном демонтаже всех «фашистских структур», тогда как Запад требовал «демократизации» в соответствии со своими интересами.

Одновременно западные державы оказывали давление на Рэдеску, добиваясь формирования коалиционного правительства с участием представителей Национал-царанистской партии, либералов, социал-демократов и коммунистов. Сопротивляясь внешнему вмешательству, он неохотно согласился и настоял на собственных назначениях. Наблюдение ЦРУ за ним усиливалось. Под контролем находились члены его правительства, а сам генерал был под постоянной слежкой с октября 1944 года до самой смерти в 1953 году.

Присутствие советских войск полностью изменило политическое равновесие. Во время политического кризиса с октября 1944 по февраль 1945 года коммунисты захватили инициативу, атакуя как правительство, так и традиционные партии. В ответ Национал-царанисты и либералы категорически отказались от сотрудничества. Опасаясь угрозы гражданской войны в тылу Красной армии, Москва направила Вышинского для урегулирования кризиса. Во время своего второго визита Вышинский отказался вести переговоры и потребовал, чтобы Рэдеску включил представителей Национально-демократического фронта в кабинет. Он подчинился, и на короткое время наступило относительное политическое спокойствие. Однако это спокойствие оказалось недолгим. В феврале 1945 года по всей стране начались демонстрации, призывавшие крестьян захватывать неиспользуемые земли с помощью вновь созданных крестьянских комитетов. Насилие стремительно нарастало.

Помимо постоянных политических сражений, предательство стало одной из определяющих тем его жизни. Хотя измена — обычное дело в политике, её воздействие на Рэдеску было особенно болезненным. Малакса — «союзник по необходимости» — был архетипическим антигероем: оппортунистичным, двуличным и умелым манипулятором при любом режиме. Он сделал карьеру, втягивая влиятельные фигуры в свои схемы ради собственной выгоды, и даже пытался наладить отношения с президентом США Ричардом Никсоном. Рэдеску не стал исключением. Тем не менее генерал, уверенный, что финансовая поддержка Малаксы жизненно важна для будущего Румынии, игнорировал или не осознавал масштабы его двуличия и защищал его до самой смерти.

В феврале 1945 года во время выступления Рэдеску на фабриках Малаксы произошли беспорядки. Малакса уверял генерала, что рабочие встретят его благожелательно. Произошло обратное. Рэдеску вызвал армию и запросил советскую помощь, в которой ему отказали. Прозвучали выстрелы, несколько человек были убиты. Западные агентства, включая Reuters, подхватили обвинения, заявив, что Рэдеску спровоцировал гражданскую войну, проигнорировав рекомендации союзников.

Кризис вынудил Вышинского вернуться в Бухарест «среди дыма и огня». Москва поручила ему восстановить порядок в момент, когда Красная армия стремительно продвигалась по Европе. Его репутация в Румынии позднее стала почти мифической, но его миссия была прагматичной — он потребовал, чтобы король Михай сместил Рэдеску и его правительство.

Тем временем румынская политика уже трещала по швам сама по себе, независимо от советского вмешательства. Ущерб был необратим. 6 марта 1945 года Рэдеску был вынужден покинуть пост. Он еще недолго оставался начальником Генерального штаба, но уже не имел влияния. Новое правительство возглавил Петру Гроза. В 1946 году Соединённые Штаты и Великобритания официально признали правительство Грозы.

Румыния вступила в странный переходный период. Монархия формально сохранялась; правительство Грозы поддерживало видимость сохранения конституционности: проводились выборы, союзнические представители всё ещё находились в стране. Однако в действительности Румыния находилась под военным и политическим контролем Советского Союза. Король Михай присутствовал на советских церемониях, получил медаль «За победу над Германией» от маршала Толбухина и даже два спортивных самолёта от Сталина.

Однако, в 1946–1947 годах король вступил в тайные переговоры с западными союзниками. Они тщетно уговаривали его направить румынские войска в Грецию и требовали полного перевода румынских нефтяных резервов на Запад. Михай отверг все условия. Этот отказ определил его судьбу. В декабре 1947 года король Михай был вынужден отречься от престола и покинуть страну. Румыния официально стала Народной Республикой. Так завершился необычный эпизод «Красной монархии Румынии».

После падения режима Рэдеску рассчитывал на защиту западных союзников — защиту, которая оказалась непоследовательной

и иллюзорной. Преследуемый, он сначала искал убежища в британском посольстве, где оставался до июня 1945 года. Британские чиновники уверяли его, что опасность миновала, и заявляли, что достигли некоего соглашения с СССР. Однако через несколько дней после выхода из посольства он был помещён под домашний арест румынскими властями.

Затем вмешались американцы. Посольство США запросило встречу с генералом; его доставили туда под охраной, а затем вернули домой. Согласно документам ЦРУ, американские чиновники предложили ему убежище, но лишь при условии, что Соединённые Штаты не сыграют прямой роли в его побеге. Эта оговорка делала реальную помощь практически невозможной.

Преданный и британцами, и американцами, Рэдеску отказался сдаваться. К нему вскоре присоединился его племянник, Барбу Никулеску, который сидел в тюрьме с 1945 по 1946 год, а затем стал личным секретарём генерала. Вместе они начали планировать побег.

15 июня 1946 года, совершив акт исключительной дерзости, Рэдеску и его племянник бежали из Румынии на небольшом самолёте, предоставленном сочувствующими офицерами. Их целью была Турция, но из-за технической неисправности им пришлось совершить вынужденную посадку на Кипре. Британские власти на острове приняли их вежливо, но отказались разрешить дальнейший выезд.

Для Рэдеску Кипр стал своего рода политическим Касабланкой — формально убежищем, но фактически местом содержания. Он ясно выражал желание поехать в Швейцарию, но британские чиновники бесконечно затягивали рассмотрение, настаивая, что он должен сначала отправиться в Лондон, чтобы получить швейцарскую визу. Британцы боялись, что он появится на Парижской мирной конференции (июль–октябрь 1946) и вызовет международный скандал.

Несмотря на месяцы усилий, швейцарская виза так и не была получена. Швейцарское правительство, втянутое в споры с союзниками о награбленном нацистами золоте и ставшее зависимым от русско-швейцарского торгового соглашения, отказалось впустить Рэдеску. Французы также отклонили его просьбы. Больной, обедневший и измотанный, он оказался в душном лагере для беженцев — фактически в заключении у тех самых западных держав, которые утверждали, что защищают демократические принципы.

Когда его средства иссякли, британцы предложили финансовую помошь — но только в том случае, если он согласится остаться на Кипре навсегда. Он отказался. Рэдеску и Никулеску получили португальские визы. Игнорируя дальнейшие попытки британцев удержать их, они сели на грузовое судно, направлявшееся в Марсель, а затем через Париж и Мадрид добрались до Лиссабона.

Всё ещё находясь под наблюдением британских и американских спецслужб, Рэдеску отправился в Швейцарию на лечение в Лозанне, где встретился с королём Михаэлем и другими румынскими изгнанниками, предлагая создать движение сопротивления. Позднее он вернулся в Лиссабон и 2 апреля 1947 года отплыл в Соединённые Штаты как обычный пассажир трансатлантического лайнера. Мало кто мог представить те лишения, которые он перенёс: месяцы бегства, болезни, бедности, слежки и предательства.

После переезда в США в мае 1947 года его постиг тяжёлый личный удар: племянник, которому он полностью доверял, Барбу Никулеску, уже был завербован ЦРУ, вероятно ещё в Лиссабоне. Было ли это сотрудничество добровольным, вынужденным или мотивированным обещаниями безопасности или оплаты — остаётся неизвестным. Несомненно одно: Никулеску стал скрупулёзным информатором, докладывавшим о каждом шаге Рэдеску. Документы показывают, что он вскрывал и копировал письма генерала, отслеживал его политические контакты и передавал личные разговоры американским кураторам — всё это, живя с ним под одной крышей.

И сообщать было о чём. Оказавшись на Западе, румынские политические лидеры в эмиграции поспешили создать оппозиционный комитет. Но почти сразу небольшая группа — на которую была возложена задача спасения румынской нации — погрузилась в ожесточённую борьбу за влияние, легитимность и деньги.

Старые соперничества всплыли вновь. Бывший министр иностранных дел Константин Вишояну и бывший министр финансов Александру Крецяну, по слухам, вывезли из Румынии значительную часть государственного казначейства. Оба первоначально поддержали Рэдеску. При этом они сохраняли полный контроль над средствами.

Поскольку Рэдеску отказывался брать деньги для себя и просил средства только на нужды сопротивления, он вновь оказался вынужден полагаться на Николае Малаксу, промышленника с испорченной репутацией. Возвращение Малаксы в эмигрантскую

политику обострило напряжение. Его участие вдохновило противников Рэдеску и возродило конфликт с другим влиятельным промышленником — Максом Аушнитом, финансировавшим соперничающую фракцию. Соперничество Малаксы и Аушнита, которое продолжалось уже два десятилетия, распространилось на диаспору и отравило каждую попытку объединения.

С 1947 по 1953 год Рэдеску вёл неустанную борьбу за создание единого румынского движения сопротивления за рубежом. В 1948 году он установил контакты с румынскими эмигрантскими группами в США, Франции и Великобритании, призывая их объединиться, несмотря на политические различия.

В марте 1948 года в Париже собрался Совет политических партий, который единогласно предложил Рэдеску пост председателя. В том же году в Вашингтоне был официально создан Румынский национальный комитет. Его члены называли себя законными политическими представителями румынской нации до её освобождения.

Почти сразу после создания Румынского национального комитета в нём вспыхнули внутренние конфликты. Многие эмигранты заявляли об авторитарных наклонностях генерала, а враждебные фракции бросались обвинениями без разбору. Одни утверждали, что румынские группы в Париже подкупили, чтобы склонить их к участию в движении, обвиняли бывших членов Железной гвардии в запугивании. Другая фракция настаивала, что Рэдеску ведёт тайные переговоры с Госдепартаментом США. Противники генерала заявляли, что это означает недопустимое вмешательство США во внутренние дела Румынии. Правительство США, уже сделавшее шаги к признанию правительства в Бухаресте, официально отрицало, что вело переговоры с Рэдеску.

Движение не имело стабильного финансирования и оставалось уязвимым перед противоречивыми интересами США, Великобритании и Франции. Оппортунисты и сторонники соперничающих партий отказывались сотрудничать. Государственный департамент США и ЦРУ в конце концов пришли к выводу, что создание единой румынской оппозиции является «нереалистичным».

К апрелю 1950 года стало ясно, что румынское эмигрантское движение необратимо расколото. Признавая репутацию «великого примирителя», многие эмигранты настаивали, что темперамент, возраст и непримиримость Рэдеску парализуют работу комитета. Они рекомендовали назначить его лишь «почётным пре-

зидентом» — должность церемониальную и лишённую реальной власти, и означавшую, по сути, политическую смерть. Король Михаил, в свою очередь, потребовал «радикального решения» — полного исключения Рэдеску из политической деятельности. К лету 1950 года разрыв стал окончательным. Генерал Рэдеску покинул комитет. Константин Вишояну стал новым президентом Румынского национального комитета и занимал этот пост до 1975 года.

Не желая отказываться от борьбы, Рэдеску выступил с последним обращением к румынам за рубежом: создать новое культурное и политическое объединение — Демократический союз свободных румын. Но долгая борьба изнурила его. Его здоровье ухудшилось, он жил в бедности и в изоляции). Вскоре после составления завещания он умер в одиночестве в Нью-Йорке в 1953 году.

В завещании он писал: «Дорогие друзья, верные товарищи в борьбе за освобождение Румынии, соотечественники! Когда вы прочтёте эти строки, меня уже не будет среди вас. Я не знаю, когда наступит этот день. Я в руках Божьих... И теперь старому солдату, посвятившему всю свою жизнь служению своей стране, предстоит попрощаться с землёй, которую он любит и никогда больше не увидит».

М. А. Колеров

ТЕРРИОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ (СССР СТАЛИНА) К ТУРЦИИ В ДЕКАБРЕ 1945 ГОДА.

Документ

В струны великих, поверьте,
Нынче играет Восток.

Велimir Хлебников, 1918–1919

Мировую революцию во главе с коммунистической Германией, начатую в России Лениным, полновластный Сталин преобразовал в Мировую революцию во главе с СССР, направленную на Восток во главе с коммунистическим Китаем. Апогеем её стали годы после Второй мировой войны, когда Восточная Европа стала зоной безопасности СССР на Западе, а Восток — главным направлением его экспансии не только в Китае. В частности, хорошо известны территориальные претензии СССР к Турции в 1945–1946 гг., в своём развитии формально детализированные от имени входивших в СССР отдельно Грузинской ССР и Армянской ССР (и потому между ними не согласованные), а также экспансией СССР в Иран в части Южного Азербайджана — по линии Азербайджанской ССР¹. Исторический же контекст требует расширения данных о вдохновениях Сталина.

¹ Об этой системе территориальных претензий СССР Сталина по линии советских Грузии, Армении и Азербайджана ясно писали уже современные им компетентные наблюдатели событий в русской эмиграции, сотрудничавшие с государственными органами США в их борьбе против СССР. Например: Д. Ю. Дадин. Планы Кремля проникнуть на Юг // Русская Мысль. Paris, 11 октября 1958. С. 3.

Дело в том, что названная политическая атака Сталина против Турции служила не только примером усилий СССР, но и примером эшелонированной научно-политической и пропагандистской работы. Например, известный хранитель национальных культурных ценностей Грузии Эквтиме Такаишвили (1863–1953) именно в это время, в апреле 1945 года, был властями СССР возвращён из эмиграции во Франции в Грузию вместе с ценностями. На это соединение событий обратил внимание исследователь культурного и отчасти политического контекста грузинской экспедиции ещё 1917 года во главе с Э. Такаишвили — именно в турецкий Лазистан, населённый потуреченными грузинами — лазами². Важно, что сей Лазистан входил в круг научных интересов столь важно-го в идейном наследии Сталина — академика Н. Я. Марра (1864–1934)³.

Важно и то, что одновременно с предъявлением территориальных претензий СССР к Турции Сталин, едва преодолев свой известный первый кризис инсульта и тем самым явно задумавшись об параметрах своего политического наследия, выступил перед грузинскими историками с обширной лекцией по истории Грузии. Автор записи выступления Сталина свидетельствовал:

² Л. Кацис. Заметки читателя историко-(анти)философской литературы. VII // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 5. М., 2018. С. 225. О русской оккупации османского Трапезунда в 1916–1918 гг., а также о русских научных исследованиях этого региона во время оккупации, а также этническом его составе см.: Халит Дюндар Акарджа. Трабзон становится Трапезундом: превращение османского города в русский во время Первой мировой войны // Русский Сборник. Т. VIII. М., 2010. С. 96–97. Никаких сведений о живом грузинском присутствии в регионе здесь нет.

³ Начиная с текста: Н. Я. Mapp. Из поездки в Турецкий Лазистан (Впечатления и наблюдения) // *Mélanges asiatiques. Tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg*. Т. XIII (1909–1910). St.-Pétersbourg, 1910. См. также издание на грузинском языке: Переписка Н. Я. Марра и Е. С. Такаишвили / подг. текста Р. Я. Кавиладзе, М. Г. Мамацашвили. Тбилиси, 1991. Впервые архивные первоисточники по истории личных эпистолярных контактов Сталина и Марра в 1932 году опубликованы здесь: М. А. Леушин. Сталин и Марр: три архивных документа // Логос. М., 2001. № 4 (30). См. также этот номер журнала в сети: <https://logosjournal.ru/archive/2001/3110>. Лишь после этой публикации проблему диалога с Марром исследовал биограф Сталина: Б. С. Илизаров. Популярный академик И. В. Сталин против академика Н. Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкоznания в 1950 г. // Новая и новейшая история. М., 2003. № 3, 4, 5. См. об этом подробно: А. В. Никандров. Сталин и языкоznание: политический смысл лингвистической дискуссии 1950 года // История. Научное обозрение OSTKRAFT. М., 2020. № 2–3 (14–15).

«Османская Грузия, видно, у него глубоко болит, на карте ищет Ишхани (картинку показали — молчит, рассматривает книгу Э. Такаишвили («Археологическая экспедиция в Тортомском ущелье»): «Всё это наверняка уничтожено»). Говорит о лазах, об их языке, отмечает их трудолюбие, увлечение морем, вспоминает о грузинском населении в Смирне, около Стамбула. (...) Теорию Н. Марра о языке не признаёт. (...) Вспоминает о том, что Марр ему два письма написал, с длинной периодичностью и высоким стилем; сказал, что не ответил. Но признаёт, что у него есть многое, заслуживающее внимания».

И далее о том, что Сталин вообще подробно и негативно оценивал фактор Турции в истории Грузии⁴. Грузинский текст этого выступления Сталина 20–23 октября 1945 года, в котором тот детально обсуждал вопросы истории и перспектив Грузии был опубликован ещё в 1998 году, а его полный критически сверенный перевод на русский язык — в 2019: одновременно в печати и бесплатно и общедоступно в сети Интернет⁵.

Републикуемый ниже текст открытого письма грузинских историков о территориальных претензиях к Турции, в том числе — на Лазистан, ясно следует и не может не следовать (однако прямо не записанному в «протокол» участником встречи в Сочи историком Бердзенишвили) поручению Сталина подготовить такое письмо как историческое обоснование таких территориальных претензий и уж, во всяком случае, отражает его санкцию на это. Названный текст опубликован в «Правде» 20 декабря 1945 г.⁶ — главной политической и прямо руководящей газете СССР непосредственно, через три дня, после возвращения Сталина в Москву из отпуска в Сочи. Накануне, 19 декабря 1945 года «Правда» сообщила:

⁴ Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным // Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год. М., 2019. С. 491 и далее.

⁵ Важно, что этот текст опубликован одновременно в России (ostkraft.ru) и в США (academia.edu): причём в этой последней, крупнейшей мировой сети научных публикаций, издание с текстом названного выступления Сталина уже прочло около 2 500 специалистов со всего мира (статистика, география и научные институции читателей официально фиксируются самим сайтом academia.edu).

⁶ С. Джанашия, Н. Бердзенишвили. Письмо в редакцию газеты «Коммунисти». О наших законных требованиях к Турции // Правда. Орган Центрального комитета и М_{осковского} К_{омитета} ВКП(б). М. 20 декабря 1945. С. 2. Здесь это открытое письмо републикуется с сохранением буквы ё в тексте — так и там, как и где это дано в его русском тексте.

«17 декабря Председатель Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталин вернулся из отпуска в Москву и приступил к исполнению своих обязанностей (ТАСС)»⁷. А уже 20 декабря 1945 г. «Правда» публикует статью грузинских историков, предпосылая ей анонс в главном, правом верхнем углу первой страницы номера газеты: «Письмо в редакцию газеты «Коммунисти» = о наших законных требованиях к Турции (2 стр.)». И здесь же рядом — анонсы сообщений о внешнеполитических событиях высшего уровня: «Прием И. В. Сталиным г-на Бирнса» (Дж. Ф. Бирнс — государственный секретарь США (1945–1947). — М. К.) и «Прием И. В. Сталиным г-на Бевина» (Э. Бевин — министр иностранных дел Великобритании (1945–1951). — М. К.).

Стилистика и пафос письма историков содержит явственные аллюзии на обращение Сталина о японской войне, что, вероятно, отражает факт *личного* редактирования текста перевода Сталиным. Вот, например, для сравнения наиболее яркое место из известного обращения Сталина от 2 сентября 1945 года по поводу капитуляции Японии: «... поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания. Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побеждённой и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу (...) Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили».

В центре внимания грузинских историков их собственная национальная боль — Лазистан: они прямо ссылаются на работу Марра «Из поездки в турецкий Лазистан», но не называют имя её автора, ограничиваясь заголовком. Но примечательно также то, что — несмотря на уже давние и известные претензии Армении на выход через земли Турции в Чёрное море через Трапезунд или рядом с ним в Лазистане⁸ — текст историков предъяв-

⁷ Возвращение тов. Сталина из отпуска // Правда. Орган Центрального комитета и М_{осковского} К_{омитета} ВКП (б). М. 19 декабря 1945. С. 1.

⁸ См. об этом, например: «Чего хотят армяне? Они даже не настаивают на строгом выполнении решений Вильсона. Они готовы на новый пересмотр границ и лишь настаивают на необходимости сохранить выход к морю (через Ризе, вме-

ляет Турции от имени Грузии претензии не только на грузинские, но и на армянские топонимы — как на грузинские. Упоминаются армянские топонимы как грузинские: Ишхани, Шатберди, Панаскери. Уверенно проводимую в армянской официальной историографии историческую связь между Урарту и Арменией они отвергают по умолчанию, причисляя Урарту к числу исторических предков Грузии, чью древность видят в лице хеттов: «Урарту достойно держит знамя хетто-субарской цивилизации, развивая ее дальше. (...) На смену Урарту выступают два новых государственных образования грузинского народа — Иберия на востоке и Колхида — на западе». И относят к исторической Грузии «ряд (её, Грузии. — М. К.) ранее отторгнутых областей: Карин (область гор. Эрзерума), Харк и Апахуник (области к северо-западу от Ванского озера, тогда уже населенные армянами)». Явно развивая дух лекции Сталина историкам 20–23 октября 1945 года, где он говорил про «независимую социалистическую Грузию в составе Советского Союза»⁹, авторы видят место Грузии непосредственно в мировом контексте: «верное понимание нависшей над всем культурным миром опасности создает единую внешнеполитическую линию грузинских царей и князей». Такого рода связями прошит весь текст. Также бросается в глаза, что грузинский оригинал заголовка о «претензиях» в русском переводе демонстративно превращается в «требования», что в принципе не могло быть иметь места *вне* и *без* высшего политического контроля над текстом.

Однако современные историки, прямо специализирующиеся на изучении исторических знаний и идей Сталина, вероятно, не могут или не хотят вести квалифицированный поиск новых данных по теме исторических знаний Сталина. Именно поэтому они делают научные «открытия» о Сталине, к Сталину отношения не имеющие, — даже после того, как источники по теме его историософии растут целыми текстами. Они скандально и невежественно молчат о встрече Сталина с грузинскими историками в 1945 году. И, говоря, что Сталин «не очень хорошо» знал историю своей Грузии, игнорируют, в частности, это прямо санкциони-

---

сто Трапезунда) (...) Нельзя не признать скромности и справедливости их жалений» ([П. Н. Милюков] Париж, 8 марта 1922. Армянский вопрос // Последние Новости. Paris, 8 марта 1922. С. 1).

⁹ Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным. С. 512.

нированное Сталиным письмо грузинских академиков в «Правде» как один из источников и фактов его *публичного исторического сознания*¹⁰. Они явно «не очень хорошо» знают источники по своей теме, введённые в научный оборот ещё в 1998 и 2019 годах, задолго до их собственных сочинений. Таков их демонстративный выбор.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КОММУНИСТИ». О НАШИХ ЗАКОННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К ТУРЦИИ

В тбилисской грузинской республиканской газете «Коммунисти» 14 декабря опубликовано письмо в редакцию академиков Джанашиа и Бердзенишвили под заголовком «О наших законных претензиях к Турции. Ниже приводится перевод этого письма:

С успешным завершением освободительной войны победившая демократия организуется в оплот мира и безопасности. В этой организации свободолюбивые народы хотят занять достойные себе места, ищут осуществления своих заветных чаяний.

Грузинский народ, внесший значительный вклад в дело разгрома фашизма, заслужил также право предъявить свои законные требования.

Мы апеллируем к мировому общественному мнению по поводу отторгнутых Турцией наших исконных земель.

Речь идёт не о незначительном территориальном ущемлении, а о захваченной колыбели нашей народной индивидуальности, о преступлении, рассекшем надвое живое национальное тело.

Речь идёт о предмете вековой борьбы грузинского народа.

С глубочайшей древности грузинский народ жил, трудился и боролся на этой своей территории — от Большого Тавра до Большого Кавказа. Созиная все новые и новые центры цивилизации и государственности, грузинский народ показал порази-

¹⁰ «Трудно сказать, интересовался ли тогда (в молодости. — М. К.) будущий вождь народов историей родной Грузии. По мнению современного историка Б. С. Илизарова, Сталин, будучи уже на вершине власти, скорее всего, не очень хорошо знал грузинскую историю, но стремился заполнить этот пробел в знаниях...» (Виталий Тихонов. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М., 2024. С. 59).

тельную жизненную и творческую способность, упорную привязанность к родной земле, непоколебимую волю отстоять своё достояние.

Во втором тысячелетии до нашей эры хетты и субары — непосредственные предки грузинского народа — первенствуют в Передней Азии. В великой излучине реки, известной всему древнему миру под своим грузинским названием Гали (ныне Кизыл-Ирмак), в верхней части бассейнов рек Тигра и Евфрата они создают высокие очаги земледельческой и металлургической культуры.

В первой половине первого тысячелетия до нашей эры государство Урарту достойно держит знамя хетто-субарской цивилизации, развивая ее дальше.

Степные завоеватели положили конец государству халдов. Но грузинский народ находит в себе жизненные силы для беспрерывного развития многовековой цивилизации в новых государственных и культурных центрах, которые постепенно перемещаются к северу. На смену Урарту выступают два новых государственных образования грузинского народа — Иберия на востоке и Колхида — на западе.

Эти вновь образовавшиеся античные грузинские государства, органически выросшие на общенародном стволе, ещё занимают значительнейшую часть древней национальной территории. По достоверным указаниям древнегреческих авторов, государство сасперов, т. е. иберов, — одно из четырёх древнейших государств Передней Азии к середине шестого века до нашей веры — простирается до Калахены и Адиабены¹¹, т. е. до хребта Главный (восточный) Тавр.

Ещё в начале второго века до нашей эры Иберии принадлежит горный округ Париадра¹², восточный сектор нынешней Сивасской области, один из основных районов древнего хеттского царства. Здесь Иберия выходила к Черному морю, на что указывает название Тибарании, которое носила страна к востоку от устья Галиса ещё во времена Страбона. Бежавший от Помпея в 66 году до нашей эры Митридат Понтийский пришёл в столкновение в верховьях Евфрата с местными иберами, аборигенами древне-грузинской провинции Хурдзена — Хотена¹³.

¹¹ Страбон, География, кн. 11, г<λ>. 14, §§ 12–13.

¹² Страбон, там же, кн. 11, гл. 14, § 5; Плиний, Естественная история, кн. 6, § 28–29.

¹³ Аппиан, Войны Митридата, 101; Страбон, География, кн. 12, гл. 3, § 28.

К востоку от Тибарании, по побережью Черного моря, тянулась другая грузинская держава — Колхида, одно из четырех крупнейших государственных образований Передней Азии в 6 веке, как об этом свидетельствует «отец истории» — Геродот¹⁴.

Наука располагает столько же достоверными данными о границах царства Колхида, — по-грузински называвшейся Эгриси. Известный греческий писатель полководец Ксенофонт, лично побывавший в Колхиде в 400 году до нашей эры, сообщает, что Трапезунт и Керасунт (ныне Гиресун) — города Колхида, что вокруг Трапезунта живут колхи. Со своим десятитысячным отрядом Ксенофонт пробыл целый месяц в колхских деревнях близ Трапезунта и отсюда совершил опустошительные набеги на другие части Колхиды¹⁵.

Вся территория южной, вернее юго-западной Грузии, т. е. Колхида к западу от устья реки Чорохи и Иберии к югу от истоков реки Куры и Чилдырского озера, с глубокой древности была сплошь заселена грузинскими племенами, позднее объединившимися в грузинскую нацию.

30 веков дрался грузинский народ за своё достояние и свои позиции с враждебными силами, стремившимися вытеснить его со всемирно-исторической арены. Но никогда грузинский народ не терял национального самосознания и нерушимой связи со своим великим прошлым, не отказывался от своих священных прав. Вынужденное под напором превосходящих сил отступление оказывалось времененным. Грузинский народ вновь собирался с силами и атаковывал [sic] врага, громил захватчиков и возвращал себе свои земли.

В начале нашей эры римлянам удаётся завоевать Колхиду. Позднее, в 4-м веке, из Восточной Колхиды образуется Лазское царство, которое у грузин продолжало именоваться древним национальным названием Эгриси. Что Лазика — наследница Колхида и что сами лазы являются прямыми потомками колхов, никем не оспаривается. Об этом свидетельствует византийский историк 6-го века Прокопий Кесарийский [sic]: «Невозможно, чтобы колхи не были те же лазы... Имя колхов изменилось в настоящее время в имя лазов, как это было и со многими другими народами»¹⁶. Ещё определённее высказывается младший современник

¹⁴ Геродот, 437, 440, 1104, 1110.

¹⁵ «Анабазис», кн. 4, гл. 8; кн. 5, гл. 3.

¹⁶ «О войне с готтами» [sic], 82.

Прокопия Агафий: «Что лазы в древности назывались колхами и действительно являются ими, в этом никто не будет сомневаться, кто ознакомится с населением Фазиса, Кавказа и окрестных стран». «Лазы, — говорит тот же византийский писатель, — являются сильным и храбрым народом, господствующим над другими сильными народами. Они чрезвычайно гордятся древним именем колхов, быть может, и не без основания»¹⁷ ...

Но ведь была не только восточная, так сказать — Рионская Колхида, но и Западная, Чорохско-Трапезунтская. Именно поэтому имя лазов переносится на население Западной Колхиды, хотя последняя так и не успела воссоединиться в едином государстве с Лазикой.

Это имя остаётся за населением Западной Колхиды на всё последующее время наряду с именами чаны, халды. Грузинский писатель 10-го века выражение византийского автора «Город Лазики Трапезунт» закономерно передает на родном языке так: «Город страны мегрелов — Трапезунт».

Властителей трапезунтской [sic] империи (1204–1461) в Константинополе называли «повелителями лазов», а их владения — то Лазикой, то Колхидой. Для уяснения же пределов исторического расселения этого племени лазов интересно сообщение академика Марра: «В Константинополе лазами называют всех жителей Турции с берегов Черного моря, даже самсунцев и синопцев, ... а эрзерумцев лазами называют, с одной стороны — гюмшиханцев, с другой — всех прибрежных жителей»¹⁸.

Ядром политического и культурного объединения Грузии в средние века суждено было стать Картли, основной области Иберии. Знаменательные усилия в этом направлении мы видим при прославленном восточно-грузинском царе Вахтанге Горгасале (умер в 502 г.), но его попытки были сведены на нет персидским господством в VI веке. Возрождение грузинской государственности уже на феодальной основе (конец VI века), ее первые успехи в долине реки Куры были задержаны арабским завоеванием. Главный центр сопротивления захватчикам и организации национальных сил перемещается на южно-грузинскую территорию.

Достойно внимания, что именно владетели южно-грузинской провинции Спер (ныне — Испир) в верхнем течении реки Чоро-

¹⁷ 218, 35.

¹⁸ Из поездки в турецкий Лазистан, стр. 608.

хи Багратионы, имевшие собственный домэн [sic] в области города Байбурт, и явились основателями общенациональной династии, объединившей всю Грузию в конце X века. Но ещё перед объединением Багратионы, будучи князьями одной лишь части Грузии — Тао-Кларджети, отвоевывают значительную часть южно-грузинских земель. Так, царь Давид III в 979 году вынуждает императора Василия Болгаробойца уступить Грузии ряд ранее отторгнутых областей: Карин (область гор. Эрзерума), Харк и Апахуник (области к северо-западу от Ванского озера, тогда уже населенные армянами), важнейшую крепость Халдо-Арич (что значит халдское поселение) и Клисурь (проход) на магистральном пути из Эрзерума в Трапезунт, Чой-Майри в верховьях реки Чорохи и др. В <9>80-х годах Давид выдвинул границы ещё дальше к юго-западу, отвоевав области Дерджан (ныне Терджан) и Тарон, а в 997 году он взял город Манаскерт (Мелязгерд).

Таким образом, южная пограничная линия Грузии была протянута от озера Ван до города Эрзинджан.

В южно-грузинских княжествах в IX–X веках пышно расцветает грузинская культура, теснимая в долине Куры арабами. На всей территории бассейна Чорохи, верховьях Куры и Е^вфрата воздвигаются монументальные строения, блестящие памятники самобытной грузинской архитектуры — Бана (в районе Олтиси, ныне — Ольты), Хахули (близ Тортума), Ошки (там же), Ишхани, Цкарос-Тави, Тбети, Хандзэт, Анча со своими двенадцатью обителями («Грузинский Синай»), Опиза, Долис-Кана, Шатберди, Панаскерт и др.

Большой размах получает в Тао-Кларджети получает развитие грузинского литературного языка, представленное такими выдающимися деятелями, как Георгий Мерчули, Микаэль Модрекили (гимнограф и композитор), Иоанэ и Евфимий Мтацмидели и др. Именно здесь получает законченную форму сознание единства Грузии феодальной эпохи.

В великолепном раскрытии культурных творческих сил грузинского народа на протяжении 11–13 веков южная Грузия занимает одно из первых мест. Достаточно назвать великого Руставели, несравненных мастеров-художников Бека Опизари, Бешкена Опизари, гордость грузинской философской мысли — Иоанэ Петрици, выдающихся филологов и историков Георгия Мтацмидели и Эфрема Мцирэ, чтобы понять, каких сынов дала южная Грузия матери-родине.

Естественное развитие Грузии было прервано монгольским нашествием. Почти два столетия, с перерывами, самоотверженно боролся грузинский народ, защищая свою свободу и культуру.

Западный мир должен помнить с благодарностью, что великая Русь на севере и сильная в то время Грузия на юге послужили основным барьером, ослабившим страшный натиск кочевых завоевателей. Но грузинскому народу это стоило невозместимых потерь. XV столетие, памятное в истории человечества важнейшими событиями, Грузия встретила истерзанной, истекающей кровью. Это в тот момент, когда на Ближнем Востоке вместо [sic] татар заступают новые кочевники-завоеватели — турки-османы.

В XV веке турки вплотную подходят к Грузии. К этому времени Грузия в результате внешних и внутренних неблагоприятных условий представляет собой ряд отдельных феодальных образований. Но и в этом состоянии южно-грузинское княжество — Самцхе, еще простиравшее свои владения до Эрзинджана и до подступов к Трапезунту, героически отбивается от наседающего кровожадного врага. Более того: верное понимание нависшей над всем культурным миром опасности создаёт единую внешнеполитическую линию грузинских царей и князей, два раза пытавшихся организовать широкую коалицию европейских и ближневосточных государств против турок-османов. Неудача этого предприятия не ослабляет энергии грузин: соединёнными карталинскими, имеретинскими и южно-грузинскими силами они дают не один кровавый урок захватчикам. Так, например, в 1545 г. грузины одерживают блестящую победу над вторгшейся огромной турецкой армией в Басиани (близ Эрзерума).

С невиданным ожесточением сопротивлялся грузинский народ намерению турок, захвативших к этому времени большую часть Ближнего Востока и Балканский полуостров, завоевать всю Грузию. Изгнанным из западных и центральных районов Грузии туркам всё же удаётся закрепиться в южной Грузии, оторвав ее от матери-родины.

Однако в дальнейшем борьба не прекращалась. Сознание единства Грузии никогда не умирало. Грузинский историк XVII века Горгизанидзе выражает настроение своих соотечественников, когда говорит, что «исповедывавшие христову веру» [sic] грузины, зажатые между двумя большими мусульманскими государствами — османской Турцией и Ираном, «много постарались, долго рубились они на одной стороне и на другой стороне, много повре-

дили своим врагам, но не одолели их; султан и шах поделили Грузию между собой (автор имеет в виду ирано-турецкий договор 1555 года) — Самцхе, Картли и Кахети — были признаны за шахом, а Имерети, Одиши, Гурия, Абхазия и земля лазов — за султаном».

Грузия, однако, никогда не признавала дележа, учиненного хищниками, и никогда не отказывалась от своих южных и юго-западных земель. IV сепаратный артикул русско-грузинского трактата о дружбе 1783 г. гласит: император «обещает в случае войны употребить всевозможное старание пособием оружия, а в случае мира — настоянием о возвращением земель и мест, издавна к царству Карталинскому принадлежащих».

Грузины принимают участие во всех войнах XIX–XX вв. России с Турцией, возлагая на них надежды, связанные с возможностью объединения. Лучшие сыны грузинского народа — И. Чавчавадзе, Г. Церетели, А. Церетели, Гр. Орбелиани, Д. Кипиани, — восторженно приветствовали возвращение каждого нового грузинского района из числа захваченных Турцией. Всеноародным ликованием было отмечено отнятие у турок Батумской области, Ардаганского и Артвинского округов, занятие Эрзерума, Лазистана, Трапезунта. Народ видел в этом воплощение своей вековой мечты.

Много завоевателей видела Грузия. Турки по праву заслужили звание наихудших из них. Только смерть, разрушение и одичание приносили они всюду, куда они ни появлялись. Развитая материальная культура в захваченных грузинских областях была поставлена на несколько ступеней ниже. Городская жизнь полностью заглохла там, где раньше она была ключом. Исчезли интенсивные сельскохозяйственные культуры — виноделие, шелководство. Обнищало население. Самому зверскому, бесчеловечному гонению была подвергнута святая святых грузинского народа, его язык, его законы и традиции, культура и вера отцов. Огнём и мечом насаждались турецкий язык и ислам.

Непокорное население массами изгонялось с насиженных мест. Там, где в VIII веке был построен храм Бана, один из самых выдающихся памятников мирового христианского творчества, там, откуда в XII веке раздался голос бессмертный голос Руставели, где в XIV веке были сооружены великолепные храмы Чуле и Сафара, с нашествием турок и на все протяжении их господства не создано было ничего положительного. Под мечети были приспособлены грузинские храмы; ещё в начале XX века население пользовалось лишь мостами, построенными при царице Тамаре.

Однако грузинское население, попавшее под иго турецкого господства, продолжало всегда бороться против угнетателей. Не удалось туркам, несмотря на все свои старания, искоренить былое органическое единство оторванных южных районов с Грузией. Все факты, мировое общественное мнение, наука подтверждали и подтверждают это единство. Сами турки вынуждены его признать. Захватив в 1578 г. южно-грузинское княжество Самцхе, турецкое называло его Гюрджистанским, т. е. Грузинским вилайетом. Сохранился и издан Грузинской академией наук турецкий официальный документ 1595 года — «Пространный реестр Грузинского вилайета» («Девтери Муфассал Вилайети Гюрджистан»), в одной своей части описывающий в числе других районы Чилдири, Понхови, Паняки (Бана), Ардаган.

Другой вилайет — Трапезунтский — в 60-х годах прошлого [XIX. — М. К.] века включал в себя всю территорию до реки Кизыл-Ирмак (древний Галис) и был разделен на четыре санджака: 1) Лазистан, от русской границы до г. Ризе, 2) Трапезунтский — от Ризе до гор. Орду, 3) Джаник, от Орду до реки Кизыл-Ирмак, с центром в городе Самсун и 4) Гюмишхана¹⁹. Таким образом, еще в конце XIX века турецкая официальная номенклатура свидетельствовала, что даже область города Самсун, вплоть до Кизыл-Ирмака, есть Джаник, страна чанов — т. е. тех же лазов.

Турецкая энциклопедия «Гаамус-Уль-Алам» сообщает: «Лазы живут на юго-восточном побережье Черного моря, в Трапезунтском вилайете... считаются кавказским народом и имеют родство с грузинами... даже внешность их говорит об их кавказском происхождении и race».

До XX века сохранила южная Грузия большое количество грузинских географических названий. На картах XIX и начала XX столетий значится много таких чисто грузинских названий, как Имера (к северо-востоку от Гюмюшанэ), Дзара, Гориана, Маджара, Шува, Мирзани, Мохора, Лори, Боршиани, Натехилеби, Ксанта, Китра, Чорогма, Харти, Чумовани, Орцвери и др. Сейчас турецкие усиленно стирают грузинские географические имена, разрушают грузинские исторические памятники — шедевры архитектуры. Они снова массами переселяют грузинское население в отдаленные районы, изгоняя их с родных мест, обильно полых кровью и потом сотен поколений наших предков.

¹⁹ Отчет английского консула В. Джиффорда Пальгрева, том 7, приложение.

В тяжёлое время, которое переживал грузинский народ в 1920 году и в начале 1921 года, турки вторглись и оккупировали на территории Грузии Ардаганский, Олтинский и Артвинский округа и южный сектор Батумского округа в добавок к ранее захваченным исконным грузинским землям.

В период Великой Отечественной войны советского народа с фашистской Германией Турция, оставаясь фактически на стороне немецких захватчиков, вновь зарилась на наши территории. Об этом откровенно писала турецкая печать. Ещё раз Турция добровольно пошла на службу империалистической Германии, нанося ущерб антигитлеровской коалиции.

А мы? Есть ли необходимость напоминать миру о том, какой вклад внёс грузинский народ в священное дело Объединённых наций?

Грузинский народ должен получить обратно свои земли, от которых он никогда не отказывался и отказаться не может. Мы имеем в виду районы Ардагана, Артвина, Олты, Тортума, Игира, Байбурта, Гюмюшанэ и Восточный Лазистан, включая районы Трабзона и Гиресуна, т. е. лишь часть территории, отторгнутых от Грузии.

*С. Джанашша, доктор исторических наук,
действительный член Академии наук Грузинской ССР.*

*Н. Бердзенишивили,
действительный член Академии наук Грузинской ССР.*

Михаил Гершзон

СТРЕЛЬБА ВО ВСЕ СТОРОНЫ ВСЕВОЛОДА КОЧЕТОВА: РОМАН «ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ?»¹

Ко времени выхода романа «Чего же ты хочешь?» В. А. Кочетов был уже очень известным писателем. Остановимся на основных и малоизвестных фактах о писателе, а также о его романе.

Всеволод Анисимович Кочетов родился в 1912 году в Новгороде. В 1927 году переехал в Ленинград. Здесь он работал на судоверфи, а с конца 1930-х журналистом в главной газете северной столицы — «Ленинградская правда». Известность пришла к Кочетову в 1952 году, после публикации романа «Журбины». Надо сказать, что в тот период издавались и популяризовались произведения, созданные в стилистике, характерной для «бесконфликтности». В этих произведениях конфликт строился на борьбе хорошего с лучшим. В 1952 году партийная верхушка дала установку на отход от «бесконфликтности». Роман В. Кочетова, вышедший тогда и посвященный жизни рабочей династии — строителям на судоверфи, был сразу же замечен как партийными идеологами, так и читателями. Более того, на основе романа было решено создать фильм. Для того, чтобы было ясно, в каком исключительном положении оказался автор «Журбинах», отметим, что в 1951 году в Советском Союзе было создано всего 7 полнометражных картин (причем не все они были художественными), а в 1952 го-

¹ Первая публикация: *Михаил Гершзон. Стрельба во все стороны Всеволода Кочетова // Чего же ты хочешь?* М.: Книжный магазин «Циолковский», 2021.

ду — 15 фильмов². План и тематика фильмов рассматривались и утверждались в Правительстве и лично Сталиным. В этот период в плане производства фильмов преобладали картины на историко-биографические темы, фильмы на современные темы были трафаретными, невыразительными, серыми. Несмотря на то, что снимали их талантливые режиссеры, а играли в них выдающиеся актеры. Некоторые сценарии на современные темы, ранее включенные в план производства фильмов, позднее были из него исключены. Процедура создания фильмов в тот период была достаточно сложной и многоступенчатой. Режиссер на фильм утверждался Министерством кинематографии, ход работы над сценарием и постановкой фильмов неоднократно обсуждался на художественном совете Министерства кинематографии³. Затем ход производства кинокартин обсуждался на коллегии Министерства кинематографии СССР. И на худсовете, и на коллегии высказались замечания и предложения к фильмам, большая часть которых носила не рекомендательный, а директивный характер. Режиссера на фильм в конце 1940-х — начале 1950-х гг. выбирал не автор произведения (зачастую он вообще не имел никакого влияния на выбор) — он подбирался Министерством кинематографии.

На «Журбинах» в качестве постановщика был утвержден И. Е. Хейфиц⁴. В качестве соавтора сценария к не имеющему опыта работы в кино В. Кочетову назначили С. Кару. Сохранилась стенограмма худсовета, на котором обсуждался литературный сценарий «Журбинах». Выступавшим А. Суркову, Л. Леонову и Д. Заславскому, нравилось, что в произведении «конфликты есть, много конфликтов»⁵. А Сурков даже подсчитал количество кон-

² Для сравнения. В тот же период, в таких странах, как Италия или Франция, в год производилось около 100 художественных фильмов. Ограничения производства фильмов в СССР было обусловлено установкой властей на создание меньшего количества фильмов, но повышения их качества. Период 1948–1952 гг. в истории советского кино получил название *малокартинье*.

³ В состав Художественного совета Министерства кинематографии СССР входили, в частности: главный редактор «Правды», а в будущем идеолог позднего хрущевского периода Л. Ф. Ильинцев, руководитель комсомола (а в 1955–1960 гг. министр культуры СССР) Н. А. Михайлов, писатель Л. М. Леонов, поэт А. А. Сурков, известный критик Д. И. Заславский, актер М. И. Царев и другие.

⁴ И. Е. Хейфиц (1905–1995), помимо этого фильма среди его наиболее выдающихся работ: «Дело Румянцева», «Дорогой мой человек», «Дама с собачкой», «Плохой хороший человек».

⁵ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3519. Л. 53.

фликтов в книге. В этом смысле роман совпадал с новыми указаниями, поступавшими от тех, кто руководил идеологией в стране. В то время считалось, что основой сюжета в художественном фильме на современную тему должна быть производственная тема, а «семейная и бытовая линия» должна была оставаться в тени. Приходилось даже отстаивать то, что «произведения о рабочем классе, о людях производства могут быть различными и если в фильмах будет выявлена внутренняя жизнь людей, быт, культура, то это не является чем-то отрицательным, а даже положительным»⁶. Критика сценария В. Кочетова была достаточно резкой. Порицали авторов сценария в основном за то, что они не смогли переработать роман в хороший сценарий для фильма. Вот, что Кочетов сказал в ответ на обвинения: «Меня обижает, когда отдельные члены Художественного совета говорят так — авторы мало поработали, авторы не поработали. Это совершенно за пределами знаний членов Художественного совета. Авторы поработали много, но может быть недостаточно наработали. Но работали очень много. И просто обидно слышать, когда говорят — мало поработали»⁷. Полемика велась и с руководством Министерства кинематографии. Заместитель министра Н. К. Семенов в январе 1953 года вспоминал о своем споре с В. А. Кочетовым по поводу конфликта Андрея и Кати в сценарии⁸. Семенов утверждал, что этот конфликт решен писателем очень упрощенно. О непростом пути произведений В. Кочетова и его сложных взаимоотношениях с властью мы расскажем еще не раз.

Заметим еще, что успех к писателю Кочетову пришел достаточно поздно — когда ему было 40 лет. К упомянутым выше Л. М. Леонову и А. А. Суркову признание пришло гораздо раньше.

Для тех, от кого это зависело принятие решений в сфере кино, в начале 1950-х гг., идеалом советского общества была некая «большая семья». В 1951 году писатель В. Н. Ажаев⁹ создал сце-

⁶ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3519. Л. 59–60.

⁷ Там же. Л. 65.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3641. Л. 121.

⁹ В. Н. Ажаев (1915–1968) — писатель, в советское время наиболее известным был его роман «Далеко от Москвы», издававшийся огромными тиражами и переведенный на иностранные языки. За него писатель получил Сталинскую премию. По роману в период малокартины режиссером А. Столпером был снят одноименный фильм. Успехом книги «Далеко от Москвы» во многом объясняется то, что Ажаеву в начале 1950-х гг. поручили создание сценария на совре-

нарий «Строгая любовь», который, без его согласия, переименовали в «Большую семью». Сценарий этот подвергся очень жесткой критике. Автор, высушив много упреков и замечаний, отказался от его переделки, и сценарий был снят с производства. Сценарий В. Кочетова и С. Кары, изначально утвержденный с названием «Журбины», в ходе работы также был переименован руководителями кинопроизводства в «Большую семью». Работа над фильмом совпала с периодом значительных и резких перемен в истории страны и в истории культуры. В апреле 1953 года по указанию Правительства был в корне пересмотрен план производства художественных фильмов. Теперь главными в нем должны были стать картины на современные темы, а историко-биографические сюжеты практически полностью исключены из плана. В том числе и поэтому, созданию фильма «Большая семья» уделялось очень большое внимание. С весны 1953 года большинство фильмов, находящихся в производстве, уже не обсуждалось на уровне Министерства. Кинокартина «Большая судьба» стала одной из последних, которая рассматривалась и принималась на высоком уровне — на коллегии Министерства культуры СССР¹⁰ 7 августа 1954 год под руководством министра Г. Ф. Александрова, без участия автора — В. А. Кочетова, но в присутствии съемочной группы во главе с режиссером-постановщиком¹¹. В числе прочего, коллегия Министерства рекомендовала «режиссеру И. Хейфицу и авторам сценария В. Кочетову и С. Кара продумать возможность дополнительной съемки массовой сцены, показывающей трудовой энтузиазм большого коллектива завода, имея в виду, что такая массовая сцена усилит эпическое звучание фильма»¹².

Успех картины, которая достаточно часто демонстрируется по телевидению и сейчас, во многом обеспечили не только В. А. Кочетов и талантливый режиссер И. Е. Хейфиц, но и исполнитель одной из главных ролей (в то время начинающий актер) А. В. Баталов. Картина явилась одной из первых работ перио-

---

менную тему. В середине 1930-х гг. был репрессирован. В 1966 году написал об этом пронзительный роман «Вагон».

¹⁰ Министерство кинематографии СССР было упразднено в марте 1953 года, вопросы кинематографии (с того момента и вплоть до 1963 года) решались в соединенном тогда же Министерстве культуры СССР.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 217. Л. 230.

¹² Там же. Л. 231.

да «оттепели» и, безусловно, добавила популярности писателю В. А. Кочетову.

В середине 1950-х гг. В. А. Кочетов переезжает из Ленинграда в Москву и назначается редактором ведущего советского писательского издания — «Литературной газеты» (она выходила в раз неделю). Редактировал её Кочетов вплоть до 1959 года. Не оставляет он и творческую деятельность — следующим, после «Журбинах» крупным произведением В. А. Кочетова был роман «Братья Ершовы», опубликованный в 1958 году. Он вызвал бурные дискуссии в литературной среде.

В 1961 году В. А. Кочетов становится главным редактором литературного ежемесячного журнала «Октябрь». С этого времени и до смерти в 1973 г. писатель неразрывно связан с этим журналом. Во времена В. А. Кочетова он считался и считается охранительным. В противоположность «Новому миру». Не споря с этим определением, отметим только, что редакция любого журнала в советские времена не была однообразной, а взгляды членов редакции могли значительно отличаться от позиции главного редактора¹³. В частности, в составе редакции «Октября» был и писатель С. П. Бабаевский, который известен лакировочными и бесконфликтными романами «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей», вышедшими в конце 1940-х гг. Первое же произведение Кочетова, принесшее ему известность — «Журбины», вышедшее в тот же период, когда популяризовались указанные творения Бабаевского, полностью противоположно стилистике последнего. Что касается полемики между двумя журналами, то разве не является нормальным в литературе, когда журналы занимают разные позиции и ведут полемику? Не прибегая при этом к публичным оскорблениям.

Среди основных оппонентов В. А. Кочетова в 1960-х гг. — на другом фланге был известный кинорежиссер М. И. Ромм (1901–1971) — автор фильмов «9 дней одного года» и «Обыкновенный фашизм». В середине 1950-х гг. кинорежиссер оказался в глубоком творческом кризисе, а к началу 1960-х гг. его взгляды претерпели серьезную эволюцию. Ромм неоднократно публично критиковал Кочетова за консервативную позицию, относя его к ретроградам. Ни в коем случае не осуждая позицию и взгля-

¹³ Об этом, в частности, свидетельствует и опыт редакции журнала «Новый мир» в конце 1960-х гг.

ды М. И. Ромма, напомним и такой факт. Режиссер Ромм не первый, кто участвовал в мифологизации образа В. И. Ленина на экране. Но именно его фильмы, созданные в конце 1930-х гг., с оригинальным и запоминающимся сюжетом, мастерски поставленные, заслуженно считались классикой в кинолениниане. Для читателя, который родился после 1985 года, напомним также, что каждый год на ноябрьские праздники, иногда и в другие памятные даты, фильмы Ромма «Ленин в Октябре» или «Ленин в 1918 году» демонстрировались по центральному телевидению (на большей части территории Советского Союза даже в 1980-е гг. было только два телевизионных канала, интернета не было и в помине, так же как и видеомагнитофонов у подавляющего большинства населения страны).

В 1962 году вышел роман В. А. Кочетова «Секретарь обкома», который был экранизирован в 1964 году режиссером В. Чеботаревым (он один из постановщиков таких известных и совершенно разных фильмов, как «Человек-амфибия» и «Батальоны просят огня»). Впрочем, картина «Секретарь обкома», несмотря на звездный состав исполнителей ролей¹⁴, такого успеха, как «Большая семья», не имела.

В конце 1960-х гг. В. А. Кочетов работал над крупным романом «Чего же ты хочешь?» вышедшем в номерах 9–11 за 1969 год редактируемого им журнала.

Вспомним обстановку в стране и мире в то время. В октябре 1964 года лидером партии и страны стал Л. И. Брежnev. За идеологию в стране конце 1960-х гг. отвечали, прежде всего, М. А. Суслов и П. Н. Демичев¹⁵. После отставки Хрущева прекратились публичные проработки деятелей культуры. Ряд его начинаний был признан ошибочным. Контроль в области идеологии не ослаб, но был несколько подкорректирован. С середины 1960-х гг. прекратилось упоминание Сталина в печати исключительно в резко отрицательном ключе (как это было в первой половине 1960-х гг.). Руководители страны стали говорить о заслугах Сталина в период Великой Отечественной войны¹⁶ (а вслед за ними иногда было разрешено говорить об этом в печати), факты репрессий сталин-

¹⁴ В числе актеров, снимавшихся в фильме — В. Я. Самойлов, А. Н. Смирнова, А. И. Хитяева, М. А. Глузский, Н. В. Мордюкова.

¹⁵ В 1973–1985 гг. — министр культуры СССР.

¹⁶ Отметим, что в школьном учебнике истории, изданном в 1963 году, раздел о Сталинградской битве назывался «Битва на Волге»

ского времени стали замалчиваться (по меньшей мере, не афишировались). Не будем давать оценку этим фактам. Быт (условия жизни) рядового советского человека улучшается. Одним из самых ярких проявлений этого стало введение в середине 1960-х пятидневной рабочей недели (до этого был только один выходной день). В 1967 году в Советском Союзе широко отмечалось 50-летие Октябрьской революции. Кстати, в этом году в основном закончена концентрация власти в руках Брежнева и его сторонников. В 1970 году готовились торжественно отметить столетие со дня рождения Ленина.

В области международной обстановка для СССР была очень напряженной и сложной. Единство в социалистическом лагере трещало по швам. В 1968 году в Чехословакии прокатились протесты, которые были названы «Пражской весной». Продолжалась вьетнамская война, хотя и победивший на выборах в США в ноябре 1968 года Р. Никсон обещал её закончить. Но даже не победа Р. Никсона (до него президентом США был демократ Л. Джонсон) стала главной новостью 1969 года. Противостояние СССР с Китайской Народной Республикой (второй по размеру страной социалистического лагеря), которое началось в конце 1950-х гг., перешло в активную фазу к 1964 году, достигло апогея. В марте 1969 году между СССР и КНР произошли военные столкновения на острове Даманский, которые закончились только осенью того же года. Серьезным ударом по престижу Советского Союза на международной арене стал космический полет американцев и высадка человека на Луне в июле 1969 года. Этот факт свидетельствовал (по крайней мере, для большинства стран мира) об утрате Советским Союзом лидерства в космической гонке. Безусловно, здесь указаны только главные события, происходившие в конце 1960-х гг. Именно на таком фоне происходило создание одного из самых известных кочетовских романов. В 1969 году в СССР проводились мероприятия, связанные с подготовкой к празднованию к 100-летию со дня рождения основателя Советского государства В. И. Ленина¹⁷. Именно в рамках подготовки к юбилею редакцией «Октября» и позиционировалась публикация романа В. А. Кочетова в журнале¹⁸.

Не будем подробно разбирать роман с художественной точки зрения, предоставляя читателю сделать собственные выводы.

---

¹⁷ В. И. Ленин родился 22 апреля 1870 года.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 4. Д. 175. Л. 10.

Остановимся на нескольких моментах. Роман сложен по композиции. К достоинству отнесем то, что ряд сцен, в том числе и тогда, когда действие происходит за границей, написан со знанием дела, а не карикатурно. Сказывается то, что писатель был за рубежом и, в частности, в Италии. Один из критиков говорит о хорошей фантазии автора при описании других сюжетов — об этом ниже. Автору этих строк доводилось читать о том, что роман «антиинтеллигентский». Отметим, что роман практически полностью об интеллигенции. Причем о её высшем, столичном срезе. Неудивительно поэтому, что роман оказался не понятым или не принятым частью интеллигенции, жившей в провинции. И таких рабочих, которые были в «Журбинах», в «Чего же ты хочешь» просто нет. Обратим внимание и на тот факт, что автор не замалчивает серьезные недостатки советской системы в области быта. Любому человеку, жившему во времена Советского Союза (и гораздо позже, чем в 1960-е гг.) очень хорошо знакомы изъяны социалистической системы — в частности, в сфере обслуживания.

Роман вызвал ажиотаж среди читающей публики уже с момента публикации в журнале первой части. 10 октября 1969 года заместитель главного редактора «Октября» Н. Горбачев в письме к директору издательства и типографии «Правды» сообщал: «Роман В. Кочетова привлек к себе огромное внимание как в нашей стране, так и за рубежом. Через неделю после поступления в продажу №№ 9 и 10 они были повсеместно раскуплены. В редакции раздаются десятки звонков от организаций и частных лиц с просьбой помочь приобрести 9-й и 10-й номера «Октября»¹⁹. С частью тиража десятого номера произошел курьезный и непредумышленный случай. На месте, где должен был быть кочетовский роман оказались размещены 32 полосы романа Ю. В. Бондарева «Горячий снег», который печатался в то же время и в той же типографии, что и «Октябрь». Это произошло несмотря «на очевидную разницу в шрифтах и колонтитулах, в брошюровочном цехе допущена столь элементарная ошибка при брошюровке».

В 1970 году режиссер Б. Н. Докутович²⁰ на основе романа написал пьесу в 2-х частях. Она была отдана в московский театр име-

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 4. Д. 175. Л. 12.

²⁰ Борис Никифорович Докутович после войны работал у Ю. А. Завадского в театре имени Моссовета, преподавателем в ГИТИСе, в 1966–1968 гг. был главным режиссером Тамбовского драматического театра.

ни К. С. Станиславского. Но к постановке пьеса так и не была принята²¹.

Несмотря на широкий резонанс и отклики, партийные идеологии и цензура не разрешили широкое публичное обсуждение романа Кочетова. Советская печать находилась под тотальным контролем со стороны партийного аппарата и органов цензуры. Тем не менее, к весне 1970 года появились 9 рецензий на роман. Самая известная из опубликованных — в «Литературной газете». Надо сказать, что авторы двух главных критических статей (одна из них так и не была напечатана) были весьма именитыми.

Юрий Андреевич Андреев (1930–2009), автор упомянутой рецензии в «ЛГ», доктор филологических наук, в разное время был заместителем директора Института русской литературы (Пушкинский дом), редактором серии «Библиотека поэта» в издательстве «Советский писатель». Объемная критическая статья с незамысловатым названием «О романе Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь» была напечатана в «Литературной газете» в начале 1970 года. Отмечая, что в романе «есть немало запоминающихся точно написанных страниц» и упомянутая о положительных героях книги, автор переходит к критике. Один из основных упреков к автору в диспропорции положительных и отрицательных героев в романе — отрицательных персонажей гораздо больше. Порция Браун, по мнению Ю. Андреева, предстает эдаким всесильным Джеймсом Бондом. А упрощенное «изображение методов борьбы наших идеологических противников скорее способно ослабить нашу бдительность, чем обострить ее». Сабуров (он же Гофман, он же Карадонна) — «давнишний враг нашей страны». Но именно он «стал в романе своего рода символом истинного патриотизма и в определенной степени — учителем советской молодежи! Нуждается ли это в комментариях?...» И именно Сабуров задает главный вопрос книги «Чего же ты хочешь?». Образ же писателя Булатова, фигуры явно положительной, несущей «на себе основную идеиную нагрузку — «схематичен и не обладает силой художественного воздействия. Он, Булатов, — главная и почти единственная фигура в романе, способная противостоять всем поискам классовых врагов, любому влиянию чуждой идеологии».

---

²¹ РГАЛИ. Ф. 2905. Оп. 3. Д. 202.

Автор рецензии в «Литературной газете» оценивает роман «в целом, как произведение, не дающее верной картины окружающей действительности».

Автор другой рецензии, которая так и не была напечатана, — Е. Ю. Сидоров (род. в 1938 г.). На момент публикации «Чего же ты хочешь» Сидоров был критиком в журнале «Юность», а впоследствии ректором Литературного института имени А. М. Горького и первым министром культуры Российской Федерации. «Юность» сразу откликнулась на публикацию романа. В декабрьском номере журнала за 1969 год планировалась критическая статья Е. Сидорова «Стрельба наугад» — сохранился макет статьи. Главный редактор «Юности» Б. Н. Полевой²² в письме к заведующему отделом пропаганды ЦК КПСС В. И. Степанову указывал: «статья эта в 12 номере не появилась и была снята органами цензуры»²³. В этой цитате очень интересно, помимо прочего и то, что писатель Полевой, обращаясь в ЦК, открыто называл веши своими именами. А ведь официально считалось, что цензуры в Советском Союзе не существует. Далее Полевой сообщал: «Потом в ЦК мне разъяснили, что не следует открывать критику этого романа в таком многотиражном журнале, как «Юность», что тон должна задать литературная печать, а после этого можно будет выступить и в журнале»²⁴. После того, как в «Литературной газете» была в начале 1970 года размещена рецензия Ю. Андреева, редакция «Юности» вновь решила опубликовать критическую статью, внеся в неё незначительные правки. Но «органы цензуры» опять не разрешили публикацию и сказали, что по данному вопросу нужно обращаться в отдел пропаганды ЦК КПСС. Б. Полевой, проанализировав рецензию Е. Сидорова так: «это нормальная литературная статья, без всяких перегибов и перехлестов, спокойно рассматривающая вновь вышедшее произведение автора известной хорошей книги “Журбины”».

По мнению этого критика роман «затрагивает немало острых вопросов, связанных с усилением идеологической борьбы на современном этапе. Главное его действие развертывается в Москве

²² Полевой (Кампов) Борис Николаевич (1908-1981), советский писатель, самое известное его произведение — «Повесть о настоящем человеке» — входило в школьную программу. В 1961–1981 гг. главный редактор самого популярного в стране молодежного литературного журнала «Юность».

²³ РГАЛИ. Ф. 2924. Оп. 2. Д. 272. Л. 1.

²⁴ Там же.

в среде творческой интеллигенции и молодежи. Перед читателем проходит галерея околовературных подонков, юных фарцовщиков, разложившихся “модных” писателей, аполитичных художников, развратных девиц, профессиональных анонимщиков»²⁵.

Методы, которые применяли отечественные критики по отношению к главному герою романа писателю Булатову «удивительно совпадали и по форме и по существу с теми методами, которыми в борьбе против советской литературы пользовались буржуазные зарубежные носители. Насмешка, фельетонность, передергивание, подтасовка цитат, намеки и догадки, полное игнорирование существа произведения, того главного, во имя чего оно написано»²⁶.

Помимо писателя Булатова, «все передовое, связанное с советским характером» олицетворяют «влюбленная в него ориенталист-полиглот» Ия Паладьина, инженер Феликс Самарин, историк Валерия Васильева.

Говоря о деятельности Порции Браун, критик делает следующее заключение: «Когда речь идет о сексуальной диверсии, фантазия романиста неистощима. Я вынужден опустить многие подробности...»²⁷ Кажется, можно только порадоваться за автора, которому на момент публикации романа было уже за 55 лет, способному в те весьма патриархальные (по нынешним меркам) времена неистощимо фантазировать на сексуальные темы. В среде творческой интеллигенции по мнению Егорова, не все обстоит благополучно, но картина написанная Кочетовым «не соответствует подлинной атмосфере в столичной писательской организации». Касаясь своих оппонентов и «справедливо восставая против «намеков» и «догадок», содержащихся, по словам автора, в иных статьях советской печати, сам В. Кочетов охотно использует оружие, теоретически им отвергаемое. Примеров тому в романе множество...»²⁸ По мнению Егорова, «фигура Сабурова написана В. Кочетовым наиболее убедительно. Его мысли об искусстве, о русском патриотизме, о Советской власти во многом совпадают с мыслями Булатова, но выражены гораздо естественней, человечней».

Автор этой критической статьи заключает: «Я понимаю простую мысль В. Кочетова: «Все сложно в этом мире; вчерашние

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2924. Оп. 2. Д. 1339. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 17.

²⁷ Там же. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 18.

соратники могут изменить общему делу, вчерашние враги могут стать твоими единомышленниками... Наилучшим, наиболее привлекательным человеком в мире кочетовского романа является эмигрант и преступник, который весьма эффектно предстает на фоне наших сограждан — «положительных» картонных героев, изрекающих банальности, и героев отрицательных», окарикатуренных, поголовно рвущихся к сладкой жизни»²⁹.

Относительно упреков в том, что В. А. Кочетов воспользовался служебным положением и опубликовал роман в редактируемом им журнале. Ответственный секретарь «Октября» Ю. В. Идашкин еще в 1970 году дал изящный ответ одному из возмущавшихся: «Позвольте Вам напомнить о традициях «Современника» и «Отечественных записок», о традициях Пушкина, Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, которые печатались в «своих» журналах, считали это долгом и честью»³⁰.

На роман сразу после создания были написаны несколько пародий. Они, в определенной степени способствовали росту интереса к роману. Немалая часть читателей³¹ сначала ознакомилась с пародиями. После них, возникло желание прочитать сам роман. Пародии не публиковались в прессе, а передавались из рук в руки. Не останавливаясь на них подробно, отметим лишь, обыгрывать фамилию человека в пародии (как это сделал один из авторов) — это уровень шутки, достойный начальных классов средней школы. Даже сейчас, когда СМИ пресыщены разного рода юмористическими и пародийными передачами они, в большинстве своем, не опускаются до подобного. К тому же фамилию автора одной из «пародий» можно, при желании, исковеркать очень хорошо, но крайне неприятно для её носителя.

Несмотря на большой читательский интерес к роману и определенный ажиотаж, он так и не был напечатан отдельной изданием, которое бы смогло удовлетворить читательский спрос. Книга вышла мизерным тиражом в белорусском издательстве в 1970 году. Издание это практически сразу стало раритетным. Между тем, роман был переведен на иностранные языки и издан за рубежом. Парадокс заключался и в том, что роман автора, который выступал против экспансии капиталистических стран и западных ценно-

²⁹ Там же.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 4. Д. 128. Л. 36.

³¹ По воспоминаниям людей, помнивших публикацию в «Октябре».

стей, можно было купить на Западе, а на Родине издание приобрести было не просто. Таким образом, этот роман писателя (который считался консерватором и ретроградом), также находился фактически замалчивался, он под частичным негласным запретом. По крайней мере, распространение его не приветствовалось. Об особом расположении к Кочетову со стороны властей в конце 1960-х — начале 1970-х гг. говорить не приходится. В отличие от полностью благонадежных писателей он не был награжден высшими орденами в связи с 60-летием (в 1972 году).

В связи с судьбой романа, вспоминается начало творческого пути В. А. Кочетова, задолго до «Журбинах» (хотя, как выяснилось, за отдельные моменты романа «Журбинах», признанного в конце 1970-х гг. классическим³², автор в свое время подвергался жесткой критике). В начале Великой Отечественной войны В. А. Кочетов был корреспондентом «Ленинградской правды». В одной из докладной записок на имя ответственного секретаря будущий известный советский писатель сообщал:

«Рассказывая о боевых действиях, мы печатаем преимущественно «боевые эпизоды». Все они на один лад. В каждом «фашисты трусливо бегут» и дело кончается их разгромом. Полагаем, что большинство людей даже не читают эти материалы, а кто читает — не верит, хотя сами эти факты и не выдуманы. Весь народ прежде всего смотрит сообщения Советского Информбюро. Он видит, каково положение на фронтах, и теряет уважение к нам из-за того, что мы не говорим ему всей правды. Не убаюкивать нужно народ, а открыто и мужественно говорить ему правду, как бы тяжела она ни была... Надо помнить, что мы сейчас фронтовая, а не гражданская газета и что вопрос стоит о нашей жизни и смерти. А мы часто делаем секреты из таких вещей, которые отлично известны не только противнику, но и всему населению»³³.

Эта записка послужила причиной увольнения В. А. Кочетова из редакции, исключения его из партии. Но самое главное, в условиях войны, в блокадном городе, потеряв работу, Кочетов остал-

³² В журнале «Москва» «Журбинах» охарактеризовали как роман вошедший «в золотой фонд советской литературы» и классическом произведении «о нашем рабочем классе» — см. РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 3. Д. 584. Л. 1.

³³ Цитируется по: Идашкин Ю. В. Всеволод Кочетов, каким я его знал // Континент 1990. № 263. С. 290–291.

ся без продовольственных карточек. Это важный штрих к биографии В. А. Кочетова, очень непростого человека (впрочем, таким и бывает любой творческий человек). Для полноты картины (впрочем, ни в коем случае не оправдывая ни цензуры, ни, тем более, репрессий) сравним «страдания» некоторых его оппонентов, лишившихся хорошей должности, служебной машины, пайка, или отдельных постановок в «оттепельное» или брежневское время.

С октября 1943 года журналист В. А. Кочетов служил корреспондентом в газете «На страже родины». Она существует и сейчас и является ныне газетой Западного военного округа. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) хранит документы о боевых наградах Кочетова. В 1944 году он был награжден орденом «Красная звезда». В представлении к ордену сообщается: «Лейтенант Кочетов — один из опытнейших ленинградских журналистов отличился во время зимних боев на Карельском перешейке. Он исполняет обязанности начальника фронтового отдела газеты и показал себя отличным организатором, умеющим четко руководить в трудной обстановке. Благодаря четкой работе т. Кочетова газета получала материал, точно освещавший ход боевых действий, безукоризненный в военном отношении». В наградном листе говорилось и о том, что Кочетов проявил храбрость и мужество, находясь на передовых позициях. А « очерки о героях, написанные т. Кочетовым, всегда отличались яркостью, глубиной мысли и правдивостью. Несмотря на болезнь, т. Кочетов работает исключительно-самоотверженно, не считаясь со временем»³⁴. На фронте будущий писатель вновь был принят в партию. В ходе Великой Отечественной войны В. А. Кочетов получил несколько ранений.

Близко знавшие Кочетова, отмечают его неприхотливость в быту, щепетильность в денежных вопросах. Например, есть свидетельства о том, что он всегда возвращал положенные ему командировочные в редакцию. Справедливости ради надо сказать, что известному советскому писателю было доступно многое из того, о чем рядовой советский человек, живший в 1960–1970-х гг. и позднее, не мог даже и мечтать. Здесь не имеется в виду дача в элитном писательском поселке, которая, безусловно, должна полагаться популярному и успешному писателю. Но личная машина и поездки за границу были недоступны большинству советских людей.

³⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686 196. Д. 3720. Л. 88.

Финал В. А. Кочетова был трагичным. Длительное время он был болен онкологическим заболеванием, о котором ему не сообщали. Кочетов перенес несколько операций. Последний год жизни провел в тяжелых мучениях, фактически был прикован к постели. 4 ноября 1973 года Кочетов застрелился. Подробнее об этом рассказывается в упомянутой статье Ю. Идашкина. Похоронен В. А. Кочетов на Новодевичьем кладбище. После его смерти, в журнале «Москва» вышел с купюрами его последний неоконченный роман «Молнии бьют по вершинам». Позднее, в 1983 году, он был издан отдельной книгой с достаточно большим тиражом — 100 000 экземпляров. Неизвестно, связаны эти события каким-либо образом или нет, но книга была сдана в набор в августе 1982 года, после смерти главного идеолога М. А. Суслова (умер в январе 1982 года). Роман «Чего же ты хочешь?» в советское время не переиздавался.

Сейчас, когда нет идеологической шелухи, роман читается иначе, чем в то время, когда он был создан. На восприятие художественного произведения современниками (а тем более коллегами) зачастую накладывает серьезный отпечаток то, что происходит вокруг него — личность автора, отзывы известных людей, происходящее вокруг и т. п.

Одна из деталей. В романе Кочетов не выступал (как ему приписывают иногда) против хорошей и популярной (и в наше время) песни «Черный кот». Если обратиться к тексту романа, то одна из главных героинь, Ия Паладынина размышляет так:

«Человек — такое удивительное, совершенное существо, что не может быть, чтобы природа много миллионов лет потратила на его создание, на его совершенствование лишь для того, чтобы это высокоразвитое существо, *homo sapiens*, наделенное сложнейшими органами — мозгом, сердцем, хитрейшими и тончайшими сплетениями нервов, жило лишь для того, чтобы, выпив стакан водки, бренчать на гитаре, петь про кота или про шарик, рассказывать анекдоты и от девяти утра до пяти или шести вечера сидеть в каком-нибудь учреждении за столом и прокалывать дырки в бумагах».

Сейчас, когда нередко исповедуется беспринципность во всем (не обсуждая хорошо это или плохо) роман, автор которого пишет о собственных принципах, воспринимается несколько иначе, чем во времена его создания.

В. А. Кочетов давно стал неотъемлемой частью советской литературы. Без его произведений невозможно представить отечественную прозу периода второй половины XX столетия.

Вспоминая название одной из рецензий и собственно роман, его можно было бы охарактеризовать вкратце (но отнюдь не всеобъемлюще) скорее не как «Стрельбу наугад», а как «Стрельбу во все стороны».

В наши дни, которые иногда называют временем информационного общества, когда интернет и пресса пестрят различного рода скандальными публикациями, которые определенная часть публики ставит во главу угла, легко найти однообразные данные о В. А. Кочетове. То, что принято иногда называть жареными фактами. В этой связи вспоминаются простые истины, открытые не вчера или позавчера. Главное, что остается после писателя — его книги. А не скандалы, диспуты и пена. Для того, чтобы составить мнение о писателе, надо просто прочитать его произведения.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| нау ч н о е   о б о з р е н и е |

Под редакцией *Модеста Колерова*

Редактор *З. Д. Емельянова*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-6054314-6-6

9 785605 431466 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА №ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 01.07.2025. Формат 60 × 90 ½.

Гарнитура Arnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Цифровая типография «ЦМИК»

150014 Ярославль, ул. Победы, 51, корп 2.

Тел.: (4852) 20-01-21